

W

450

333

~~287~~
W 450
333

НАШИ

Планъ сай

НАПРАВЛЕНІЯ.

В. В.



С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія М. Стасюлевича. Вас. Остр., 5 лин., 28.

1893



2116



2007088069



ОГЛАВЛЕНИЕ.

	СТРАН.
Вступлений	1
Глава первая. Сословный характер исторической интеллигенции	9
Глава вторая. Характер русской интеллигенции	60
Глава третья. Оживление <u>буржуазной тенденции</u> среди русской интеллигенции	111
Глава четвертая. Социально-культурных силы русского общества	166

Настоящій трудъ, составляющій переработку статей, печатавшихся въ прошломъ году въ журналѣ „Русское Богатство“, есть какъ бы продолженіе книги „Судьбы капитализма въ Россіи“, изданной 12 лѣтъ назадъ. Связывающимъ оба сочиненія звеномъ является мысль о томъ, что, въ противоположность передовымъ странамъ западной Европы, — гдѣ, послѣ ослабленія вліянія крупнаго землевладѣнія, руководство общественнымъ развитіемъ, въ соотвѣтствіи съ измѣненіями, имѣвшими мѣсто въ экономической сферѣ, перешло въ руки буржуазіи, за которою, въ качествѣ ея вѣроятнаго наследника, видѣется фабрично-заводскій пролетаріатъ, — въ Россіи буржуазія обречена на второстепенную роль, фабрично-заводскій пролетаріатъ не имѣетъ шансовъ на болѣе или менѣе значительное развитіе, и потому главнѣйшей возможной соціальной основой нашего будущаго, какъ это было и въ прошедшемъ, является крестьянство. Въ вышеназванномъ трудѣ мы развивали эту мысль въ ея приложеніи къ экономической эволюціи Россіи, и кто признаетъ важное значеніе въ дѣлѣ общественнаго развитія формъ экономическихъ отношеній, тотъ будетъ считать совершенно естественнымъ, если та же идея соотвѣствующимъ образомъ отразится и на отношеніяхъ общественно-интеллектуальныхъ. Предлагаемая работа, предпринятая съ цѣлью уясненія нѣкоторыхъ явленій этой послѣ-

идея! Россияне! окр...
...
...

ней области, именно и обнаруживаетъ зависимость ихъ отъ метаморфозъ, совершающихся въ глубинахъ экономической жизни страны. — Изданіе настоящей книжки мы считаемъ тѣмъ болѣе своевременнымъ, что экономическая сторона развиваемой нами — назовемъ ее, по примѣру нашихъ критиковъ, — „теоріи“, по крайней мѣрѣ въ ея отрицательной части, получила въ послѣднее время новое освѣщеніе въ прекрасномъ трудѣ г. Николая — она „Очерки пореформеннаго хозяйства Россіи“.

ВСТУПЛЕНІЕ.

Современная читающая публика состоитъ изъ двухъ главныхъ элементовъ: одинъ изъ нихъ — лица, пережившія устывенное движеніе семидесятыхъ годовъ, разочаровавшіеся въ тѣхъ рѣшеніяхъ социальныхъ вопросовъ, какія были выработаны тогдашнимъ теченіемъ жизни, и теперь относящіеся въ этимъ вопросамъ болѣе или менѣе индифферентно; другой — молодежь, развивавшаяся при другихъ условіяхъ, не испытавшая тѣхъ вліяній, какія неотразимо дѣйствовали на предшествующее поколѣніе, воспринимали его чувства, доставляли данныя для образованія цѣльнаго міровоззрѣнія въ дополненіе къ основаніямъ, почерпнутымъ изъ науки и литературы. Въ силу сказаннаго, эта часть нашего общества въ особенности нуждается въ знакомствѣ съ запасомъ идей и фактовъ, содержащихся въ богатой европейской литературѣ, а между тѣмъ она-то, съ грустью нужно это признать, — читаетъ или до недавняго времени читала мало. Мало читаетъ она западныхъ писателей, недостаточно знакома и съ той переработкой европейскихъ идей, какая сдѣлана русской литературой въ періодъ оживленія нашей общественной мысли.

При такомъ настроеніи читателей — при отсутствіи живого ихъ общенія съ источниками просвѣдательныхъ общечеловѣческихъ идей на западѣ и въ виду безжизненнаго состоянія современной дѣйствительности, не представляющей достаточныхъ

инпульсовъ для возбужденія нравственной и интеллектуальной энергій индивида—живое отношеніе нашей литературы къ основнымъ вопросамъ общаго житія и этики, усвоеніе того, что сдѣлано по этимъ отдѣламъ наукой, попытки примѣнить ея завоеванія къ условіямъ русской жизни, — хотя бы во всемъ этомъ было много повторенія высказаннаго 10—15 лѣтъ назадъ, — имѣло бы особенное значеніе. Но именно теперь-то широкіе вопросы находятся въ особенномъ заговѣ въ нашей литературѣ, которая тѣмъ болѣе разбивается на мелочи, чѣмъ настоятельнѣе потребность въ крупныхъ обобщеніяхъ. Въ нижеслѣдующемъ мы имѣемъ намереніе поговорить съ читателями объ одномъ изъ такихъ обобщеній, не пользующемся особеннымъ авторитетомъ въ настоящее время, но имѣющемъ важное значеніе, какъ выраженіе новаго момента въ логическомъ развитіи нашей общественной мысли.

Будущій историкъ общественнаго развитія Россіи не пройдетъ семидесятихъ годовъ текущаго столѣтія, не остановивъ на нихъ своего вниманія. Онъ ихъ отиѣтитъ, какъ періодъ, когда въ нашей интеллигенціи очень ярко выразилось стремленіе сдѣлать центральнымъ пунктомъ своего общественнаго міросозерцанія и дѣятельности трудящуюся массу, что ведетъ къ необходимости раньше или позже пересмотрѣть съ этой точки зрѣнія ходячія соціологическія „истины“. Мало того, что въ эти годы возникло (или возродилось) направленіе, охватившее часть такъ-называемой интеллигенціи: тогда все общество прониклось особеннымъ интересомъ къ крестьянству. „Народъ“, „народный интересъ“ получили въ общественномъ мнѣніи такой авторитетъ, что къ нему постарались приназаться даже отѣнки мнѣній, не только не имѣющіе съ народомъ ничего общаго, но и относящіеся къ нему единственно какъ къ объекту эксплуатаціи. Вотъ почему и о „народничествѣ“ „говорится такъ часто“, почему оно „есть нѣчто весьма неясное, не легко опредѣленное, произвольное; народниками называютъ себя¹⁾ люди—очень мало похожіе, даже вовсе не похожіе другъ на друга: люди съ очень опредѣленными прогрессивными мнѣніями и люди, заставляющіе

¹⁾ А еще болѣе называются другими.

на каждом шагу, что они — специальные друзья народа и однако проповѣдующіе нечто, чрезвычайно близкое къ обскурантизму^{*)}. Это же дѣлаетъ изученіе народничества, какъ особой струйки въ общемъ руслѣ общественной мысли, крайне затруднительнымъ. Трудность вопроса заключается не въ одной лишь спутанности понатій, вслѣдствіе которой терминъ „народничество“ прилагается къ отбѣлкамъ общественной мысли, ничего общаго съ нимъ не имѣющимъ. Нужно еще въ самомъ народничествѣ отдѣлить главное теченіе отъ второстепенныхъ его рукавовъ; уловить самую сущность вопроса въ томъ разнообразіи формъ, въ какія онъ облекается отдѣльными лицами или фракціями, относящимися къ дѣлу нерѣдко подъ вліяніемъ субъективныхъ предубѣжденій. Трудность вопроса усиливается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что періодъ формировація разсматриваемаго міросозерцанія былъ въ то-же время моментомъ оживленія практической дѣятельности общества, которая и поглощала большую часть его силъ, и на научное обоснованіе различныхъ программъ не оставалось ни времени, ни желанія. Отсюда — явленіе, такъ удивляющее нѣкоторыхъ писателей, что вопросы, „повидному очень капитальные, не вызвали тогда со стороны народниковъ ни одного сколько-нибудь серьезнаго труда, а трактовались небольшими статейками, съ фельетоннымъ изложеніемъ и неясною мыслью“ (Пынинъ, *id.*). Призывая даже, что „неясность мысли“ характеризуетъ на всю народническую литературу, нужно все-таки согласиться, что публицисты этого направленія не формулировали цѣльной системы міросозерцанія.

Народничество, какъ направленіе мысли культурнаго общества, присуще лишь такимъ странамъ, въ которыхъ народная масса удалена отъ вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ, и активными дѣятелями въ общественной жизни являются лица культурнаго слоя. Въ такихъ обществахъ, въ извѣстномъ періодъ ихъ развитія, главною цѣлью дѣятельности выставляется не удовлетвореніе потребностей массы, какъ совокупности живыхъ чувствующихъ и мыслящихъ индивидовъ, а — благо страны, интересы государства и т. п.; средства удовлетворенія постав-

*) Вѣсти. Евр. 1884 г., II, ст. г. Пынина: „Народничество“.

данной цѣли ищутся не въ опытѣ народа и выработанныхъ имъ формахъ жизни, а въ сознаниіи и опытѣ верхнихъ слоевъ общества; избранныя мѣропріятія проводятся въ жизнь не путемъ народной самодѣятельности, а при помощи особаго персонала, набраннаго изъ среды того же, культурнаго общества. Таинств. образомъ, и задачи государственной дѣятельности, и содержаніе мѣропріятіей, и средства приведенія ихъ въ исполненіе — все въ такихъ обществахъ естественно опредѣляется высшими, образованными слоями, причемъ обыкновенно обращается лишь небольшое вниманіе на то, что въ этомъ отношеніи можетъ дать народная жизнь, опытъ и сознаніе массы. Зато такія общества сравнительно легко производятъ заимствованія у сосѣднихъ народовъ, дальше подаивувшихся на пути прогресса и выработавшихъ готовый арсеналъ знаній и формъ, способныхъ служить для удовлетворенія сознанныхъ потребностей прогрессирующихъ обществъ. Въ числу такихъ странъ принадлежитъ Россія, и все вышесказанное пригодно въ извѣстному моменту ея историческаго существованія.

Отъ распрощаніемъ образованія и выдѣленіемъ изъ среды культурнаго общества слоя лицъ, живущихъ по преимуществу интеллектуальными интересами и посвятившихся подъ преобладающимъ вліяніемъ болѣе развитой мысли тѣхъ же сосѣднихъ народовъ, — въ обществѣ появляется критика направленія, господствующаго какъ въ государственной практикѣ, такъ и въ области науки и литературы. Раздаются голоса, что народная масса не есть сырой матеріалъ, годный лишь для того, чтобы придать болшую или меньшую устойчивость зданію государства; что у нея есть свои потребности и желанія, которыя должны преслѣдоваться наравнѣ, а можетъ быть и въпереди другихъ. Общественная наука обвиняется въ односторонности содержанія, въ которой все занято вышними формами и явленіями и гдѣ не видно народа, хотя онъ-то и составляетъ основную причину изучаемыхъ феноменовъ. Иная литература подвергается такому же осужденію за узость поля художественнаго воспроизведенія, не выходящаго за предѣлы культурнаго общества и т. д. Такъ какъ это критическое направленіе появляется въ интеллигентной части *культурнаго общества*, т.-е. въ словѣ, который

лично не испытывает больших неудобств от существующих в действительности неустойчивых, а имѣть скорѣе многія от того выгоды, но который зато, по своей интеллигентности, особенно заботится о логической правильности построения, то и неудивительно, если критика и послѣдующее творчество по данному вопросу выразились и развились по преимуществу въ сферѣ теоретическихъ, а не практическихъ идей, если въ итогѣ получались гораздо больше философскія системы, нежели важныя и разностороннія практическія программы. Къ тому же, до освобождения народа отъ крепостной зависимости и невозможно было построение практическихъ программъ, въ которыхъ много мѣста было бы отведено народному началу. Поэтому развитіе новаго міросозерцанія выразилось, главнымъ образомъ, построениемъ философско-историческихъ системъ, развивавшихъ одну и ту-же основную идею съ различныхъ сторонъ. Одни изъ этихъ построений противопоставляли господствовавшей системѣ бюрократизма, пользующагося въ значительной степени для своихъ цѣлей готовыми формами другихъ странъ, идею народности, какъ принципа, дѣлающаго излишними заимствования извнѣ и различныя кабинетно-бюрократическія измышления и способнаго дать самостоятельное содержаніе идеѣ общественности. Другіе брали „народъ“ не какъ принципъ, не какъ идею, а какъ собраніе живыхъ, чувствующихъ личностей, считали удовлетвореніе потребностей массы главной цѣлью государственной дѣятельности, и мѣру пригодности какого-либо средства, отвѣчающаго поставленной цѣли, искали не въ его національности или самобытности, а въ соответствіи потребностямъ массы, будь это соответствіе достигнуто подражаніемъ чужому образцу или развитіемъ мѣстной національной формы.

Оба теченія общественной мысли привели интеллигенцію къ сознанию необходимости внимательно присмотрѣться къ явленіямъ народной жизни съ цѣлью лучшаго изученія народнаго духа — говорили одни, его нужды и потребности — формулировали другіе. Изученіе обнаружило въ народной средѣ наличность такихъ формъ быта и такихъ воззрѣній, которыя лучше другихъ, доселѣ осуществлявшихся въ жизни, соответствуютъ требованіямъ, какія можно предъявить обществу съ точки зрѣ-

нія идеальныхъ представлений о правдѣ и справедливости. Это повело къ сближенію двухъ главныхъ направленій общественной мысли, о которыхъ сказано выше, и къ дальнѣйшему выясненію идеи народничества. Прежде въ глазахъ одного направленія народъ являлся только въ качествѣ фактора, опредѣляющаго задачи общественныхъ преобразованій; средства же, отвѣчающія потребностямъ массы, оно готово было искать всюду и надѣялось всего болѣе на сосѣднія страны, какъ достигшія высшей ступени развитія и тѣмъ приготовившія пути, по которымъ можетъ слѣдовать и Россія. Послѣ же того, какъ ближайшее изученіе европейской цивилизаціи обнаружило слабыя стороны ея новѣйшей конструкціи, а наблюденіе русской народной жизни показало существованіе въ ней зачатковъ болѣе высокаго строя — подражательное направленіе общественной мысли и въ другой части своихъ построений, относящейся къ формамъ удовлетворенія потребностей народа, стало ближе принимать къ народу же, больше и больше останавливаться на мысли, что масса населенія не только выскажетъ свои потребности, но и покажетъ средства какими всего лучше доставить имъ удовлетвореніе. Еще шагъ, и новое направленіе мысли коснулось третьяго момента сознательныхъ измѣненій въ общественной жизни — механизма, которымъ производится послѣдній.

Въ крѣпостную эпоху всѣ общественныя мѣропріятія зарождались, разрабатывались и приводились въ исполненіе исключительно силами культурнаго общества; въ освобожденной Россіи масса крестьянства призвана къ участію въ общественной жизни на ряду съ такъ-называемыми образованными классами. Отнынѣ, слѣдовательно, власть имѣла нужнымъ раздѣлять заведываніе известною частью общественныхъ дѣлъ между высшими и низшими сословіями, что открываетъ возможность большаго вліянія крестьянскихъ интересовъ и его міровоззрѣній на общее направленіе жизни, чѣмъ это было раньше. Это произошло не случайно, а было естественнымъ результатомъ какъ требованій жизни, такъ и развивающагося въ обществѣ сознанія, что правильное теченіе общественной жизни требуетъ систематическаго участія въ ней не одного класса, а всѣхъ слоевъ населенія. Принимая это положеніе за основное, неизбѣжно придти къ за-

включенію, что задачей текущаго момента должно быть доставленіе народу такого развитія, которое дѣлало бы его участіе въ общественной жизни болѣе широкимъ и плодотворнымъ.

Итакъ, — интересъ народа, какъ цѣль, формы, вырабатываемыя его коллективною мыслью или другія, соответствующія его желаніямъ, какъ средство, и самоубѣдительность населенія, какъ рычагъ общественной эволюціи — таковы три положенія, характеризующія народничество, каковы оно опредѣлилось въ пореформенную эпоху нашей исторіи. Практическое осуществленіе этихъ *vis desiderata* требуетъ умственного подъема массы, который поэтому и поставленъ, какъ главная задача переживаемаго момента.

Изъ сказаннаго видно, что народничество — движеніе въ средѣ интеллигенціи, что оно имѣетъ смыслъ лишь до тѣхъ поръ, пока привилегированное общество является главнѣйшимъ факторомъ общественной эволюціи, а его интеллигенція — авангардомъ прогрессивнаго движенія и теряетъ свой *raison d'être* послѣ того, какъ культурные классы раздѣляютъ свою инецію съ остальною частью населенія. Тогда общественная группа, составляющая нынѣ народничество, разобьется, вѣроятно, на нѣсколько, сообразно тѣмъ задачамъ и интересамъ, которыя будутъ выдвинуты на сцену новыми широкими потоками, призваннымъ къ сознательному участію въ прогрессивномъ развитіи страны. До наступленія же этого момента народничество будетъ составлять самостоятельное направленіе нашей общественной мысли, имѣющее свои теоретическія и практическія задачи, частью совпадающія, частью существующія рядомъ съ задачами другихъ общественныхъ теченій.

Настоящая работа не имѣетъ цѣлью полное обоснованіе разсматриваемаго направленія нашей общественной мысли, которое представляется тѣмъ затруднительнѣе, что во многомъ это направленіе обближается съ другими теченіями среди нашей интеллигенціи. Выросши постепенно путемъ естественной эволюціи русской общественной мысли, являясь продуктомъ совокупной работы теоретической и практической мысли многихъ поколѣній, интересующее насъ теченіе представляется однимъ изъ этаповъ на пути нашего общественнаго развитія. По высказаннымъ при-

чипамъ въ дѣлѣ теоретическаго обоснованія этого направленія наибольшую важность имѣютъ тѣ его особенности, которыми оно отличается отъ другихъ теченій и которыя заставляютъ признать его, какъ новый шагъ въ нашу развѣтвѣннѣ. Не слѣдуетъ ожидать, чтобы эти его особенности были непремѣнно чѣмъ-то въ родѣ новаго откровенія: поколѣннѣ, давшее извѣстную формулировку практическии общественнымъ идеаламъ своего времени, могло и не внести въ постановку вопроса новыхъ принциповъ, а лишь перемѣстило центръ его тяжести, заставляя думать, что главная работа настоящаго времени должна идти въ томъ направленнѣ, которое въ предшествовающнѣ эпохи замѣнялось другими задачами, больше соответствовавшими условннѣ переживавшихся моментовъ.

Главную цѣль настоящей работы поэтому будетъ не систематическое изложеннѣ материальнаго содержаннѣ всей совокупности соціально-политическихъ воззрѣннѣ извѣстнаго направленнѣ нашей общественной мысли (какъ мы его понимаемъ), и не обоснованнѣ всего этого содержаннѣ (которое было дѣлаемо очень многими русскими писателями за послѣдннѣ пятьдесятъ лѣтъ), а выясненнѣ и обоснованнѣ той черточки, того штриха, какой новѣйшая исторнѣ нашего общественнаго развитнѣ прибавила къ картиннѣ общественнаго міросозерцаннѣ, постепенно слагавшагоса мыслящими русскими людьми въ теченнѣ того столѣтнѣ болѣе или менѣе сознательной интеллектуальной работы, каковыиъ можно изобрѣнѣть возрастъ русской интеллигенцнѣ, какъ самостоятельнаго агента въ нашемъ общественномъ развитнѣ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Сословный характеръ исторической интеллигенціи.

I
I.

Изученіе дѣловаго міра челоуѣка и его производнаго — соціальныхъ отношеній — такъ мало подвинулось впередъ, что еще невозможно говорить о построеніи научнымъ путемъ такого соціально-этическо-бытового міросозерцанія, которымъ опредѣлялось бы поведеніе каждаго отдѣльнаго лица и путь развитія дѣлага общества. Несмотря на это, люди живутъ, прогрессируютъ и создаютъ абстрактныя этическія и соціальныя построенія, считаемыя ими за истинныя въ теченіе дѣльных тысячлѣтій, съ тѣхъ поръ, какъ люди стали сознать себя людьми; выработываютъ болѣе или менѣе цѣлесообразныя формы существованія, въ основѣ которыхъ нерѣдко оказываются лежащими принципы, вовсе неизвѣстныя массѣ, создавшей эти формы. Все это доказываетъ, что образованіе общественныхъ отношеній и ихъ измѣненіе нельзя считать актами совершенно сознательной дѣятельности людей, что общественныя связи между сталкивающимися индивидами вырастаютъ сами собой на почвѣ удовлетворенія каждымъ изъ нихъ своихъ индивидуальныхъ и соціальныхъ потребностей и чувствъ.

И дѣйствительно, хотя бы, вступаая въ общеніе съ собой подобными, люди преслѣдовали свои личныя цѣли каждый за

свой страхъ, не прибѣгая къ предварительному соглашенію, опредѣляющему нѣкоторыя общія нормы ихъ взаимныхъ отношеній, тѣмъ не менѣе такія нормы скоро устанавливаются сами собой, т.-е. безъ внѣшательства общественнаго сознанія, которое намѣренно проектировало бы правила, регулирующія дѣятельность членовъ общества. Эти нормы, въ случаяхъ, когда онѣ охватываютъ небольшую группу лицъ, входящихъ въ личныя сношенія, познаны ими непосредственно, могутъ быть легко сформулированы и тогда уже обращаются въ акты сознательныя; нормы же, регулирующія болѣе сложныя отношенія, обнимающія группы лицъ, дѣйствующихъ въ разныхъ мѣстахъ и въ различные моменты времени, для своего познанія требуютъ систематическаго изученія, почему они обыкновенно не известны большей части лицъ, участвующихъ въ ихъ созданіи, а меньшинству общества известны не совершенно. Сказанное относится не только къ раннимъ ступенямъ развитія общественности, но, и еще въ большей степени, къ обществамъ, значительно подвижнившимся по пути прогресса.

Если мы будемъ разсматривать принципиальную сторону явленій культурнаго и социальнаго свойства у какого-либо народа въ ту или другую эпоху его историческаго быта, — говорить пр. Карѣвъ, — то получимъ право говорить о нѣкоторой бессознательной философіи общества, къ которой можно свести эти явленія. Дѣло въ томъ, что, въ силу взаимодѣйствія между членами общества, въ немъ вырабатываются нѣкоторыя распространенныя мировоззрѣнія, нѣкоторыя господствующія моральныя идеи, нѣкоторыя общепринятыя нормы взаимныхъ отношеній между людьми, ихъ поведенія, соединенія въ группы и пр... Часто эти общераспространенныя мировоззрѣнія, господствующія идеи, общепринятыя нормы ясно не сформулированы, не приведены въ стройную систему, не объединены въ какомъ-либо общемъ началѣ, и это именно большей частью такъ и бываетъ; но даже ясно не сформулированныя, разрозненныя и необъединенныя, они проявляются рѣшительно по всамъ: съ разныхъ сторонъ эти принципы, которыми живетъ общество, мы наблюдаемъ и въ религіозныхъ вѣрованіяхъ, и въ философіи, и въ литературѣ, и въ искусствѣ, и въ политиче-

скихъ учрежденіяхъ, и въ правѣ, и въ экономическомъ строѣ. Историкъ, дѣлая характеристику какой-либо эпохи, въ сущности только формулируетъ, систематизируетъ, обобщаетъ ея безсознательную философію, пользуясь конкретными явленіями, какъ приѣрами, иллюстрирующими то или другое общее положеніе, ища основныя принципы воіхъ наблюдаемыхъ имъ культурныхъ и социальныхъ явленій въ индивидуальныхъ членовъ даннаго общества, такъ или иначе выраженныхъ, или въ саяхъ фактахъ, такъ или иначе намъ извѣстныхъ²⁾.

Безсознательность процесса происхожденія социальной культуры человека — почти общепринятое положеніе науки, хотя процессъ этого происхожденія и нельзя считать достаточно выясненными. „Для насъ быть можетъ на вѣчныя времена останется неизвѣстнымъ, какъ произошелъ языкъ, — пишетъ пр. Карѣвъ, — но мы никакъ полное право утверждать, что выразилъ посредствомъ звуковъ и жестовъ свои мысли, чувства и желанія, первобытный человекъ ставилъ своей цѣлью каждый разъ именно выраженіе той или другой мысли, того или другаго чувства, того или другаго желанія, а не созданіе языка, которое было уже результатомъ громаднаго количества такихъ актовъ“.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно происхожденія социального строя. „И въ этомъ случаѣ отдѣльныя личности вели себя одна по отношенію къ другой такъ или иначе въ виду извѣстныхъ единичныхъ жизненныхъ цѣлей, вовсе не имѣя и въ помышленіи тѣхъ социальныхъ формъ, въ которыхъ сложился возникшія такимъ путемъ социальныя отношенія... Крестьянинъ везетъ на рынокъ продавать корову, чтобы на вырученные деньги купить принадлежности домашняго обихода, но изъ множества аналогичныхъ актовъ, совершаемыхъ съ аналогичными цѣлями, складываются формы экономического оборота цѣлей страны. Не ради ихъ осуществленія, конечно, нашъ крестьянинъ продавалъ корову и покупалъ соль, восу и т. п. Итакъ, человекъ говоритъ, поступаетъ извѣстными образомъ, занимается продажей и куплей и т. д., отнюдь не ради творчества языка, обичаявъ, формъ экономического оборота и т. п.; онъ ставитъ

²⁾ Историческое Обозрѣніе, Т. I, стр. 144—5.

себѣ личныя цѣли, достиженіе которыхъ — благодаря психическому взаимодействию, совершающемуся въ обществѣ, и другія условія общезитія, — сопровождается такими объективными результатами коллективной дѣятельности, каковы суть формы языка или общественныхъ отношеній¹⁾).

Эта бессознательность происхожденія социальныхъ отношеній, которыя оказываются соответствующими извѣстному общему цѣлямъ и развиваются какъ бы по опредѣленному плану, не смотря на то, что единичные акты, которыми они образуются, совершались безъ всякой мысли о созданіи извѣстной общей формы, — давно обращала на себя вниманіе философовъ, строившихъ для объясненія этого явленія гипотезы, въ которыхъ человекъ являлся бессознательнымъ орудіемъ какой-то силы, направлявшей его поступки такимъ образомъ, чтобы, подъ видомъ удовлетворенія его личныхъ потребностей, они служили извѣстнымъ, преслѣдуемымъ этой силой, абсолютнымъ цѣлямъ. У Гегеля такой силой является всемирный духъ въ процессѣ его самопониженія, у Гартмана — „бессознательное“. „Если, — говоритъ послѣдній изъ названныхъ философовъ, — въ историческомъ развитіи, взятомъ въ его цѣломъ, мы не можемъ не признать извѣстнаго плана, ясно предначертанной цѣли, которой соответствуютъ всѣ ступени развитія; если мы при этомъ должны допустить, что отдѣльные дѣйствія, которыми созданы эти ступени, нисколько не имѣли этой цѣли въ сознаніи, но что почти всегда люди хотѣли другаго и дѣлали другое, — то мы должны признавать, что въ исторіи скрытно дѣйствуетъ нечто иное, чѣмъ случайная комбинація отдѣльныхъ дѣйствій.“ Въ этомъ Гартманъ видитъ господство историческаго инстинкта въ дѣйствіяхъ людей до тѣхъ поръ, пока сознательный разумъ еще не созрѣлъ настолько, чтобы цѣли исторіи сдѣлать своими цѣлями²⁾).

Приведенное объясненіе Гартмана плановѣрной эволюціи историческаго прогресса въ сущности ничего не объясняетъ, такъ какъ назвать искомое „бессознательнымъ“ или „инстинктомъ“ еще не значитъ сдѣлать его извѣстнымъ. Но данное явленіе для своего объясненія и не требуетъ предположенія

¹⁾ Сущность Историч. проц., с. 495—6.

²⁾ Id., с. 279.

какой-то специальной силы, будто бы направляющей человека в его общественных отношениях, как не требуется предположения особой „жизненной силы“ для объяснения физиологических отправления человеческого организма, почему указанная биологическая гипотеза, иногда столь распространенная, теперь всеми оставлена. Выдвижение таких „сил“ в социальной науке служит лишь доказательством сравнительной неразработанности этой более сложной области знания. В действительности же задачей социальной науки должно быть объяснение происхождения сложных общественных отношений из более простых психологических, подобно тому как физиология ставит себе задачей сведение сложных явлений жизни животного на более простые физико-химические процессы, свойственные составным частям его тела.

Все вышесказанное дает нам право сказать, что так как принципы или основные начала какого-либо строя, нормирующа, помимо сознания людей, их отношения между собою, не вкладываются в общество какой-либо вид человека находящейся силой, а являются результатом взаимодействия внутреннего, психического содержания человека и внешней природы, то значить, что, и не имѣя полного научнаго познания себя, какъ активнаго агента культуры, человекъ тѣмъ не менѣе обладаетъ средствами для созданія этой культуры, т.-е. для выработыванія подходящихъ формъ быта, и для открытiя величайшихъ социальнo-этическихъ истинъ. Средства эти суть:

во 1-хъ, его чувства, развивающiяся въ опредѣленномъ смыслѣ, помимо участiя сознательныхъ стремленiй человека дать имъ то или иное направленiе, но въ соотвѣтствiи съ тѣми задачами какiя ставятся человеку его положенiемъ среди враждебной природы;

во 2-хъ, тѣ званiя своихъ стремленiй, своего духовнаго содержанiя, какiя даются непосредственно - самонаблюденiемъ, самосознанiемъ;

въ 3-хъ, званiя, приобрѣтенныя наблюденiемъ внѣшняго мiра и общественныхъ отношенiй, сначала чисто эмпирическiя, а впоследствии приобрѣтающiя все болѣе и болѣе научный характеръ.

Условія органическаго развитія сложились такимъ образомъ, что появленіе альтруистическихъ чувствъ и социальныхъ инстинктовъ давало преимущество въ борьбѣ за существованіе еще на зоологической ступени развитія животнаго царства, почему эти чувства могли появиться даже на низшихъ ступеняхъ зоологической лѣстницы. Съ появленіемъ на свѣтъ Божій мыслящаго существа — человека — эти чувства не только получили болѣе широкое содержаніе, но и неизбежно отразились въ интеллектуальной сферѣ образованіемъ соответствующихъ имъ представленій и идей, чѣмъ была открыта возможность развитія болѣе или менѣе сознательнаго отношенія къ задачамъ человѣческаго существованія, возможность формулированія идеальныхъ цѣлей обществя, отвѣчающихъ лучшимъ стремленіямъ природы человека.

Взаимная связь лицъ, составляющихъ общество, служить такимъ же предметомъ наблюденія, какъ и отношенія человека къ внешней природѣ, и результатомъ этого наблюденія является понятіе о ней, какъ о связи или социальномъ законѣ, регулирующемъ людскія отношенія и пониманіе соответствующихъ нормъ, какъ обладающихъ известнымъ содержаніемъ; т.-е. является болѣе или менѣе сознательное отношеніе къ общественнымъ явленіямъ со стороны отдѣльныхъ лицъ или цѣлнхъ группъ. Это имѣетъ слѣдствіемъ, во 1-хъ, попытки оформленія общественныхъ отношеній; во 2-хъ, попытки дать этимъ нормамъ дальнѣйшее развитіе въ теоріи или на практикѣ.

Въ указанномъ случаѣ выступаетъ на сцену творческая способность человека, уже обнаружившаяся въ сферѣ личныхъ отношеній къ окружающему, а теперь направляющаяся на общественныя формы, отчего практическое ея значеніе усиливается и является возможность сознательнаго вліянія на измѣненіе общественныхъ отношеній. Это вліяніе заключается, во 1-хъ, въ измѣненіи дѣйствующихъ нормъ властью; во 2-хъ, въ измѣненіи взглядовъ лицъ на существующія отношенія, отражающемся и на самихъ этихъ отношеніяхъ.

Насколько въ процессѣ измѣненія формъ сложныхъ отношеній участвуетъ сознаніе, его роль сводится къ регулированію частностей, изъ совокупности коихъ, путемъ ихъ взаимодействія, сла-

гается общее. Иначе говоря, сознательныя индивидуальныя или групповыя дѣйствія наблюдаются лишь въ предѣлахъ отдѣльныхъ моментовъ даннаго общественнаго отношенія; измѣненіе же этого отношенія въ цѣломъ является непреднамереннымъ результатомъ соотношенія между сознательно измѣненными частными моментами, — результатомъ, который и не былъ предвидѣнъ лицами, участвовавшими въ измѣненіи послѣднихъ, или оказался далеко несоотвѣтствующимъ ихъ ожиданіямъ, насколько таковыя руководили ихъ дѣйствіями. . . .

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ жизни каждаго общества и въ процессѣ его эволюціи слѣдуетъ различать двѣ стороны: 1) органическую, стихійную или бессознательную и 2) телологическую, сознательно-целесообразную. Подъ первой нужно разумѣть рядъ явленій, служащихъ результатомъ разрозненныхъ, не согласованныхъ напередъ преслѣдованій отдѣльными членами ихъ частныхъ интересовъ; подъ второй слѣдуетъ понимать факты, вытекающіе изъ дѣятельности организованныхъ группъ, ставящихъ себѣ извѣстныя социальныя задачи. *

Читатель видитъ, что въ сдѣланномъ раздѣленіи явленій общественной жизни на сознательныя и бессознательныя, мы прилагали терминъ „сознательный“ въ условномъ смыслѣ. Собственно говоря, нѣтъ ни одного общественнаго отношенія, въ которомъ не участвовало бы сознаніе, такъ какъ эти отношенія обнимаютъ людей въ бодрствующемъ состояніи, а въ этомъ состояніи человѣку присуще сознаніе. Такимъ образомъ, любое общественное явленіе складается изъ ряда сознательныхъ дѣятельностей участвующихъ въ немъ лицъ. Но находимое нами здѣсь сознаніе не обнимаетъ разсматриваемое общественное явленіе, какъ таковое; оно относится не къ совокупности актовъ, составляющихъ явленіе, а къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Общее же, явившееся результатомъ единичныхъ сознательныхъ актовъ, есть уже явленіе, для сознанія совершенно новое, раньше нигде не предусматривавшееся и обыкновенно простому сознанію даже не извѣстное. Оно явилось такъ-же органически изъ столкновенія отдѣльныхъ сознательныхъ актовъ, какъ органически изъ лица, поставленнаго въ извѣстныя условія, развивается зародокъ.

дыш; его происхождение такъ же бессознательно, какъ бессознательно развитіе какого-либо физическаго процесса.

Какъ на образецъ стихійно слагающагося общественнаго процесса мы укажемъ на случай регулированія дѣятельности общества по производству матеріальныхъ предметовъ потребленія человека. Въ первобытной общинѣ или въ экономіи помѣщичьихъ эпохъ крѣпостнаго права, когда господствовало натуральное хозяйство, и всѣ продукты потребленія производились каждымъ для себя, распределеніе производительныхъ силъ между различными промышленными отраслями дѣлается сознательно, по извѣстному плану, основанному на учетѣ потребныхъ для данного общества предметовъ разнаго рода съ одной стороны и количества силъ, какое по техническимъ условіямъ необходимо затратить для полученія извѣстнаго результата — съ другой. Такимъ образомъ, при данныхъ условіяхъ, рассматриваемый общественный актъ является результатомъ сознательно-вольной дѣятельности, относится къ области сознательныхъ явленій соціальной жизни: вы можете сказать, кто и какъ регулируетъ здѣсь производство предметовъ потребленія.

Но если тѣмъ-же вопросомъ — кто и какъ регулируетъ производство продуктовъ — вы зададитесь по отношенію къ современному обществу, которое въ интересующемъ насъ дѣлѣ есть общество международное — то вы должны будете дать отвѣтъ, что *никого* этого важнейшаго для существованія человека акта не регулируетъ, что распределеніе производительныхъ силъ международнаго общества между отдѣльными промышленными отраслями не есть процессъ, сознательно кѣмъ-либо направленный; что онъ относится къ области явленій стихійнаго характера. Отвѣтъ этотъ означаетъ, что если вы желаете познать порядокъ регулированія производства въ современномъ обществѣ, т.-е. если желаете опредѣлить тотъ рядъ сознательныхъ актовъ, совокупность которыхъ образуетъ это регулированіе — вы должны отрѣшиться отъ представленія, что сознательное внимательство человека обнимаетъ весь процессъ въ совокупности, что сознание, — во сколько оно участвуетъ въ этомъ дѣлѣ — имѣетъ въ виду общественную цѣль регулированія производства ради потребностей всего общества; вамъ предстоитъ искать рядъ со-

знательныхъ актовъ, преслѣдующихъ другія цѣли, или совершенно личнаго характера, или если и общественнаго, то не ту все-таки цѣль, какая составляетъ предметъ нашего изслѣдованія.

Вы здѣсь замѣтите, что отдѣльныя лица устраниваютъ свои промышленныя предпріятія, сознательно руководствуясь личной цѣлью полученія дохода; что они сознательно переносятъ свои капиталы изъ одной отрасли промышленности въ другую въ зависимости оттого, гдѣ они надѣются скорѣе достигнуть той же, личной цѣли—полученія наибольшаго дохода. Вы увидите далѣе, что о степени выгодности различныхъ промышленныхъ дѣлъ каждый предприниматель судитъ по цѣнамъ товаровъ и въ этихъ видахъ внимательно слѣдитъ за рыночными ихъ колебаніями. Отсюда вы заключаете, что цѣна товара играетъ важную роль въ дѣлѣ регулированія общественнаго производства, что она указываетъ отдѣльнымъ предпринимателямъ, въ какомъ продуктѣ чувствуется недостатокъ, и какой произведенъ въ избыткѣ. Но если бы и здѣсь вы задались старымъ вопросомъ: кто устанавливаетъ связь между цѣною разныхъ товаровъ и процессомъ ихъ производства,—то опять получили бы прежній отвѣтъ, что объ установленіи этой связи никто не думаетъ, что она образуется сама собой, безсознательно, стихійно; сознательныя же акты въ этомъ дѣлѣ являются опять-таки акты отдѣльныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои личные интересы и въ этихъ цѣляхъ старающихся взять за свой товаръ возможно высшую цѣну и дать за чужой—низшую.

Результатомъ вашего анализа весьма сложнаго общественнаго акта, притомъ международнаго характера, было бы констатированіе ряда весьма простыхъ дѣйствій отдѣльныхъ лицъ, сознательно преслѣдующихъ только личные интересы и вступающихъ для этого только въ личные отношенія съ контрагентами. Здѣсь мы имѣемъ низшую стадію сознательности общественнаго процесса и высшую—его стихійности. Участіе сознанія не пошло здѣсь далѣе руководства отдѣльныхъ лицъ въ дѣйствіяхъ, имѣющихъ совершенно индивидуальныя цѣли и характеръ. Слѣдующія ступени въ развитіи сознательности разсматриваемаго процесса наблюдаются въ тѣхъ случаяхъ, когда принимаются особыя мѣры къ облегченію отдѣльнымъ лицамъ достиженія ихъ

цѣли — полученія наибольшаго дохода, — путемъ созданія организацій для сознательно систематическаго выполненія нѣкоторыхъ изъ тѣхъ функций, совокупность которыхъ имѣетъ результатомъ общее регулированіе производства и которыхъ прежде исполнялись каждымъ для себя. Принятіе такихъ мѣръ дѣлается возможнымъ послѣ болѣе или менѣе тщательнаго изученія процесса, изученія, выходящаго за предѣлы тѣхъ представленій, какія составляютъ о немъ отдѣльные контрагенты. Къ числу такихъ общественно сознательныхъ актовъ, относится, напр., организація кредитныхъ учрежденій, имѣющихъ цѣлью облегченіе доставленія кредита, устройство биржъ для объединенія цѣнъ, постройка желѣзныхъ дорогъ и т. п. Сознательное принятіе перечисленныхъ мѣръ не касается существа отношеній, которыя остаются, какъ и были, индивидуалистическими, почему и процессъ регулированія общественнаго производства продолжаетъ быть непредвзвѣренныиъ результатомъ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ, преслѣдующихъ свои частныя интересы. Но эта послѣдняя дѣятельность, прежде совершавшаяся индивидуально, теперь идетъ въ извѣстныхъ рамкахъ организовано; т. е. сознательно — планомѣрная дѣятельность вышла за предѣлы индивидуальныхъ актовъ. Промежуточные моменты всего процесса, имѣвшіе по существу общественный характеръ, а по формѣ бывшіе результатомъ индивидуальныхъ дѣятельностей, принимаютъ теперь характеръ сознательно общественныхъ, сознательно организованныхъ, вслѣдствіе чего и стихійно вырастающій на почвѣ этихъ отношеній процессъ регулированія международнаго производства совершается глаже.

Еще шагомъ впередъ въ дѣлѣ развитія сознательности разсматриваемаго процесса является устройство синдикатовъ предпринимателей съ цѣлью прямого регулированія производства какого-либо предмета потребленія, устройство, напр., синдиката русскихъ сахарозаводчиковъ, ежегодно опредѣляющаго, какое количество названнаго продукта имѣетъ право произвести каждый заводъ. Но и на этой ступени развитія разсматриваемый процессъ, какъ актъ, отвѣчающій извѣстнымъ цѣлямъ всего общества, не теряетъ вполнѣ своей стихійности и не приобретаетъ совершенно сознательнаго характера, потому что указав-

ное регулирование процесса созвония предпринимателей не имеет целью удовлетворение общественной потребности, а средства нормирования производства не приравниваются къ этой цели. Сознательность участвует въ этотъ дѣлъ, вѣсколько оно отъи-
 чаетъ личнымъ дѣламъ предпринимателей, и общественный ре-
 зультатъ процесса, какъ и прежде, вырастаетъ стихійно. Вплоть
 сознательно-общественнымъ актомъ регулирование производства
 сдѣлалось бы въ томъ случаѣ, еслибы всѣ отдѣльные его
 моменты были установлены планомерно, сообразно той роли, ка-
 кую они играютъ во всемъ процессѣ, имѣющемъ целью рас-
 предѣленіе производительныхъ силъ страны между различными
 промышленными отраслями такимъ образомъ, чтобы было до-
 стигнуто наилучшее удовлетвореніе матеріальныхъ потребностей
 всѣхъ членовъ общества.

Степень сознательности отношенія людей къ извѣстному обще-
 ственному явленію и степень развитія сознательно-планомернаго
 его регулированія зависятъ, между прочимъ, отъ большей или
 меньшей простоты явленія. Такъ, регулирование производства
 при господствѣ натурального хозяйства совершается сознательно
 при помощи учета потребностей хозяйственной единицы съ одной
 стороны, ея производительныхъ силъ — съ другой. Съ усложне-
 ніемъ общественныхъ отношеній отдѣльные единицы начинаютъ
 уже выполнять только частныя функція дѣлаго процесса, влѣд-
 ствие чего послѣдній перестаетъ быть, во-первыхъ, зависимымъ
 отъ ихъ усмотрѣнія, во-вторыхъ, доступнымъ непосредственному
 наблюденію каждаго, отъ чего составленіе правильнаго о немъ
 понятія невозможно безъ спеціальнаго его изученія. Связаннымъ
 объясняется, почему въ исторіи общественныхъ наукъ иногда
 наблюдается не послѣдовательное усненіе, а затемнѣніе пони-
 манія какого-либо общественнаго феномена. Это мы наблюдаемъ,
 напр., въ ученіи о цѣности.

Какъ мы говорили выше, — распредѣленіе производитель-
 ныхъ силъ при натуральномъ хозяйствѣ между отдѣльными про-
 мышленными отраслями совершается на основаніи учета коли-
 чества труда, необходимаго для производства единицы каждаго
 рода потребляемыхъ обществомъ продуктовъ, т.-е. для произ-
 водства извѣстнаго количества пищи, одежды, орудій, при до-

мощи которых добываются различные предметы, и т. п. Лишь основываясь на томъ количествѣ труда, какое овеществляется въ каждомъ предметѣ, можно правильно распределить данную сумму рабочей силы между всеми промышленными отраслями; и на оборотъ, устраненіе изъ числа факторовъ, вліяющихъ на организацію производства, количества труда, требуемаго для производства вещи, дѣлаетъ абсолютно невозможнымъ целесообразное распределеніе рабочихъ силъ страны между различными отраслями промышленности. Отсюда слѣдуетъ, что въ процессѣ регулированія производства въ новѣйшихъ обществахъ какими-нибудь способами совершается учетъ рабочей силы, необходимой для производства каждаго предмета; а такъ какъ единственнымъ общественнымъ феноменомъ, коимъ руководствуются въ своихъ дѣствіяхъ всѣ участники въ процессѣ, служить цѣна предмета въ этой цѣнѣ и слѣдуетъ видѣть выраженіе трудовой стоимости вещи. Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что цѣнность предмета есть отраженіе количества труда, затраченнаго на его производство.

Это представленіе о цѣнности, для вывода котораго приходится вести сложное теоретическое разсужденіе, при наглядномъ и слабо развитомъ денежномъ хозяйствѣ, составилось непосредственно, вълѣдствіе чего писатели 17 и 18 столѣтій болѣе правильныя теоріи цѣнности, нежели многіе экономисты 19 в.

Итакъ, оставаясь въ сферѣ экономическихъ отношеній, можно сказать, что соответствующая организація современнаго общества основана на принципѣ индивидуализма. Это значитъ, что весь процессъ производства и распределенія продукта не подчиняется общественному регулированію въ цѣляхъ общаго блага; что сознательная плановѣрность наблюдается въ дѣятельности отдѣльныхъ лицъ или отдѣльныхъ организацій, и послѣднемъ случаемъ илется въ виду регулированіе лишь отдельныхъ моментовъ общественного экономического процесса (банковъ, биржъ и т. п.). При этомъ слѣдуетъ, что это расширеніе сознательно-плановѣрной дѣятельности для дѣятельности индивидуальной не всегда сопряжено съ улучшеніемъ всего общественного процесса, какъ тѣ

всегда ведетъ къ тому, чтобы потребности общества въ материальныхъ предметахъ удовлетворялись лучше, чѣмъ прежде. Такъ, напр., союзы предпринимателей для регулированія производства, имѣющіе цѣлью удержаніе цѣны продукта на высокомъ уровнѣ, вредны для потребителей. Происходить это потому, что плановое регулированіе общественнаго процесса обыкновенно направляется не на тѣ стороны послѣдняго, которыя имѣютъ наибольшую важность для массы, а на тѣ, которыя представляютъ интересъ для извѣстной группы лицъ, что въ свою очередь обуславливается не одинаковою степенью развитія всего народа и не одинаковою степенью его самостоятельности и активности въ общественной жизни страны. На зарѣ исторіи человѣчества, — когда общественными отношеніями охватывали небольшую территорію и небольшую группу лицъ, и войны еще не привели къ рѣзкому раздѣленію общества на классы съ несходными или даже противоположными интересами и правами, — сознательное вмѣшательство въ общественный процесс производства совершается во имя интереса всѣхъ (общее производство продукта и распредѣленіе его между семьями по ихъ потребностямъ или участію въ производствѣ). До извѣстной степени то-же самое наблюдается и въ средніе вѣка въ сферѣ обрабатывающей промышленности (сохранившей мелкую форму), представители которой играли и нѣкоторую политическую роль. „Отдѣльный человекъ казался слишкомъ слабымъ, слишкомъ поддающимся обману и беззащитнымъ отъ него. Оттого въ средніе вѣка тѣ задачи, которыя нынѣ достигаются индивидуальной дѣятельностью, считались общественной функціей. Промышленность и торговля признавались такимъ же общественнымъ дѣломъ, какъ и государственная служба; онѣ совершались подъ постояннымъ и всестороннимъ контролемъ общества. Главная цѣль этого контроля заключалась въ томъ, чтобы приноровить раздробленное производство къ интересамъ потребления, чтобы координировать совмѣстную работу отдѣльныхъ отраслей производства и, главное, чтобы обезпечить спокойное и безбѣдное существованіе специализировавшимся производителямъ“¹⁾.

¹⁾ А. Н. Чуиловъ. Исторія политической экономіи, с. 22—23.

Съ дальнѣйшимъ развитіемъ общества масса населенія постепенно отступала на задній планъ. Съ усложненіемъ общественныхъ отношеній и сведеніемъ роли отдѣльнаго индивида до положенія небольшого винтика сложной машины, пониманіе общественныхъ отношеній сдѣлалось затруднительнымъ и требовалъ извѣстнаго образованія, приобрѣтеніе котораго было доступно только зажиточной части населенія. Это обстоятельство не давало мелкимъ самостоятельнымъ земледѣльцамъ возможности объединить свою индивидуальную дѣятельность, вносить сознательно плановѣрность въ стихійно-развивавшійся процессъ эволюціи экономическихъ отношеній или противопоставлять сознательно-предпринимаемымъ этапамъ въ интересахъ крупнаго хозяйства такіа же дѣйствія въ своихъ собственныхъ. Въ обрабатывающей промышленности положеніе мелкаго производителя было еще затруднительнѣе, такъ какъ онъ не выдерживалъ конкуренціи съ крупнымъ на почвѣ исключительно индивидуальной дѣятельности, и масса населенія могла бы сохранить свою самостоятельность лишь при условіи кооперативной организациі производства, для осуществленія каковой, — при тѣхъ быстро усложняющихся отношеніяхъ, которыя характеризуютъ исторію экономической жизни послѣдняго столѣтія, — требовалось высокое умственное развитіе, массѣ не доступное.

Такимъ образомъ, постепенно, самостоятельную, распорядительную роль въ экономической жизни стала играть небольшая группа лицъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлалась представителемъ образованности и политической силы. Внесеніе свѣта сознанія въ стихійно-текущіе общественные процессы совершалось этой же группой; мотивомъ къ замѣнѣ индивидуально сознательной дѣятельности общественно сознательною, т.-е. мотивомъ къ тому, чтобы при помощи плановѣрной группировки дѣятельностей лицъ достичь болѣе цѣлесообразнаго выполненія извѣстныхъ функцій, были видныя практическія потребности текущаго дѣла, т.-е. въ сущности интересы той же группы лицъ. Въ силу сказаннаго отдѣльные моменты индивидуальной сознательной дѣятельности лицъ, принадлежащихъ къ этой группѣ, стали регулироваться извѣстными организаціями, черезъ что удовлетвореніе соответствующихъ потребностей этой группы сдѣла-

лось болѣе совершеннымъ. Само правительство, насколько оно считало нужнымъ вмѣшиваться въ развивающіяся отношенія, дѣйствовало обыкновенно въ интересахъ той же группы, такъ какъ рядъ моментовъ экономической жизни въ ея цѣломъ представлялся ему въ той перспективѣ, какою явилась, благодаря руководительству дѣломъ господствующаго класса. Въ силу сказаннаго задачи жизни, созданныя интересомъ извѣстнаго класса, представлялись власти, какъ задачи общегосударственные, а предпринимаема рядъ мѣропріятій, въ удовлетвореніе будто-бы общаго интереса, государство въ дѣйствительности облегчало господствующему классу достиженіе его цѣлей. Заботясь о томъ, чтобы нѣкоторые винты и колеса въ экономической организаціи общества изъ актовъ индивидуально-сознательныхъ превратились въ планомерно-общественные, выполняемые, между прочимъ, при пособіи государства, послѣднее шло на встрѣчу стремленіямъ господствующаго класса, присоединяло свои силы къ его заботамъ о достиженіи наилучшаго удовлетворенія интересовъ отдѣльныхъ лицъ, входящихъ въ составъ этого послѣдняго.

Такой же ходъ дѣлъ наблюдается и въ области неэкономической.

Спрашивается, какую роль въ этомъ процессѣ играла наука и представитель ея — интеллигенція? Совершался ли вышеуказанный подъёмъ общаго интереса частнымъ, вопреки прогнандѣи передовыхъ представителей общества, или лезта, вносимыя послѣдними въ общественное дѣло, толкала его въ томъ же направленіи, въ какомъ оно развивалось подъ вліяніемъ другихъ активныхъ силъ? Отвѣтомъ на этотъ вопросъ можетъ служить анализъ тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ человѣкъ приобретаетъ систематическое познаніе общественныхъ отношеній. X

II.

Интеллигентные представители общества приступаютъ къ изученію общественныхъ явленій съ цѣлью познанія истины и въ видахъ благотворнаго вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ. Сообразно психической природѣ человѣка, они при этомъ стре-

жятся систематизировать наблюдаемые факты, объединить их идеями, оцѣнить явление съ точки зрѣнія общаго блага, истины и справедливости, предугадать грядущія событія и, наконецъ, проектировать цѣлесообразныя мѣропріятія. Такъ какъ общественныя отношенія являются производнымъ чувствъ человѣка, служащихъ выраженіемъ его потребностей, то эти чувства и вызываемыя ими абстрактныя идеи суть одинъ изъ элементовъ познанія общественныхъ отношеній. Такъ какъ затѣмъ ближайшей причиной поступковъ человѣка служатъ его конкретныя представленія, образовавшіяся на почвѣ настроенія, свойственнаго ему, какъ члену своего времени, своей націи и своего класса, то это настроеніе и представленія самого интеллигента, окрашенныя цвѣтомъ обстановки, среды, служатъ другимъ элементомъ познанія общественныхъ отношеній. Данныя наблюденія самихъ отношеній есть третій элементъ познанія.

Такимъ образомъ, на образованіе социальныхъ воззрѣній интеллигента вліяютъ индивидуальныя чувства и характеръ даннаго лица, какъ опредѣленная форма проявленія его общечеловѣческой природы, затѣмъ его національныя и сословныя чувства и представленія и объективныя, фактическія данныя. Такъ какъ объективныя данныя обнимаютъ лишь ничтожную долю возможнаго существованія человечества, и чѣмъ раньше живетъ человѣкъ, тѣмъ сфера его наблюденій ограничѣннѣе, то интеллигенція никогда не имѣетъ для своихъ построеній всего матеріала, касающагося жизни общества и для образованія понятія о послѣдней должна довольствоваться фактами, доступными наблюденію въ данное время, а недостатокъ объективныхъ свѣдѣній для составленія цѣльнаго представленія о предметѣ пополнять изъ другихъ источниковъ познанія, т.-е. субъективными данными, которыя, какъ мы видѣли, сводятся къ чертамъ общечеловѣческимъ, индивидуальнымъ, и къ представленіямъ, чувствамъ и настроенію, заимствованнымъ изъ окружающей среды. Въ силу сказаннаго, интеллигенція, какъ принадлежащая къ опредѣленной націи и опредѣленному классу, въ своихъ научныхъ общественныхъ построеніяхъ обыкновенно бываетъ представителемъ не только своего времени или націи, но и опредѣленнаго класса.

Итакъ, вслѣдствіе основныхъ психическихъ свойствъ чело-
вѣка, интеллигенція стремится объять социальныя явленія съ
точки зрѣнія общей, идеальной, а по ограниченности зна-
ній и подъ вліяніемъ личнаго интереса и среды она ихъ по-
нижаетъ въ духѣ господствующаго класса; т.-е. сознательно ста-
вить изученію общія, идеальныя задачи, а бессознательно под-
крѣпляетъ ихъ частными, классовыми. Вслѣдствіе ограниченности
средствъ для изученія социальныхъ явленій и невозможности
примѣненія въ данной области точныхъ методовъ наблюденія и
опыта, познаніе общихъ законовъ социальной жизни идетъ крайне
медленно, и интеллигенція, сознательно стремится охватить всю
сумму социальныхъ отношеній общими законами, на самомъ дѣлѣ
обыкновенно охватываетъ ихъ формулою, вытекающей или изъ
господствующихъ, или изъ стремищихся къ господству отно-
шеній.

Изучая систематически социальныя отношенія, возводя раз-
розненные факты въ цѣльную систему, интеллигенція дѣлаетъ
возможнымъ систематическое сознательно-цѣлесообразное воздей-
ствіе на социальную жизнь, причемъ, въ зависимости отъ того,
интересы какого класса — отживающаго или возникающаго — она
выражаетъ, ея вліяніе бываетъ или консервативное, или про-
грессивное, т.-е. способствующее болѣе быстрому развитію но-
ваго строя; но всегда оно бываетъ въ духѣ какой-либо социаль-
ной группы, активно участвующей въ общественной жизни.
Если же нѣкоторые лица остаются на высотѣ общаго интереса,
то, не находя въ окружающей жизни матеріала для построе-
нія практически осуществимыхъ представленій, они создаютъ
утопію.

Ученіе Томаса Мора было первой настоящей работой по
социальной философіи на англійскомъ языкѣ, носящей на себѣ
черты истинной гениальности, оригинальности и пониманія вѣч-
ной истины — моральной и социальной — говоритъ профессоръ
Грегори. Другіе философы (Компанелла, Фелонъ, Гофманъ,
Вейкопъ) также посвящали свои силы построенію схемъ идеаль-
ныхъ обществъ, и вообще созданіе политическихъ утопій было
любимой формой литературы и первой формой политическаго
уозрѣнія въ продолженіе болѣе, чѣмъ ста лѣтъ. Фантастиче-

скій характеръ этихъ умозрѣній, — продолжаютъ Греганъ, — быть результатомъ частью уваженія писателей къ существующему порядку вещей и описанію оскорбить сильныхъ міра сего, частью — недостатка матеріала для научнаго трактованія предмета и невыработанности приѣмовъ философскаго обобщенія¹⁾.

Указанное обстоятельство, т.-е. преимущественная связь проповѣдываемыхъ интеллигенціей идей съ интересами сильнаго класса и крайняя трудность для нея построенія такихъ практическихъ соціологическихъ заключеній, которыя отвѣчали бы интересамъ устранившею отъ активной общественной жизни массы болѣе, чѣмъ интересамъ привилегированнаго класса — что имѣетъ съ тѣмъ больше соотвѣствовало бы тому, что мы считаемъ соціальной истиной, — находитъ себѣ безчисленныя подтвержденія въ исторіи развитія общественной мысли.

Анализируя содержаніе продуктовъ этого развитія въ различныхъ историческихъ эпохи, мы прежде всего убѣдимся въ томъ, что самыя общія соціально-этические истины, — которыя не могли быть получены анализомъ окружающей общественной дѣятельности, а были въ гораздо большей степени результатомъ общечеловѣческихъ чувствъ, заложенныхъ въ каждомъ индивидѣ, — въ основныхъ чертахъ открыты человечествомъ очень давно, и мало подвергались измѣненіямъ, — что дало поводъ въ которыхъ писателямъ настаивать на неподвижности человечества въ развитіи его нравственныхъ идей. Что же касается претворенія этихъ абстрактныхъ идей въ конкретныя, вывода изъ теоретическихъ положеній соотвѣствующихъ практическихъ заключеній, которыя служили бы мѣрою рациональности существующихъ общественныхъ отношеній и указателей того, въ какомъ направленіи надлежало бы вести дальѣйшее ихъ развитіе — въ этомъ отношеніи интеллигенція обыкновенно уклонялась отъ правильнаго, т.-е. логическаго развитія основныхъ идей, ведущаго къ отрицанію существующей неправды и къ требованію переустройства общества въ такомъ смыслѣ, чтобы оно въ равной мѣрѣ служило интересамъ всѣхъ людей; она вступала на путь примиренія главнѣйшихъ недостатковъ общественной орга-

¹⁾ Socialism new and old, с. 32.

извация, всего болѣе невыгодныхъ для массы простого народа, съ своими абстрактными принципами и въ руководство для общественныхъ дѣятелей строила такіе конкретныя формулы, которыя существующій режимъ или совершенно оправдывался, или отрицался въ пользу класса, еще не признавшаго въ своихъ правахъ, но уже настолько сильнаго и образованнаго, что онъ выступалъ на борьбу за него въ привилегированномъ словѣ общества.

Такъ, мыслящіе представители человѣчества давно стали признавать въ теоріи принципъ равенства всѣхъ людей, но лишь немногіе изъ нихъ, и притомъ недавно, выводили изъ этого принципа кроющіяся въ немъ практическія заключенія.

„Первыми провозвѣстниками идеи равенства всѣхъ людей были религіозныя ученія, отрѣшившіяся отъ національных рамокъ, чтобы говорить всему человѣчеству. Такими ученіями были на востокѣ буддизмъ, на западѣ—христіанство“. Но эти религіи проповѣдывали свободу и равенство религіозное. „Рабство противорѣчило этой идее, но не во вѣдѣшемъ, матеріальномъ смыслѣ была понята здѣсь свобода, а во внутреннеи, моральномъ смыслѣ свободы отъ грѣха, отъ рабства страстямъ“. О равенствѣ всѣхъ людей учили также философы древности—стоики, но и для нихъ наиболѣе важное значеніе имѣла свобода внутренняя, и вѣдѣсто требованія освобожденія рабовъ, стоицизмъ совѣтовалъ послѣднимъ „подняться выше своего состоянія, бывшаго въ его глазахъ простою безразличною случайностью и неспособнаго угнетать духъ мудреца... Поэтому и Сенека, и Эпиктетъ одинаково заявляютъ, что ихъ ученіе (о естественномъ равенствѣ людей) вовсе не клонится къ уничтоженію рабства, такъ что равенство людей, о которомъ они учили, было болѣе теоретическимъ. Это особенно видно у римскихъ юристовъ временъ имперіи. Находясь подъ сильнымъ вліяніемъ стоической школы, они, подобно философамъ, признавали равенство всѣхъ людей и естественную ихъ свободу, но, подобно же философамъ—не выводили отсюда практическаго результата—освобожденія рабовъ... Ученіе о равенствѣ людей, и юристы, признававшіе свободу всѣхъ людей въ теоріи, и моралисты, говорившіе о свободѣ внутренней, были далеки отъ мысли провести въ

дѣйствительность то, что существовало въ умозрѣніи и свободу внутреннюю дополнить свободой внѣшней“¹⁾).

Точно также „средневѣковный католицизмъ, мирившійся на практикѣ съ крѣпостничествомъ, выгодами коего пользовалось само духовенство, съ своей аскетической точки зрѣнія не при давалъ особаго значенія матеріальному благу народа. Въ гуманности было слишкомъ много умственного аристократизма и слишкомъ мало альтруистическаго настроенія, чтобы онъ могъ обратить серьезное вниманіе на народныя нужды. Религіозное движеніе XVI в. ближе стало къ народу и само въ нѣкоторыхъ государствахъ охватило народныя массы, но за исключеніемъ всюду подавлявшагося сектанства, получившаго демократическій характеръ, протестантизмъ былъ далеко отъ того, чтобы взять подъ свое покровительство низшіе классы общества, тѣмъ болѣе, что самъ онъ нерѣдко принималъ аристократическій характеръ. Въ частности стоитъ вспомнить отношенія Лютера къ крестьянскому возстанію или же, какъ смотрѣли на народъ политическіе писатели изъ кальвинистовъ и даже индепендентовъ“²⁾).

Юристы, изучавшіе римское право, право способствовали закрѣпощенію народа. Въ Германіи XV в. они оказывались помощниками феодальныхъ господъ, толкуя различныя формы крестьянской зависимости отъ землевладѣльцевъ въ смыслѣ римскаго рабства, и уча, что земля принадлежитъ господамъ на правахъ полной собственности, а крестьяне являются пользователями своихъ участковъ.

Съ развитіемъ въ концѣ XVI и XVII в. крѣпостного права и для оправданія этихъ отношеній создавались юридическія теоріи. Знаменитый Пуффендорфъ, напр., объяснял происхожденіе крѣпостного права такимъ образомъ, что нуждаясь въ защитѣ богатыхъ и сильныхъ, крестьяне будто бы сами отдавались лицамъ, захватившимъ землю. „Но такъ какъ землевладѣлецъ прокармливалъ не только родителей, но и дѣтей, то право господина распространяется и на потомство людей, ставшихъ въ

¹⁾ Карфевъ. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи, стр. 263—4.

²⁾ Карфевъ. Исторія Западной Европы, т. III, стр. 248.

крѣпостныя отношенія⁴. Такъ же дѣйствовали ученые и во Франціи... „Такимъ образомъ, заключаетъ проф. Карѣвъ, старая юридическая наука проповѣдывала теоріи, крайне неблагопріятныя для крестьянъ,—разрабатывали ли ее феодисты (знатоки феодальнаго права, бывшіе во Франціи защитниками сенъеральныхъ правъ), или легисты, изучавшіе римское право, или же накопецъ, философы, теоретики естественнаго права. Нормы феодальнаго права, толкованіе римскихъ законовъ не въ пользу крестьянъ, теоретическія соображенія оставалось только подѣркнуть исторіей, ея фактами и выводами, за чѣмъ дѣло также не стало“⁴).

Нужно было много столѣтій для того, чтобы лучшіе умы человѣчества совершили одинъ логическій актъ, нынѣ доступный всякому школьнику. „До самаго 18 в. не раздавалось во Франціи почти ни одного голоса противъ рабства“⁴. Но и додумавшись до идеи правомѣрности юридическаго освобожденія рабовъ, передовые мыслители Франціи принимали ее съ большими ограниченіями и всегда были готовы, такъ сказать, отсрочить выполненіе ея на практикѣ.

„Если мы обратимся къ нѣкоторымъ мѣстамъ о незаконности рабства въ сочиненіяхъ французскихъ писателей 18 в., то увидимъ, что они представляютъ изъ себя иногда какъ бы дословную передачу того, что говорили римскіе юристы классической эпохи юриспруденціи... Сходство простиралось до того, что, какъ у римскихъ юристовъ нерѣдко естественное право было само-по-себѣ, а системы положительнаго права сами-по-себѣ, такъ и у французскихъ писателей теоретическія положенія, выведенныя изъ естественнаго закона, не обязывали часто ни къ какимъ практическимъ выводамъ“⁴. Различіе съ писателями древности заключалось въ томъ, что „если стоики, напр., говорили, что внутренней свободѣ чловѣка не противорѣчитъ внѣшнее рабство, то многіе писатели 18 в. полагали, что внѣшнее, юридическое освобожденіе чловѣка имѣетъ смыслъ только тогда, когда оный достоинъ этой свободы, освободившись морально... Если такъ говорили философы 18 в., то, хотя и опередившіе

⁴) Ibid., стр. 112.

стоянокъ, они становились въ противорѣчіе съ собственнымъ принципомъ, требовавшимъ юридической свободы не какъ награды за хорошее поведеніе, а какъ осуществленіе естественнаго, врожденнаго права человѣческой личности^а.

Такое противорѣчіе теоретическихъ и практическихъ идей наблюдается не у какихъ-нибудь второстепенныхъ писателей, а у корифеевъ французской просвѣтительной философіи. Король философовъ, Вольтеръ, въ сочиненіи, написанномъ на премію, назначенную императрицей Екатериной II, проповѣдуетъ слѣдующее. „Справедливость требуетъ, чтобы государь освобождалъ только церковныхъ сервовъ и своихъ собственныхъ. Но что касается сеньеровъ, которымъ давнее пользованіе предоставило крѣпостныхъ въ вотчину, то, кажется нельзя, не сдѣлавъ несправедливости, принудить ихъ измѣнить сущность ихъ послѣдственнаго имѣнія. Они должны имѣть право освободить своихъ сервовъ по собственному усмотрѣнію. Это уже ихъ дѣло, послѣдовать ли при примѣру государя... они должны быть приглашены къ этому, а не обязаны^а 1).

Другая знаменитость 18 в., Руссо, другъ человечества вообще, бѣдныхъ по преимуществу, проповѣдникъ прелестей первобытнаго равенства и свободы, относительно реальныхъ попытокъ осуществленія этой свободы высказываетъ такія мысли. „Свобода — пища добросочная, но трудная для переваренія, нужны крѣпкіе желудки, чтобы ее вынести. Я сѣмью вадъ гѣми погрязшими въ униженіи народами, которые, наущенные демагогами, смѣютъ говорить о свободѣ, не имѣя о ней никакого понятія и съ сердцемъ, исполненнымъ всеми пороками рабовъ, воображаютъ, что для того, чтобы стать свободными, достаточно быть бунтовщиками!“ Въ заключеніе онъ рекомендуетъ польскимъ панамъ отпускать на волю только тѣхъ крѣпостныхъ, которые заслужили этого хорошимъ поведеніемъ... „Не освобождайте ихъ тѣмъ, не освободивши сначала ихъ души!“ 2).

Описываемый нами классовый характеръ европейской интел-

1) Семеновскій. Крестьянскій вопросъ въ Россіи, ч. I, стр. 62.

2) Карѣевъ. Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи, стр. 268.

ингенциі, въ идеѣ представляющей цѣлый народъ, прекрасно иллюстрируется исторіей того, что можно бы назвать крестьянскимъ вопросомъ во Франціи.

Извѣстно, въ какомъ печальномъ положеніи находилось французское крестьянство въ прошломъ вѣкѣ. По словамъ Бобана, почти десятая часть населенія нищенствовала, изъ остальныхъ девяти частей только пять въ состояніи были подавать милостыню, три совершенно стѣснены долгами и процессами, и лишь около ста тысячей семей дворянъ, чиновниковъ, богатыхъ купцовъ и отдѣльныхъ лицъ войска, судебного сословія и духовенства пользовалось благосостояніемъ. Такимъ образомъ, вопросъ о положеніи крестьянъ повидимому „былъ поставленъ самою жизнью: настоятельно требовалась реформа крестьянскаго быта, всѣми чувствовалась необходимость перемены“, и тѣмъ не менѣе „еслибы стали искать во французской литературѣ прошлаго вѣка выраженіе „крестьянскій вопросъ“, то поиски наши оказались бы тщетными: крестьянскій вопросъ, какъ таковой, какъ вопросъ о крестьянскомъ сословіи, его бытѣ, нуждахъ, интересахъ и т. п., не существовалъ... Сельскіе населеніи занимались большею частью попутно, при разсмотрѣніи другихъ общественныхъ вопросовъ, такъ что элементы, которые могли бы составить изъ себя крестьянскій вопросъ, не выдѣлялись изъ другихъ вопросовъ, чтобы соединиться въ одинъ, крестьянскій“¹⁾.

Причины этого явленія могутъ заключаться лишь въ томъ, что, по своей принадлежности къ привилегированному классу, слишкомъ разобщенному съ массой крестьянства и инѣнному интересамъ, отличные и даже противоположные интересамъ послѣднихъ, французская интеллигенція помимо своего сознанія замѣчала главнѣйшимъ образомъ и подвергала соотвѣствующей разработкѣ тѣ стороны общественной жизни, которыя представляются особенно важными для дворянства или буржуазіи. „Борцы 18 в. инстинктивно стояли за народъ всюду, гдѣ они могли понять его страданія, но всѣ привычки жизни и ихъ мысли отталкивали ихъ отъ вѣрнаго и всесторонняго пониманія пра-

¹⁾ Карфевъ. *Ibid.*, стр. 230, 218—219.

чить народных бѣдствій. Притомъ у нихъ было столько вопросовъ, волновавшихъ ихъ собственный кругъ, культурный слой общества, что только порывами, случайно они становились на защиту страдающаго народа, которому были чужды всѣи частности своей культуры“¹⁾).

„Лабораторією новыхъ моральныхъ и политическихъ идей были кружки свѣтскихъ людей. Эти кружки слишкомъ далеко отстояли отъ народа, чтобы его знать, слишкомъ его игнорировали, чтобы имъ интересоваться... Они видѣли въ народѣ матеріаль, изъ котораго построено государство, силу, создающую національное богатство, почву, необходимую для развитія культурныхъ цвѣтковъ свѣтскаго общества, а при такомъ взглядѣ на народъ или отдѣльные его классы, ни этотъ народъ, ни эти классы не могли стать самостоятельнымъ предметомъ изученія; могли быть вопросы финансовый, агрономическій, коммерческій и т. п., но не было ни крестьянскаго, ни рабочаго вопроса, хотя жизнь уже ихъ поставила, какъ вѣщо, требующее разрѣшенія“.

Писатели теоретики ставили общественно-политическіе вопросы такъ широко, что и въ ихъ рѣшеніяхъ не видно было вопроса крестьянскаго. Пр. Карѣевъ приписываетъ это обстоятельство отвлеченному направленію ихъ мысли; съ нашей же точки зрѣнія это объясняется естественной близорукостью сословной интеллигенціи въ отношеніи того, что имѣетъ важное значеніе для другого сословія. Сказанное подтверждается тѣмъ, что и писатели, имѣющіе дѣло съ явленіями текущей дѣятельности, точно также игнорировали интересы крестьянъ и разсматривали жизнь съ такой точки зрѣнія, которая теоретически представлялась широкой и безсословной, а по своимъ практическимъ послѣдствіямъ приносила слабаго въ жертву сильному, крестьянина — буржуазіи. Такъ, экономисты стараются доказать, что между отдѣльными классами господствуетъ гармонія, самая совершенная и умирительная. Зачѣмъ же въ такомъ случаѣ выдѣлять интересы одного класса для спеціальнаго изученія? Производа же анализъ экономическихъ отношеній,

¹⁾ Карѣевъ. Новая исторія Западной Европы, т. III, стр. 251.

ученые игнорировали юридическую и социальную сторону вопроса и „дѣлили общество не по способу участія въ производствѣ земель, капиталомъ и трудомъ (на землевладельцевъ, капиталистовъ и рабочихъ), а на лицъ, такъ или иначе принимающихъ участіе въ земледѣліи или обрабатывающей промышленности. Къ первой категоріи могли относиться и крупныя, и мелкіе хозяева, и фермеры, и управляющіе, и половники, и поденщики“.

Писатели, занимавшіеся болѣе частными, практическии вопросами, точно также видѣли только отношенія, а не рабочихъ людей, обнимаемыхъ ими; это были „агрономы, видѣвшіе только поля и луга, но незамѣчавшіе тѣхъ людей, которые пахали, сѣяли, жали, косили; финансисты, придумывавшіе способы обогащенія государства, но не заглядывавшіе никогда въ карманы плательщиковъ, и пр. и пр.“. Въ силу сказаннаго неходной точкой напр., богатой и вліятельной сельско-хозяйственной литературы XVIII вѣка „было не бѣдственное состояніе народа, а печальное положеніе сельскаго хозяйства, и авторы этихъ сочиненій на вопросы, которые могли рѣшаться главнымъ образомъ на основаніи соображеній социальнаго характера, смотрѣли исключительно съ второстепенной точки зрѣнія сельскаго хозяйства. Въ этомъ отношеніи агрономическіе авторы уподобились остальнымъ писателямъ 18 в., бессознательно исповѣдававшимъ доктрину человека для субботы, съ тѣмъ лишь различіемъ, что та суббота, которая у другихъ писателей являлась въ видѣ государственныхъ интересовъ, національнаго могущества и богатства, у агрономовъ называлась успѣхами сельскаго хозяйства“¹⁾.

Въ силу такого направленія общественной мысли, неудивительно если мѣры, предлагавшіяся французскими писателями прошлаго вѣка для упорядоченія общественно-экономическихъ отношеній, въ родѣ развитія крупнаго хозяйства, — должны были бы имѣть непремѣннымъ слѣдствіемъ обезземеленіе массъ населенія, отчего, впрочемъ, въ выигрышъ осталась бы не только „суббота“ агрономовъ, но и герой этой субботы — буржуа; иначе говоря

¹⁾ Карфезъ, простъве и пр., стр. 223, 225, 226.

интересы одного человека были бы здѣсь принесены въ жертву другому человеку же, а не суббогѣ. Такой практической результатъ „отвлеченнаго“ направленія имели не былъ неприятной неожиданностью для теоретиковъ прошлаго вѣка. „Нужны люди, у которыхъ не было бы ничего, кромѣ ихъ рукъ и доброй воли, — пишетъ Вольтеръ, — но даже и они, хотя и кажутся пасынками фортуны, будутъ участвовать въ благополучіи другихъ. Они будутъ имѣть право продавать свой трудъ тому, кто болѣе занотитъ, и это замѣнить имъ собственность“¹⁾. „Отожествляя нѣрѣдко землю и землевладѣльца, интересы земледѣлія и интересы сельскихъ хозяевъ, экономисты часто, говоря объ интересахъ производительнаго класса, имѣютъ въ виду именно только фермеров“²⁾. Доводы физиократовъ относительно необходимости отдѣленія собственности отъ „труда до того показались убѣдительными, что Мирабо, другъ людей, подъ ихъ влияніемъ отказался отъ своего прежняго мнѣнія о причинахъ обѣднѣнія Франціи, выраженнаго въ такой фориѣ: большія шукки опустошаютъ пруды, крупныя собственности даютъ малыхъ“³⁾.

Могутъ сказать, что такія мнѣнія лучшихъ умовъ европейской интеллигенціи были законнымъ результатомъ ихъ высшаго знанія, что въ этомъ выражалось ихъ историческое предвидѣніе того явленія, что, по законамъ историческаго развитія, Францію ожидали именно тѣ порядки, какіе ими проповѣдывались, а не другіе. Однако, это возраженіе отпадаетъ, разъ мы знаемъ, что въ эпоху великой революціи сельско-хозяйственный вопросъ получилъ разрѣшеніе въ значительной степени противорѣчащее ожиданіямъ предшествующихъ писателей, такъ какъ крестьяне получили въ это время хотя часть земли, которая раньше предназначалась для буржуазіи, и эту часть они благополучно удержали въ своихъ рукахъ и въ послѣдующее время. Не слѣдуетъ однако полагать, что подобнымъ результатомъ крестьяне обязаны интеллигентнымъ дѣятелямъ революціи. Послѣдніе, какъ представители сословной интеллигенціи, были послѣдовательны

¹⁾ Семеновскій, *ид.*, I, стр. 62.

²⁾ Карѣвскій, *Исторія Вароны*, III, 238.

³⁾ Карѣвскій, *престыже и проч.*, стр. 256.

въ забвеніи крестьянскихъ интересовъ, какъ таковыхъ, и если крестьяне что-либо выиграли въ революціонную эпоху, то это или благодаря ихъ собственному поведенію, или потому, что борющіеся между собою партіи временами вспоминали о народѣ, когда чувствовали потребность опереться на какую либо новую силу.

Такъ, брошюрная пресса перваго революціоннаго года „случить доказательствомъ того, какъ мало въ сущности интересовались вообще самими крестьянами и какъ въ частности несовершенно понимали свою задачу тѣ публицисты, которые брали на себя роль адвокатовъ крестьянскаго сословія. Учредительное собраніе даже какъ бы забыло о существованіи всеобщей просьбы крестьянъ облегчить тяжесть феодальнаго гнета; только когда запылали замки и феодальные документы, собраніе вспомнило, какою была главная просьба приходскихъ наказовъ и рѣшилось для прекращенія волненій удовлетворить этой просьбѣ: дворяне и духовные увидѣли, что нужно пожертвовать частью правъ, чтобы сохранить другую, а каждое сословіе порознь нашло средство подставить ногу другому предложеніемъ отиѣны такихъ правъ, которыми оно само не пользовалось. Таковы смыслъ ночнаго засѣданія 4 августа. Декретъ, отиѣняющій съ выкупомъ или безвозмездно различныя феодальныя права, не могъ успокоить разъ начавшагося волненія, тѣмъ болѣе, что скоро неопредѣленные принципы декрета 4 августа были изложены въ точныхъ законахъ, которые расширили область правъ, объявленныхъ выкупаемыми (на счетъ уничтожаемыхъ безвозмездно), и дѣлали почти невозможнымъ самый выкупъ, благодаря особенной заботливости объ интересахъ сеньеровъ. Крестьяне тогда начинаютъ протестовать противъ законовъ, составленныхъ собраніемъ, въ которомъ третье сословіе¹⁾ представлено было горожанами. Когда собралась легислатива, эти протесты особенно усилились, и одинъ аргументъ долженъ былъ сильнѣе другихъ подѣйствовать на чиновъ законодательнаго собранія: крестьяне вѣрность свою конституціи ставятъ въ зависимость отъ лучшихъ законовъ, а тѣ люди, въ пользу которыхъ рѣшенъ былъ во-

¹⁾ Куда по идеѣ входилъ и простой народъ.

прось конституантой, были въ рядахъ эмиграціи. Это политическое соображеніе заставило легислативу связать свое дѣло съ интересами народа и нанести ударъ своимъ политическимъ врагамъ: законодательство было измѣнено въ смыслѣ ограниченія случаевъ и облегченія способовъ выкупа. Конвентъ, конечно уничтожилъ и самый выкупъ. Такимъ образомъ, рѣшеніе этой стороны крестьянскаго вопроса, рѣшеніе, къ которому не были подготовлены теоретически, отъ начала до конца вытекало не изъ сознанія необходимости этого дѣла, а представляло изъ себя рядъ политическихъ мѣръ: декретъ 4 августа, лежащій въ основѣ конституанты, долженъ былъ прекратить волненіе въ деревняхъ; законы легислативы и конвента должны были усилить оба собранія сочувствіемъ народа и нанести ударъ врагамъ*. Это касается феодальной стороны крестьянскаго вопроса.

„Не иначе отвесились и къ другой сторонѣ дѣла. Конституанта дала санкцію раздѣленію крестьянъ на хозяевъ и батраковъ, назвавъ однихъ активными, другихъ пассивными гражданами, и въ планы ея не входило устроеніе аграрнаго быта въ принципахъ развитія мелкой собственности: распродажа національныхъ имуществъ была для конституанты мѣрой, исключительно финансовой; политики не видѣли возможности воспользоваться представившимся случаемъ развить мелкую собственность распродажей земель небольшими участками. Если потомъ и заходила рѣчь въ этомъ смыслѣ, то лишь для того, чтобы создать этимъ новое политическое средство въ борьбѣ съ противными партіями“.

„Съ этой стороны аграрныя отношенія Франціи доселѣ покоятся на той же основѣ, какъ и въ прошломъ вѣкѣ: экономическій процессъ, указанный выше, продолжается и теперь, несмотря на такое множество политическихъ перемѣнъ, бывшихъ во Франціи съ 1789 г.... Интересъ общества къ деревнѣ не получалъ болѣе ницы, а, кромѣ того, его слишкомъ приковывала къ себѣ та смѣна разныхъ политическихъ направленій, которая характеризуетъ исторію Франціи въ 19 в. *)“. Съ нашей точки зрѣнія, такое направленіе политики привилегированнаго обще-

*) Карфевъ, id. стр. 489—491.

ства объясняется съ одной стороны безмолвіемъ деревни, съ другой—выступленіемъ на арену политической жизни рабочаго городского класса, который и заставилъ французскую демократію обратить на него свое вниманіе. „Только введеніе всеобщей подачи голосовъ и замѣчаемое усиленіе дробленія мелкой собственности на невозможно малкіе участки заставило французовъ еще разъ обратиться къ деревнѣ; но тотъ фактъ, что судьба крестьянъ менѣе всего останавливала на себѣ вниманіе французскихъ историковъ, писавшихъ о 18 вѣкѣ и тотъ, что французская статистика даетъ весьма неопредѣленное понятіе о теперешнемъ бытѣ крестьянъ — указываютъ, какъ доселѣ слабо въ французской наукѣ и публицистикѣ интересъ къ судьбамъ сельскаго населенія Франціи“—такъ заключаетъ свою книгу русскій изслѣдователь крестьянскаго вопроса во Франціи.

Прибавивъ отъ себя: все это доказываетъ, какъ бессильна человѣческая мысль, несмотря на видную широту и вышнюю научность ея теоретическихъ построеній, — подняться выше простого эмпиризма, вознестись надъ эгоистическими инстинктами животной природы человѣка, оторваться отъ субъективной основы своей логической работы и достигнуть настоящаго объективизма, приобрести способность работать на пользу не того или другого класса, милаго ея сердцу или насильно навязывающагося ея вниманію (въ чемъ она, однако, не хочетъ сознаться и потому считаетъ себя въ правѣ претендовать на несвойственную ей объективность), а на пользу цѣлаго народа. Это ея безсиліе есть результатъ неустранимой никакими средствами недостаточности матеріала для социологическихъ построеній, обусловливаемой ограниченностью поля наблюденія, охватывающаго лишь ничтожный уголокъ человѣческой исторіи. И нужно, чтобы человѣкъ убѣдился въ этой ограниченности объективныхъ данныхъ для его построеній, чтобы онъ призналъ преобладаніе въ обращающихся въ обществѣ идеяхъ субъективной основы и согласился съ тѣмъ, что его „научныя“ построенія, охватывающія прошедшее, настоящее и будущее, съ объективной стороны составляютъ не болѣе, какъ маленькій камешекъ для возведенія великаго зданія исторіи человѣческой жизни, которое нельзя считать еще и замѣченнымъ; и что главное значеніе этихъ по-

строненій въ настоящее время заключается не въ ихъ объективной будто бы непреложности, которая, повторяемъ, имъ не свойственна, а въ томъ, что этой мнимой „научной“ непреложностью они располагають общественное мнѣніе въ пользу притязаній одного класса, укрѣпляютъ его партійную программу подставляя подъ нея якобы научную основу.}

Извѣстно, напр., какую пользу въра въ непреложность идей просвѣтительной философіи 18 в. оказала буржуазіи въ ея борьбѣ съ королевской властью и, такъ сказать, въ дѣлѣ наследства великой французской революціи, совершавшейся подъ знаменемъ свободы, равенства и добродѣтели — между буржуазіей и народомъ. Извѣстна и роль „научныхъ законовъ“ классической политической экономіи въ исторіи развитія буржуазныхъ порядковъ и борьбы буржуазіи съ пролетаріатомъ. Бѣдствія рабочихъ классовъ, какъ результатъ ничѣмъ не регулируемаго развитія капиталистическихъ отношеній, наука объясняла дѣйствіемъ неотвратимаго закона Мальтуса о народонаселеніи; требованіямъ рабочими возвышенія заработной платы она противопоставляла „законъ“ постоянства фонда, распределяемаго между рабочими въ видѣ платы и т. д. „Старые экономисты, говоритъ Тойнби, дѣйствительно вѣрили, что законы распределенія богатствъ, въ томъ числѣ и законъ заработной платы, такъ же неизмѣнны и вѣчны, какъ, напр., законъ тяготѣнія. Это убѣжденіе господствовало какъ въ ученонъ мірѣ, такъ и среди общественныхъ дѣятелей англійской буржуазіи, которые противопоставляли его всякой попыткѣ рабочихъ тѣмъ или другимъ путемъ добиться возвышенія заработной платы и пользовались имъ для того, чтобы, въ случаѣ столкновеній съ напавшими на нихъ, сплосить общественное мнѣніе въ свою пользу, представляя послѣднихъ сопротивляющимися необходимому закону природы“¹⁾). Несмотря на постоянно повторявшіеся со стороны разныхъ лицъ (преимущественно социалистовъ) возраженія противъ положеній буржуазной экономіи, авторитетъ ея въ общественномъ мнѣніи образованнаго класса Англии оставался непоколебленнымъ до тѣхъ поръ, пока рабочіе не вынудили общество обратить на нихъ свое

¹⁾ Новые англійскіе экономисты, Сѣв. Вѣстн., 1887 г. № 12.

вниманіе. Англійская политическая экономія, говоритъ Тойнби, преобразована рабочими классами. „Настойчивое стремленіе послѣднихъ найти разрѣшеніе вопросамъ, объявленныхъ абстрактной наукой неразрѣшанными, обратило экономистовъ отъ абстракцій въ давно пренебрегаемыя фактамы“¹⁾. При этомъ всѣмъ сдѣлалось ленивъ, что стройная система „законовъ“ политической экономіи, такъ хорошо согласованныхъ и объединенныхъ многими простыми принципами, не была не только научной теоріей экономическихъ отношеній вообще, но не могла быть названа и вѣрной теоріей опредѣленнаго частнаго строя, такъ какъ заключала въ себѣ много положеній, желательныхъ для ликующихъ представителей этого строя, но не соответствующихъ дѣйствительности. И вотъ въ теченія немногихъ лѣтъ общество отвернулось отъ той самой „науки“, которую еще такъ недавно считало безусловно истинной. — *Д. В. И.*

Обстоятельства, способствовавшія столь быстрому паденію авторитета классической экономіи въ Англии, по словамъ Тойнби, были аналогичны съ тѣми, которыя подвигли ее прѣстѣжъ въ предшествующую эпоху: вѣчно развивающаяся жизнь переросла тѣмныя рамки теоріи. Въ то время, когда задачей момента было уничтоженіе узаконеній и обычаевъ, сконывавшихъ промышленную дѣятельность страны, политическая экономія съ ея основнымъ принципомъ — невмѣшательства правительства въ экономическія отношенія — естественно была признаваема сложемъ общества, въ пользу котораго совершалась экономическая эволюція, — за науку непреложную и благодѣтельную. Но когда всѣ стѣсненія были уничтожены, а общественныя неурядица продолжали существовать попрежнему — и ссылаться на необходимость отѣмни регламентирующихъ мѣръ, какъ на средство выйти изъ затрудненій, не представлялось возможнымъ, — тогда общество сдѣлалось склоннымъ слушать тѣхъ лицъ, которыя давно проповѣдывали необходимость созидательной, а не только разрушительной работы, и старая наука потеряла свой прѣстѣжъ.

Такимъ образомъ, общественная наука съ своими построе-

¹⁾ Id., Сѣв. Вѣстн., 1887 г. № 8.

нїями практическаго характера идетъ позади жизни. Она не даетъ намъ ничего существенно новаго, а лишь уясняетъ существующее, систематизируетъ и распространяетъ то, что чувствовалось и частью сознавалось раньше практическими дѣятелями: принципъ *laisser faire* положенъ былъ въ основу политической экономїи послѣ того, какъ борьба противъ промышленныхъ стѣсненїй загорѣлась въ дѣйствительной жизни; изложеніе этого принципа произошло равнымъ образомъ вслѣдъ за отрицанїемъ его, высказаннымъ людьми жизни, а не науки, людьми чувствующими на себѣ прелесть „свободы“ и видящими ее на другихъ, а не присяжными учеными, наблюдающими явленіе со стороны и способными поэтому замѣтить его, лишь когда оно приняло очень широкіе размѣры.

Вѣра въ положенїя абстрактной науки, какъ въ надежный руководитель развитїя общества — не впервые проявилась въ случаѣ, о которомъ было говорено выше. Вѣра въ сознательную систематическую работу разума, какъ главнѣйшїй источникъ исторической эволюціи человѣчества вообще и надежнѣйшую опору прогрессивнаго его развитїя въ частности, особенно характеристична для европейской интеллигенціи прошлаго вѣка, господствующимъ направленїемъ мысли которой былъ — рационализмъ.

Это направленіе, „ничего, повидимому, не принимавшее на вѣру, для всего требовавшее доказательства, основаннаго на доводахъ разума, само покоилось на вѣрѣ, именно вѣрѣ въ силу разума, въ его всемогущество, въ его способность все объяснить въ области теоретическаго мышленїя и все создать въ области практической дѣятельности; это была вѣра въ творческія (мы сказали бы — въ сознательно-творческія) силы человѣка, вѣра въ самое творчество, руководимое сознанїемъ“. По господствовавшему воззрѣнію все въ исторїи создается сознательной дѣятельностью разума, хотя сама эта дѣятельность, по причинѣ невѣжества первобытнаго человѣка, не всегда приводитъ къ благодѣтельнымъ результатамъ: общество создавалось соглашенїемъ отдѣльныхъ единицъ наложить на себя нѣкоторыя стѣсненїя въ видахъ обезпеченїя правильнаго хода жизни; религія изобрѣтена жрецами въ цѣляхъ держать массу въ своихъ рукахъ; языкъ изобрѣтенъ

обрѣтенъ же по соглашенію людей для лучшаго пониманія другъ друга и т. д. При отсутствіи научно-систематизированнаго знанія такія изобрѣтенія человѣчества въ прошедшемъ были далеко недостаточны для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, но современное состояніе науки даетъ возможность указать рациональнѣе средства такого удовлетворенія. Стоя на этой точкѣ зрѣнія, рационализмъ 18 в. „отрицалъ все исторически сложившееся, какъ искусственное, придуманное и созданное человѣкомъ, которому были еще неизвѣстны законы природы, и этому искусственному противопоставлялъ естественное, открываемое разумомъ и жаждущее только своего возстановленія въ жизни. „Естественная религія“ деатовъ, „естественное право“ юристовъ и политиковъ, „естественный порядокъ“ экономистовъ, „естественный человѣкъ“ морали и педагогики — всѣ эти и иные, имъ аналогичныя, понятія хорошо характеризуютъ одну изъ наиболѣе распространенныхъ въ 18 в. концепцій. Въ немногихъ словахъ она сводится къ такому разсужденію: человѣкъ создалъ сознательно всю свою культуру, но онъ сдѣлалъ это крайне искусственно, такъ какъ, не руководимый просвѣщеннымъ разумомъ, уклонялся отъ велѣній природы; но разумъ вступилъ въ свои права, открылъ, что все естественное есть именно то, что подобно съ его требованіями и тѣмъ самымъ указалъ на то, какъ долженъ поступать человѣкъ въ дальнѣйшемъ сознательномъ творествѣ культуры. Съ этой точки зрѣнія исторія культуры представляется исторіей сознательныхъ изобрѣтеній или открытій въ области разныхъ „искусствъ“, принимая это слово въ самомъ широкомъ смыслѣ“¹⁾).

XVIII вѣкъ не довольствовался проповѣдью идеи о всемогуществѣ разума, а пытался дать ей практическое осуществленіе, причемъ испробовалъ оба пути послѣдняго: путь осуществленія сверху и снизу.

Философы 18 в. думали, что лучшими проводниками ихъ идей въ жизнь могутъ быть правительства и прежде всего абсолютныя монархи. „Въ глазахъ политиковъ государство всемогуще и государственная польза преобладаетъ надъ всѣмъ. Вся

¹⁾ Н. Карѣевъ, Сущность историч. процесса, с. 398—9.

политика философов сводится къ тому, чтобы всемогущество государства подчинить непогрѣшимости разума... Пусть философия дадутъ власть только на нѣсколько часовъ, и вилою государственной благодати совершится одно изъ чудесъ, надъ которыми они такъ охотно глумятся, но которыя кажутся имъ въ этомъ случаѣ исполнѣ естественными: измѣнится не только лицо земли, но и самая душа человѣка. Они полагаютъ, что все возможно для власти и все легко для тѣхъ, кто обладаетъ ею". Поэтому они стали проповѣдывать свои идеи монархамъ. „Свобода, собственность—это англійскій крикъ, это крикъ природы—говоритъ Вольтеръ; но онъ понимаетъ свободу, регулируемую властелиномъ и собственность, обезпеченную сильными правительствомъ. Его политическій идеалъ — деспотизмъ, умѣренный терпимостью и просвѣщеніемъ". „Идите во главѣ королей Европы — восклицаетъ Шиллеръ; одинъ почеркъ пера этой руки — и земля создана вновь... Государь, вы сдѣлаете вашъ народъ счастливѣйшимъ изъ народовъ, и тогда вашей обязанностью будетъ покорить міръ". Король долженъ царить не только надъ имуществомъ и жизнью, но и надъ инѣлими, пишетъ Мирабо. Проповѣдникъ народовластія, Руссо, понималъ послѣднее также въ смыслѣ государственномъ: „дѣло не въ томъ, чтобы заставить государство поступиться своимъ могуществомъ въ пользу свободы гражданъ, а въ томъ, чтобы во имя этого всемогущества принудить гражданъ принять крещеніе новой религіи". Поэтому Руссо готовъ приянряться со всякой формой правленія, если она обѣщаетъ осуществленіе его идей. „Учредите европейскую республику на одинъ день — говорилъ онъ, — и этого достаточно, чтобы она вѣчно продолжалась... пусть намъ вернуть Генриха IV и Сully, и вѣчный миръ можетъ назваться осуществленнымъ проектомъ!"

Такое понятіе о государствѣ и власти ведетъ философовъ къ презрѣнію къ англійскому представительному правленію. „Здѣсь, говорятъ Петроній, можно совершить реформы моментально вмѣняющія положеніе страны, между тѣмъ у англичанъ такія реформы могутъ быть всегда задержаны партіями". „Идея представительства, — пишетъ Руссо, — вытекаетъ изъ феодальнаго управленія, изъ того вѣчнаго и несправедливаго правленія,

которое унизило челоуѣческой родъ“. „Онъ осмѣиваетъ глупость англійской націи и ставитъ ее въ видѣ пугала для своихъ современниковъ“¹⁾).

Государи охотно слушали проповѣдь новыхъ идей и пытались по мѣрѣ возможности дать имъ практическое осуществленіе. Наиболѣе послѣдовательнымъ выразителемъ духа времени явился императоръ Австрійскій, Іосифъ II, и онъ же потерпѣлъ наибольшую въ своихъ попыткахъ неудачу. Руководствуясь увѣзаніями „разума“, какъ онъ самъ понималъ ихъ, Іосифъ „начинаетъ реформы повсюду и разомъ. Для него исторія не существуетъ, традиціи и историческій опытъ не дѣйствительны. Нѣтъ ни расы, ни времени, ни среды: есть одно государство, и оно всемогущее: „въ государствѣ, управляемомъ согласно съ моими принципами,—говоритъ онъ,—должны исчезнуть предрассудки, фанатизмъ, рабство духа, и каждому изъ моихъ подданныхъ будутъ возвращены его естественныя права“. Между прочимъ „императоръ былъ противникомъ сословныхъ привилегій и стремился къ установленію гражданскаго равенства среди своихъ подданныхъ, главнымъ шагомъ къ чему должна была служить отмена крѣпостничества“²⁾).

Рядъ деспотическихъ и энергическихъ мѣръ въ духѣ этой программы вооружилъ противъ императора одни классы общества и націи, вызвалъ преувеличенныя ожиданія въ другихъ, и дѣло кончилось общимъ недовольствомъ, возстаніемъ нѣкоторыхъ провинцій, и отменой большей части продиктованныхъ „разумомъ“ декретовъ.

Извѣстно, что и попытка осуществить идеи XVIII вѣка воздѣйствіемъ снизу потерпѣла такую же неудачу (не въ смыслѣ безрезультатности движенія, а въ смыслѣ несоотвѣтствія этихъ результатовъ ожиданіямъ руководителей революціи), а также что главнѣйшимъ орудіемъ революціонной политики, въ противорѣчіе съ абстрактно исповѣдываемыми мнѣніями ея дѣятелей, сдѣлалось насиліе, при помощи котораго хотѣли предписать народу и формы быта, и образъ мыслей, и даже религію. Но ставъ

¹⁾ Сорель, Европа и французская революція, т. I, с. 85—86, 80.

²⁾ Карфель, Исторія и т. д. III, 368.

въ противорѣчіе съ абстрактными принципами своего времени, революція своими приемами вполне отвѣчала тѣмъ идеямъ и тому настроенію, которыя выработались въ европейцахъ ихъ многолѣтнимъ подчиненіемъ извѣстному режиму. И опытъ осуществленія просвѣтительныхъ идей 18 в., при помощи такъ наз. просвѣщеннаго деспотизма и путей революціоннымъ, даетъ прекрасный случай для выясненія относительнаго значенія въ эволюціи общества чистой идеи и полусознательныхъ продуктовъ духовной жизни человѣка.

„Принципы французской революціи были отвлечены и всеобщы, — говорятъ Сорель, — это способствовало ихъ быстрому распространенію, и это же было причиной того, что они принесли результаты столь различныя, смотря по той средѣ, въ которой они распространялись. Эти прекрасныя идеи сохраняютъ свою метафизическую чистоту только въ сознаніи философа или въ разумѣ математика. Малѣйшее вліяніе со стороны жизни видоизмѣняетъ и разлагаетъ ихъ. Тотъ, кто желаетъ примѣнять ихъ къ дѣлу — отождествляетъ ихъ съ собой и, присваивая ихъ себѣ, извращаетъ. Діалектика ускользаетъ отъ большой массы людей. Они не принимаютъ идею какъ законъ, по которому обязаны мыслить, они принимаютъ ее за форму, въ которую беспорядочно бросаютъ все тѣ инстинкты, чувства, знанія, предразсудки и заблужденія, которые накопились въ нихъ влѣдствіе плохого воспитанія, отрывочнаго опыта, соединеннаго вліянія семьи и отечественныхъ условій“¹⁾.

Въ этой тирадѣ Сорель какъ бы противопоставляетъ массу народа его интеллигентнымъ представителямъ, считая, что послѣдніе понимаютъ идею въ ее первоначальной чистотѣ, а первая искажаетъ ее своими инстинктами, чувствами и предразсудками. Эта мысль должна быть принимаема съ большими ограниченіями. Мы имѣли уже случай убѣдиться въ томъ, что если мнѣніе Сореля о сохраненіи чистоты мысли въ сознаніи философа и имѣетъ основаніе, то это относится только лишь къ метафизической чистотѣ мысли, т.-е. къ абстрактной идее, еще не приложенной къ дѣйствительности. Коль скоро же на-

¹⁾ Сорель, *И.* с. 5—6.

чтется второй актъ въ развитіи идеи — ея прижѣненіе къ окружающей жизни, превращеніе абстрактной ея формы въ конкретную, — философъ обыкновенно идетъ тѣмъ же путемъ, что и обыкновенный смертный и впадаетъ въ тѣ же ошибки.

Это сдѣлается совершенно понятнымъ — разъ мы вспомнимъ, что великій человѣкъ воспитывается и живетъ подѣ тѣми же неблагоприятными условіями, какъ и обыкновенный смертный. Поэтому то Вольтеръ напр. — главное содержаніе проповѣди котораго опредѣляется, по выраженію г. Карѣва, словами „разумъ и терпимость“, Вольтеръ — борецъ за духовную свободу и человеческое достоинство, абстрактно признающій, что „свобода, собственность, это крикъ природы“ — переводитъ эти абстрактныя идеи въ такія конкретныя формулы. „Разумъ восторгаетъ у порядочныхъ людей, а сволочь (т. е. простой народъ) вовсе не для него созданъ. Католицизмъ нужно уничтожить у порядочныхъ людей, оставивъ его у сволочи (это — конкретная формула абстрактной идеи духовной свободы!). „Я понижаю подѣ народомъ, пишетъ онъ, чернь, у которой есть руки, чтобы жать. Я опасансь, что этотъ народъ никогда не будетъ имѣть времени и способности научиться; имѣ кажется необходимымъ, чтобы существовали пеньбджи“ (это — конкретная формула абстрактной идеи о господствѣ разума!). „Порицалъ“ ворчливыхъ бѣдняковъ, кричащихъ противъ роскоши“, онъ находилъ нужнымъ, чтобы въ государствѣ существовали люди, у коихъ были бы лишь руки да охота работать, при свободѣ продавать свой трудъ, такъ какъ, эта свобода должна замѣнять имъ собственность (такова конкретная формула абстрактнаго положенія, что „свобода и собственность, это — крикъ природы“!).“

Опредѣляя связь этихъ конкретныхъ положеній Вольтера съ исходными послылами его абстрактнаго міросозерцанія, вы можете сказать, перефразируя слова Сореля, что „прекрасныя идеи не сохранили свою метафизическую чистоту въ сознаниі философа. Діалектика ускользнула отъ него. Онъ не принимаетъ идеи, какъ законъ, по которому обязанъ мыслить, онъ принимаетъ ее за форму, въ которую бросаетъ все тѣ инстинкты, чувства, знанія, предразсудки и заблужденія, которые накопились въ немъ вслѣдствіе плохого воспитанія, отрывочнаго опыта,

соединеннаго вліяння семьи и отечественныхъ условій*. А пр. Барбевъ даетъ нѣкоторое поясненіе относительно тѣхъ чувствъ и предрасудковъ, созданныхъ вліяніемъ извѣстной обстановки, которыя заставили Вольтера извратить абстрактныя положенія своей философіи: „въ данномъ случаѣ въ его взглядахъ выражался своего рода аристократизмъ интеллигентности и обезпеченности“.

Если привилегированное и оторванное отъ народа положеніе служитъ причиною того, что самые передовые вожди человѣчества весьма часто высказываютъ нелѣпѣйшія соціальныя идеи, то условія существованія массы простого народа — трудовая основа его матеріальной обезпеченности и извѣстная однородность соціального состава — благоприятствуютъ, напротивъ того, появленію въ его сознаніи раціональныхъ элементарныхъ соціальныхъ идей, въ каковомъ отношеніи невѣжественная масса народа нерѣдко стоитъ впереди интеллигентныхъ представителей общества.

III.

Все, изложенное въ настоящей главѣ, даетъ намъ право сказать, что хотя по мѣрѣ историческаго развитія человѣчества интеллектуальный факторъ эволюціи общества получаетъ огромное развитіе сравнительно съ тѣмъ, что было прежде, но отъ этого еще далеко до того, чтобы радикально измѣнилась форма отношенія человѣка къ цѣлямъ его собственнаго существованія, методы вышененія ближайшихъ соціально-этическихъ задачъ, способы выработыванія соотвѣствующихъ конкретныхъ организацій, — формы и методы, основанные на полусознательныхъ стремленіяхъ, на столкновеніи отдѣльныхъ личныхъ и классовыхъ интересовъ. Наука же въ этотъ процессъ играетъ подсобную роль, доиспая бессознательную игру страстей, подчиняя своему руководству частныя проявленія историческаго процесса и притомъ руководя имъ съ точки зрѣнія чьего-либо интереса. Для того, чтобы измѣнился прежній, медленный и неправильный ходъ развитія человѣчества, основанный на борьбѣ отдѣльныхъ интересовъ, настроеній, отчасти идей, изъ взаимодействія ко-

торыхъ образуются формы жизни, вовсе непредвидѣнные тѣми, кто былъ ихъ дѣйствительнымъ строителемъ, почему главными общечеловѣческими факторами, опредѣляющими то или иное этическое значеніе вновь возникающихъ формъ, продолжаютъ быть основныя социальныя инстинкты сталкивающихся группъ населенія, ихъ социально-этическое настроеніе и степень осознанности такового; чтобы этотъ, такъ сказать, эмпирической методъ прогрессивнаго развитія общества замѣнился рациональнымъ, заключающимся въ научно-правильной оцѣнкѣ различныхъ мотивовъ человѣческой дѣятельности, въ научно-правильномъ выводѣ изъ нихъ идеаловъ и указаніи формъ для ихъ фактическаго осуществленія — требуется такая огромная предварительная работа изученія вѣшняго міра и самого человѣка, что она составляетъ главное содержаніе интеллектуальной дѣятельности какъ современнаго, такъ и неопредѣленнаго числа будущихъ поколѣній. Это накопленіе знаній дало человѣку огромную силу для преодоленія различныхъ техническихъ затрудненій, а также для осуществленія сознанныхъ частныхъ социальныхъ задачъ, — національныхъ или сословныхъ. Что же касается рожденія новыхъ задачъ, ихъ формулированія и даже опредѣленія общаго направленія путей ихъ осуществленія — все это продолжаетъ совершаться тѣмъ же запутаннымъ, эмпирическимъ путемъ: главными факторами процесса продолжаютъ быть чувства, инстинкты, настроеніе массы (всего народа или господствующаго класса) и большая или меньшая степень сознательнаго съ ея стороны къ нимъ отношенія. Высокое интеллектуальное развитіе способно играть огромную роль въ процессѣ, но эта его роль опредѣляется (при настоящемъ состояніи знаній) не внесеніемъ новыхъ возмозковъ и методовъ построенія общественныхъ формъ, — избавляющихъ отъ необходимости основываться на чувствахъ и настроеніи массы, — а предоставленіемъ имъ возможностью яснѣе формулировать идеи, вытекающія изъ настроенія массы и его выраженія въ общественныхъ отношеніяхъ, анализировать эти построенія, представленія и идеи, оудѣлять въ нихъ плевалъ отъ пшеницы и этины выискиванія безсознательной философіи общества способствовать яснѣй постановкѣ практическихъ задачъ, лучшему ихъ осуществленію въ дѣйствительности, что

не может не оказать обратного влияния и на чувства, инстинкты и все то, что составляет социально-этическое содержание данной группы населения.

Изъ всего доселѣ сказаннаго слѣдуетъ, что безусловно плодотворное влияние высоко-развитой интеллигенціи на прогрессивное развитіе общества обозначено лишь въ томъ случаѣ, когда эта интеллигенція не будетъ оторвана отъ массы населенія, когда ея задачей сдѣлается внесеніе свѣта во внутренній міръ этой массы, съ цѣлью выясненія тѣхъ задачъ социально-бытовыхъ отношеній, какія должны или могутъ быть поставлены на очередь по законамъ развитія этого міра. Подъ указаннымъ внесеніемъ свѣта во внутренній міръ массы мы разумѣемъ не только распространеніе просвѣщенія, результатомъ котораго была бы сознательная постановка массою такихъ вопросовъ, которые, при отсутствіи просвѣщенія, разрѣшаются болѣе или менѣе стихійно. Внесеніе свѣта въ міръ идей и чувствъ массы можетъ быть сдѣлано и отдѣльными лицами, достаточно связанными съ нею для того, чтобы знать эти чувства и идеи, переживать ихъ вѣстѣ съ нею, и достаточно развитыми для того, чтобы сумѣли выполнить нужную задачу анализа и синтеза и чтобы умѣли чувства и идеи общечеловѣческаго характера отличить отъ классовыхъ, классовыхъ и т. п. Великіе реформаторы, открывавшіе новые пути развитія, усвѣдали въ этомъ не столько въ силу своего развитого интеллекта, сколько потому, что умственное превосходство соединялось у нихъ съ высоко-развитымъ чувствомъ дѣятельности, что ихъ интеллектъ оперировалъ не надъ отвлеченными научными положеніями, а надъ ихъ собственными чувствами и идеями, общими у нихъ съ современниками. Тамъ же, гдѣ за выясненіе очередныхъ социальныхъ задачъ берутся люди, хотя бы высоко-ученые и интеллигентные, но не связанные истинно съ жизненными источниками чувствъ и идей современниковъ, гдѣ поэтому социологическія построенія дѣлаются путемъ оперированія надъ отвлеченными идеями, путемъ яко бы научнаго предвидѣнія, — тамъ обыкновенно получается доктрина, имѣющая крупицу практической, жизненной истины, которая загромождена массою надстроекъ отвлеченно

логического характера, дѣлающихъ эту доктрину весьма мало пригодной для практическаго, такъ сказать, употребленія.

Мы сказали, что внесеніе сѣна въ ниръ идей и чувствъ массы можетъ быть сдѣлано отдѣльными лицами, жизненный пульсъ которыхъ бьется въ тактъ съ пульсомъ ихъ современниковъ, и, — если эти лица обладаютъ достаточной общественной силой, — выработанныя ими идеи могутъ получать практическое осуществленіе безъ того, чтобы сама масса, если она оторвана отъ историческаго корнѣля, принимала въ дѣлѣ активное участіе. Такъ какъ историческое развитіе человечества совершалось путемъ раздѣленія его на классы, съ устраненіемъ народныхъ массъ отъ активной роли и сосредоточеніемъ накопившейся соціальной энергіи въ привилегированномъ слое общества, — вслѣдствіе чего и появившіяся въ этомъ слое интеллигенція жила чувствами и идеями меньшинства, — то понятно, почему великія историческія перемѣны, связанныя съ именемъ того или другаго соціального реформатора или группы таковыхъ, обыкновенно отвѣчали непосредственно интересамъ, отражали идеи и чувства не народной массы, а привилегированнаго меньшинства, доставившаго реформаторамъ матеріалъ для ихъ построеній.

Если высказанныя соображенія имѣютъ извѣстную степень зрѣлости, если построенія чистой мысли непригодны для непосредственнаго осуществленія въ дѣйствительности, если въ основѣ соціальной эволюціи лежатъ чувства, настроенія и вытекающія изъ нихъ конкретныя идеи массы лицъ, складывающихся подъ вліяніемъ фактическихъ отношеній, а работа чистаго интеллекта и создаваемые имъ обобщенія служатъ, главнымъ образомъ, для систематизированія и сознательнаго формулированія этихъ идей; если весь этотъ психологическій арсеналъ историческаго движенія создается на почвѣ интересовъ отдѣльныхъ лицъ, если въ то же время историческое движеніе осуществлялось путемъ распада общества на классы, причемъ активная соціальная энергія сосредоточивалась въ той или другой изъ привилегированныхъ группъ, которая вмѣстѣ съ тѣмъ являлась и опредѣляющимъ направленіе развитія, а народная масса играла роль матеріала, надъ которымъ соверша-

лись разнообразныя операція, интересы котораго всегда были на заднемъ планѣ; если все это, повторяемъ, происходило такъ, какъ мы выражали, то нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что при всей чистотѣ происхожденія абстрактныхъ социальныхъ принциповъ, постепенно заносимыхъ на страницы исторіи человѣческой мысли, эти принципы, претворяясь въ конкретныя формулы, способныя опредѣлять направленіе общественнаго движенія эпохи, обыкновенно должны были приобретать содержаніе, находившееся въ соответствіи съ интересами господствующаго или возмывающагося класса и способствовавшее дальнейшей эволюціи общественныхъ отношеній въ смыслѣ этихъ интересовъ.

То, что мы развивали на предыдущихъ страницахъ, даетъ намъ право сдѣлать нижеслѣдующія заключенія.

Имѣя въ виду дѣтское состояніе социологіи, какъ науки, нужно быть очень осторожнымъ въ томъ, что касается признанія нашихъ социологическихъ обобщеній за непреложные законы общественныхъ отношеній. Нужно помнить, что главнѣйшимъ социальнымъ агентомъ является самъ человѣкъ съ его потребностями, страстями и сознаніемъ, и что главнѣйшая функція интеллигенціи заключается въ усиленіи вліянія на социальныя процессы общественнаго сознанія вообще, сознательнаго воздѣйствія общественныхъ организацій въ частности. Что же касается содержанія сознанія, — таковымъ не могутъ быть объективными положенія, не мотивированныя субъективными моментами, потому что въ основѣ и представленій человѣка объ обществѣ, и самыхъ социальныхъ явленій лежатъ потребности, чувства, идеи, т.-е. явленія субъективной жизни. Сособразно направленію исторіи, по которому на арену общественно-политическаго вліянія выступали послѣдовательно различныя классы, общественное сознаніе оцѣнивало явленія и воздѣйствовало на нихъ по преимуществу въ интересахъ одного класса. „Объективными“ же, научныя формулы, насколько онѣ оказывали вліяніе на развитіе общественныхъ отношеній, играли такую роль, благодаря тому, что практическія слѣдствія, изъ нихъ вытекавшія, отличались болѣе или менѣе ясно сознанными потребностями вліятельнаго класса; т.-е. эти формулы въ практическомъ отношеніи служили для законнаго, такъ сказать, обоснованія тре-

бований, удовлетворяющихъ интересамъ этого класса, для сравнiя съ программы господствующаго или возвышающагося слоя признаковъ ея узко-классоваго происхожденiя. Въ новѣйшее время, когда на историческую сцену выступилъ фабрично-заводскiй пролетарiатъ, во всѣхъ сферахъ сознательной жизни, гдѣ это возможно, замѣчается усиленiе представлений, истекающихъ изъ потребностей или уясняющихъ потребности этого социальнаго класса, а наука поснѣшила съ своей стороны оправдать требованiя рабочихъ, покрывъ ихъ объективно якобы построеними закономъ (научный социализмъ). Въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ почему либо выдвинулся сельскiй работающiй классъ (Ирландiя), общественное сознанiе начинаетъ работать въ духѣ его интересовъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ такъ называемые законы социальнаго жизни въ сознанiи дѣателей играютъ служебную роль. Оцѣнка окружающей жизни совершается съ точки зрѣнiя неудовлетворенныхъ потребностей класса, задачи воздѣйствiя на нее диктуются прежде всего выяснившимися на этотъ счетъ представленiями класса. Законы же социальнаго жизни привлекаются или для оправданiя и систематизированiя реальныхъ, жизненныхъ потребностей класса, или для того, чтобы указать, какiя практическiя мѣры цѣлесообразнѣе всего принять въ видахъ разрѣшенiя задачи, продиктованной потребностями реально-сущаствующихъ общественныхъ слоевъ.

Такъ, съ выступленiемъ на арену сознательной общественной жизни фабрично-заводскаго пролетарiата, общественное сознанiе, больше чѣмъ когда бы то ни было, занялось вопросами объ удовлетворенiи потребностей этого класса въ отношенiи безопасности работы и улучшенiя материальной и моральной обстановки его быта. Для этихъ цѣлей сознанiе рабочихъ и лицъ, имъ сочувствующихъ, указало, между прочимъ, на задачи возвышенiя заработной платы и сокращенiя времени работы, а также на принятiе фабрикантами известныхъ мѣръ предосторожности при устройствѣ приспособленiй для работы. Соответствуютъ ли эти требованiя объективнымъ законамъ социологiи или нѣтъ (ученые когда-то доказывали, что возвышенiе заработной платы усиленiю рабочихъ невозможно, такъ какъ уровень ея опредѣляется неотвратимыми социальными законами, и эти „законы“ были

отвергнуты лишь вследствие того, что „невижественные“ рабочие игнорировали их и фактически доказали их несостоятельность), нужна ли для успехов развития промышленности страны полная во всех этих отношениях свобода действий капиталистов (последние не раз доказывали, что многие проектированные для защиты рабочих истропрития поведут к упадку промышленности), — эти вопросы, при вышеуказанных условиях, общественным сознанием игнорируются, и возникает только вопрос еще о том, какими практическими мерами всего легче придти к поставленной цели. И вот, обеспечение здоровья и жизни при работѣ на фабриках достигается при посредствѣ законодательства, возвышеніе заработной платы — организованной борьбой классов, сокращеніе времени работы на фабриках — гѣмъ и другимъ способами. Объективные условия не остались безъ вліянія на формулированіе задач, подлежащихъ разрѣшенію при помощи сознательнаго ноадійствія общественныхъ организаций: рабочие, напримѣръ, не требуютъ въ настоящее время уничтоженія машинъ или немедленнаго переустройства промышленности на совершенно новый ладъ, какъ это нерѣдко имѣло мѣсто въ предшествующей исторіи пролетаріата. Но это произошло путемъ отраженія объективных условий въ сознаніи класса, котораго они касаются, и служатъ лишь свидѣтельствомъ того, что при проектированіи задач, подлежащихъ разрѣшенію для удовлетворенія субъективно поставленныхъ требованій рабочаго класса, приходится считаться съ условиями мѣста и времени, а не доказываетъ, что сами задачи диктуются не потребностями реально существующихъ группъ населенія, а какими-то объективными представленіями объ отношеніяхъ, осуществляющихся или подлежащихъ осуществленію въ будущемъ. Обязанность интеллигенціи, между прочимъ, и состоитъ въ томъ, чтобы указать объективные условия, ограничивающія и опредѣляющія мѣру удовлетворенія субъективно сзванныхъ потребностей класса, а не въ томъ, чтобы эти субъективно предиктованныя задачи замѣнить объективно яко-бы полученными формулами.

Непригодность этихъ послѣднихъ, какъ главнѣйшаго узла очереди задачъ общественной дѣятельности, доказы-

вается явленіями современнаго же общественнаго движенія на Западѣ.

Если по отношенію къ современнымъ требованіямъ фабрично-заводскаго пролетаріата объективныя условія станутъ ограниченія, удерживающія мѣры удовлетворенія ихъ на почвѣ существующаго экономическаго строя, то для земледѣльческаго населенія Англіи и Ирландіи эти условія не имѣютъ такого значенія. Возбужденное къ дѣятельности сознание земледѣльческаго класса, послѣ оцѣнки существующихъ порядковъ съ точки зрѣнія интересовъ этого послѣдняго, выставило требованіе полного измѣненія этихъ порядковъ, не справляясь съ тѣмъ, соответствуетъ ли это требованіе какой либо социологической формулѣ или нѣтъ и, насколько извѣстно, эти требованія не встрѣчали возраженія съ точки зрѣнія ихъ противорѣчія объективнымъ законамъ исторіи, — хотя они и игнорируютъ идею о фатальности въ экономическомъ развитіи общества, — признаны какъ либеральной, такъ и консервативной партіями за подлежащія удовлетворенію, которое, вѣроятно, и не замедлитъ осуществиться въ самомъ ближайшемъ будущемъ.

И такъ, повторимъ еще разъ, что въ историческомъ развитіи общества можно различать движеніе стихійное и сознательное. Первое состоитъ изъ нѣсколькихъ борющихся теченій, и, въ большинствѣ случаевъ, побѣда остается за тѣмъ изъ нихъ, на сторону котораго станетъ общественное сознание, т. е. въ пользу котораго предпринимается рядъ сознательно-цѣлесообразно проектированныхъ мѣропріятій со стороны правительства и интеллигенціи. Обыкновенно вмѣшательство сознанія общества усиливало то стихійное теченіе, которое выгодно для привилегированныхъ классовъ, такъ какъ сама выразительница общественнаго сознанія, интеллигенція, принадлежала именно къ этому классу. Но, съ распространеніемъ образованія за предѣлы небольшого слоя и съ выступленіемъ на сцену активной исторической жизни трудящейся массы, сознательная дѣятельность общества направляется въ пользу теченія, болѣе выгоднаго для послѣдней, что можетъ имѣть слѣдствіемъ измѣненіе направленія, въ какомъ до этого времени происходила эволюція общественныхъ отношеній. Такое вмѣшательство общественнаго сознанія

ставить въ настоящее время и ставило иногда въ прошедшемъ преграды стихійному развитію капитализма. Не говоря о всемъ прочемъ, укажемъ только на аграрное движеніе, обнаружившееся въ послѣднее время во многихъ странахъ цивилизованнаго міра, и въ частности въ Ирландіи. Смыслъ этого движенія весьма далекъ отъ социалистическаго: оно игнорируетъ вопросъ о кооперативномъ производствѣ, а имѣетъ цѣлью обезпечить самостоятельное положеніе трудящагося, для чего представляется необходимость въ раздробленіи крупныхъ индивидуальныхъ хозяйственныхъ единицъ на болѣе мелкія. Такимъ образомъ, благодаря измѣненію въ направленіи общественнаго сознанія, мы присутствуемъ при такомъ моментѣ экономической эволюціи общества, когда процессъ организаціи крупной формы производства подъ руководствомъ капитала, совершающійся частью стихійно, частью сознательно, въ одной огромной сферѣ приложенія труда прерывается, и организація будетъ продолжаться инымъ, не капиталистическимъ путемъ.

Конечно, сила общественнаго сознанія не безгранична, и оно не можетъ идти противъ законовъ природы. Но дѣло въ томъ, что по отношенію къ явленіямъ соціальной жизни эти такъ называемые непреодолимые законы въ большинствѣ случаевъ являются законами отношеній, развивавшихся при известной комбинаціи производящихъ причинъ, въ числѣ которыхъ далеко не послѣднюю роль играетъ воздѣйствіе на процессъ общественнаго сознанія, направляемаго одностороннимъ интересомъ привилегированныхъ слоевъ общества. Съ появленіемъ на аренѣ общественной жизни бессловной интеллигенціи (если такой фактъ возможенъ), способной оцѣнить совершающіяся вокругъ нея явленія съ точки зрѣнія интересовъ массы и отвлеченныхъ идей правды и справедливости (мы говоримъ о странахъ, гдѣ, по причинѣ невѣжества народа, послѣдній не участвуетъ активно въ историческомъ движеніи), вліяніе на соціальныя процессы словнаго сознанія, лишеннаго поддержки лучшей части интеллигенціи, ослабляется, отчего равнодѣйствующимъ стихійнымъ процессомъ измѣняется направленіе, и, при известной силѣ вліянія бессловной интеллигенціи, можетъ значительно отклонить общество отъ того пути, по которому она его вела

равьше. Но безусловность интеллигенции, въ смыслѣ чистоты ея сознательныхъ мотивовъ и сознательно преслѣдуемыхъ цѣлей, какъ это слѣдуетъ изъ вышеназложеннаго, еще не обезпечиваетъ народной массѣ, — если она не играетъ активной роли въ историческомъ процессѣ, — удовлетворенія ея законныхъ потребностей. Интеллигенція можетъ не понять потребностей и настроенія народа или увлечься стремленіемъ въ достиженію такихъ цѣлей, которыя, будучи весьма благовидными въ принципѣ, имѣютъ гораздо большее значеніе для привилегированныхъ классовъ, нежели для массы населенія и, такимъ образомъ, формулируетъ задачи даннаго момента въ смыслѣ, неблагоприятномъ для интересовъ массы или игнорирующемъ послѣдніе.

Народная масса Западной Европы можетъ не обеспокоиться того или другаго направленія мысли привилегированной интеллигенціи вообще, господства среди ея представителей различныхъ социологическихъ доктринъ въ частности, потому что она сама является активнымъ общественнымъ агентомъ и имѣетъ собственную интеллигенцію. Съ своей стороны, и привилегированная интеллигенція можетъ съ болѣе или менѣе спокойной совѣстью отдаваться тѣмъ или другимъ теоріямъ, зная, что вліяніе этихъ послѣднихъ на общественную жизнь страны будетъ, если нужно, дополнено противодѣйствующимъ вліяніемъ народа и его интеллигенціи. Иное слѣдуетъ сказать о тѣхъ странахъ, гдѣ народная масса недоразвилась до активнаго участія въ общественной жизни и гдѣ поэтому главнымъ агентомъ по формированію общественнаго самосознанія, которое такъ или иначе отражается на судьбѣ народа, является интеллигенція привилегированнаго класса. Въ этихъ случаяхъ попытка строго держаться объективныхъ формулъ, „законовъ“ исторіи и всякихъ другихъ схемъ, — выражающихъ въ сущности лишь порядокъ смѣны формъ, имѣвшей мѣсто въ нѣкоторыхъ странахъ, при извѣстной, обыкновенно трудно повторяющейся, комбинаціи производящихъ причинъ, съ преобладающимъ вліяніемъ факторовъ, истекающихъ изъ интересовъ одного класса, — не встрѣчая противовѣса во вліяніяхъ, исходящихъ изъ реальныхъ потребностей реального населенія, будутъ имѣть лишь то послѣдствіе, что стихійное теченіе, выражающее интересы массы, не получитъ поддержки сверху и,

можетъ быть, уступить въ борьбѣ другому теченію, въ то время, какъ при иномъ отношеніи интеллигенціи оно привело бы къ созданію формъ, лучше отвѣчающихъ здѣсь общаго блага, правды и справедливости. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что интеллигенція такихъ странъ несетъ за свои дѣйствія нравственную отвѣтственность, неизвѣстную интеллигенціи болѣе цивилизованныхъ народовъ, и что она должна возможно осторожнѣе произносить сужденіе о предметахъ, затрагивающихъ отношенія, выработанныя народной жизнью для удовлетворенія потребностей массы, которая не можетъ защитить самъ народъ.

Такимъ образомъ, чтобы удержаться на высотѣ своего отвѣтственнаго положенія, интеллигенція тѣхъ націй, гдѣ народъ еще не вошелъ въ число активныхъ общественныхъ силъ и его интересы не представлены непосредственно, въ своей дѣятельности должна по возможности соблюдать слѣдующія условія.

Нужно стремиться къ возможному систематическому детальному изученію народа, какъ въ его духовной фазіономіи, такъ и въ общественныхъ отношеніяхъ и этимъ путемъ приобрѣсти объективныя данныя для сужденія о потребностяхъ народной жизни и средствахъ наилучшаго ихъ удовлетворенія.

Вмѣстѣ съ этимъ и еще настоятельнѣе необходимо приближеніе интеллигенціи къ народу, установленіе непрерывнаго между ними общенія, постоянное участіе первой въ радостяхъ и заботахъ послѣдняго. Этимъ путемъ приобрѣтаются свѣдѣнія о сознательныхъ стремленіяхъ народа и его бессознательной философіи и, до извѣстной степени, парализуются недостатки организаціи интеллигенціи, заключающіеся въ отсутствіи въ ея средѣ представителей народнаго интеллекта. Черезъ посредство лицъ, живущихъ по возможности жизнью массы, культурное общество будетъ имѣть возможность, съ одной стороны, получать такіа впечатлѣнія отъ того, что происходитъ въ народномъ быту, которыя поставятъ его до извѣстной степени au courant съ развитіемъ народной жизни и міросозерцанія, съ другой — передавать массѣ средства, выработанныя культурой для удовлетворенія разнообразнѣйшихъ потребностей личной и общественной жизни. Сказанное имѣетъ примѣненіе даже къ такимъ передовымъ націямъ, какъ англійская. Высшее образованіе, говорить

Тойби, потеряло „животворный источник соприкосновения съ реальной жизнью. Носители его поэтому должны устремиться въ народную среду не для того только, чтобы развивать ее своимъ разумомъ, но чтобы почерпнуть также у народа знакомство съ реальной стороной проблемы, называемой жизнью, вслѣдъ чего только ихъ образование можетъ приобрести надлежашую всесторонность и истинную глубину“ ¹⁾). Тѣмъ необходимо такое отношеніе къ дѣлу въ странахъ, подобныхъ Россіи.

Нужно быть очень осторожнымъ въ отношеніи построенія цѣльной системы, охватывающей социальную жизнь такихъ странъ въ прошедшемъ и предпріимавшей путь ихъ развитія въ будущемъ, а слѣдовательно, и тѣ средства, которыми въ этомъ развитіи будетъ участвовать интеллигенція. Въ особенности слѣдуетъ воздерживаться отъ стремленія облегчить трудъ по систематизаціи позрѣній занимаваніемъ схемъ эволюціи общественныхъ формъ, выработанныхъ на Западѣ, памятуя, что эти схемы получены обобщеніемъ фактовъ, относящихся даже далеко не ко всей Западной Европѣ, не говоря о цѣломъ человѣчествѣ; что социальная наука, констатируя известную связь явленій, этимъ самымъ не только указываетъ на ихъ послѣдовательность или сосуществованіе, но и учитъ, какъ избѣгать того или другого нежелательнаго положенія, и что, если современное состояніе интеллектуальнаго развитія просвѣщенной части человѣчества и допускаетъ болѣе или менѣе ясное указаніе этаповъ жизни идейнаго содержанія исторіи, то это выполнитъ образомъ не можетъ быть отнесено къ конкретнымъ формамъ жизни, такъ какъ конкретная форма составляетъ наиболѣе непостоянную категорію социальныхъ явленій, такъ какъ и самое ея значеніе заключается въ томъ, чтобы дать идеѣ, ею представляемой, выраженіе, наиболѣе соответствующее всѣмъ частнымъ условіямъ мѣста и времени.

¹⁾ *Голландской герц.* Социальные течения и реформы XIX столѣтія въ Англіи, с. 102.

Но если русская интеллигенция не должна гнаться за формами, выработанными чужою жизнью, за то ей тѣмъ болѣе слѣдуетъ усвоить идеи общечеловѣческаго развитія, выработать при ихъ помощи въ самыхъ общихъ чертахъ, но ясныя и прочныя идеалы, и ими же руководствоваться при оцѣнкѣ всякаго, предлагаемаго къ осуществленію въ окружающемъ, мѣропріятія.

Обладаніе интеллигенціей ясными, широкими, обоснованными субъективно и по возможности объективно, идеалами представляется имѣющимъ гораздо болѣе важное значеніе для Россіи, нежели для другихъ, болѣе цивилизованныхъ странъ Европы. Идеалы, достойные девятнадцатаго вѣка, имѣютъ въ виду благо всѣхъ и соответственно этому должны отражаться въ дѣйствительности такими поправками ея организаціи, которыя расширяютъ сферу участія въ благахъ цивилизаціи, — прежде бывшихъ доступными одному классу, — трудящейся массѣ населенія. Но тотъ же практическій результатъ можетъ быть достигнутъ и помимо идеальныхъ представленій интеллигенціи о болѣе справедливомъ и высокомъ, — если активнымъ агентомъ въ общественной жизни становится сама трудящаяся масса, стремящаяся къ участію въ пользованіи плодами цивилизаціи по непосредственному, эгоистическому побужденію и способная достичь этого участія, не строя широкихъ идеаловъ, а лишь цѣлесообразно пользуясь средствами, уже выработанными исторіей. Сказаннымъ объясняется, почему послѣднее 20—30-лѣтіе Европы характеризуется одновременно пониженіемъ идейнаго уровня интеллигенціи (буржуазной, въ предшествовавшій періодъ стоявшей въ первыхъ рядахъ прогрессивной части общества) и улучшеніемъ соціальнаго положенія трудящейся массы. Иныя отношенія наблюдаются въ Россіи, гдѣ народъ въ дѣлѣ общественныхъ преобразованій игралъ пассивную роль, и гдѣ факель, освѣщающій путь прогресса, находится въ рукахъ привилегированнаго слоя. При такихъ обстоятельствахъ, если и возможно не запутаться въ массѣ переплетающихся путей, пролагаемыхъ неполнымъ знаніемъ народнаго быта, сословными предразсудками и интересами, традиціей, доктринерствомъ, подражательностью готовымъ образцамъ и т. п., если мыслимо достичь того, чтобы

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Характеръ русской интеллигенціи.

I.

По обширности и своеобразности народной беллетристики наша литература не имѣетъ себѣ подобія въ Европѣ, говоритъ г. Скабичевскій. Романы и повѣсти изъ народной жизни на Западѣ являются обыкновенно случайно и преслѣдуютъ господствующія психологическія и художественныя цѣли. Немногіе же писатели, спеціально посвятившіе свою дѣятельность изображенію народнаго быта, являются не объективными его изслѣдователями, а лицами, преслѣдующими извѣстныя партійныя цѣли, сообразно которымъ и народъ они изображаютъ тѣми или другими красками. Въ противоположность этому, въ Россіи за послѣднія 40 лѣтъ явились десятки беллетристовъ, стремящихся постичь социальныя основы народнаго быта, проникнуть въ сокровенныя изгибы народной души¹⁾.

„Для будущаго историка русской жизни наше время будетъ, вѣроятно, казаться очень оригинальнымъ; быть можетъ даже оно представитъ зрѣлище, единственное въ своемъ родѣ, пишетъ г. А. В-въ. Мы разумѣемъ ту роль, какую въ теченіе уже нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ „народъ“ занялъ и въ ли-

¹⁾ „Исторія новейшей русской литературы“, с. 223.

тратурѣ, и въ общественныхъ вопросахъ, и въ мечтаніяхъ молодыхъ поколѣній. Влеченія къ народному не единичны въ нашей литературѣ; они становились не однажды господствующимъ мотивомъ и въ литературахъ европейскихъ, тѣмъ не менѣе у насъ они остаются весьма своеобразны¹⁾.

Г. А. В-нъ пытается и формулировать разницу въ положеніи народнаго начала въ нашей и иностранной литературахъ.

„Стремленіе къ народному или національному проявилось, напр., еще во второй половинѣ 18 в. въ Германіи, когда молодые поколѣнія мечтали о возвращеніи древне-греческаго вѣка и молодые поэты воображали себя бардами; нѣсколько позднее, въ философско-поэтическихъ воззваніяхъ Гердера, „народное“ являлось какъ истинное начало просвѣщенія и поэзіи, и изученіе поэзіи народной и возвращеніе къ ней указывались какъ средства обновленія. Но здѣсь, какъ и въ позднѣйшихъ романтическихъ обращеніяхъ къ народному, это послѣднее понималось обыкновенно почти только теоретическимъ образомъ, такъ вѣчто, логически недостававшее въ историческихъ и статическихъ построеніяхъ, чѣмъ надо было бы оправдать философскую цѣльность этихъ построеній. Въ развитіи національной идеи, которое совпадаетъ съ эпохой романтизма и перенимаетъ ее, народное опять является въ широкомъ объемѣ національнаго, понимается, какъ самое общее представленіе національнаго духа, и практическія примѣненія идеи національности приводили къ исканію политическаго освобожденія національностей, гдѣ онѣ подавлены были чужимъ господствомъ. Можно было бы ожидать, что „народное“ скажется въ томъ вѣднѣйшемъ демократическомъ движеніи, которое выразилось рабочимъ вопросомъ; но здѣсь шло дѣло о чисто экономическихъ отношеніяхъ, которые опять получали политическій характеръ, потому что экономическій споръ для своего разрѣшенія требовалъ и извѣстной политической реформы. Рабочій вопросъ, несомнѣнно, касался близко народа, изъ котораго выходила рабочая масса; но послѣдній все-таки не отождествлялся съ народомъ, и въ рабочій вопросъ не замѣшались тѣ соображенія

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“ 1891 г., II. Народники и народъ.

о народномъ началѣ, къ которымъ мы такъ привыкли въ своей литературѣ“. Все эти направленія встрѣчаются и у насъ, но они не составляютъ главнаго содержанія народнаго начала въ русской литературѣ. //

„Нѣсколько иначе „народное“ поставлено было въ славянскомъ возрожденіи: дѣятелямъ этого возрожденія нужно было опереться на народъ, потому что только въ народной средѣ и сохранилась та національная сторона, которая являлась фундаментомъ для національнаго возрожденія... Чтобы пробудить въ массѣ племенное сознаніе, съ которымъ должна была возникнуть и окрѣпнуть мысль политическая, нужно было начать вновь или восстановить литературу на народномъ языкѣ, изучить этнографическій образъ племени, реставрировать исторію и пр. Такимъ образомъ, съ разныхъ сторонъ приходилось обращаться къ народному, вызывать его жизненные начала, отождествлять дѣло національнаго возрожденія съ вѣковыми началами народной жизни“... Но все это дѣлалось постольку, поскольку было нужно для возрожденія *національной идеи*, вслѣдъ за чѣмъ „народъ“ отступалъ на задній планъ, и литературныя направленія привыкали къ романо- и германо-европейскимъ, отражали на себѣ общія всей Западной Европѣ социальныя отношенія. „Дѣло въ томъ, что возрожденіе славянскихъ племенъ совершалось среди безусловнаго господства европейскаго просвѣщенія и *кряпко установившихся формъ общественности*. Когда возрождались славянскія племена и когда требовалось разработать ихъ историческое прошлое, основать ихъ новѣйшее просвѣщеніе, искать средствъ для укрѣпленія ихъ національнаго чувства,—во всѣхъ этихъ случаяхъ надо было пользоваться установившимися условіями жизни и европейской науки, *европейскими формами общественности*: эта наука помогала изучить и объяснить факты историческаго прошлаго и сдѣлать изъ нихъ выводы; формы и содержаніе европейской литературы помогли создать образовательную народную книгу; *формы общественности цѣлкомъ перенимались*“.

„Иначе складываются народныя стремленія въ нашей литературѣ, съ ихъ послѣднимъ исходомъ въ народничество разныхъ отбѣнковъ. Первые опыты этихъ стремленій съ конча-

18 в. были непосредственнымъ интересомъ къ народному быту, черты котораго еще въ болѣе степенѣ сохранились и въ быту у самаго образованнаго класса. Позднѣе, и особливо въ 40-хъ гг., онѣ получаютъ прямо социальный характеръ: изученіе народа и народной жизни сопровождается мыслью, что народъ есть основа націи, сопровождается сочувствіями къ его гражданскому положенію и желаніями, чтобы это положеніе было улучшено, чтобы народъ приобрѣлъ гражданскія права; затѣмъ эти сочувствія все болѣе возрастаютъ въ теоретическое и, наконецъ, въ полуклассическое представленіе о томъ, что именно въ народѣ хранится та глубокая идея, которой принадлежитъ и все нравственное содержаніе національнаго цѣлага, и та сила развитія, которая создала его вышнее государственное могущество. Словомъ, народныя стремленія въ нашей литературѣ заключали въ себѣ не только потребность научнаго изслѣдованія народнаго преданія (гдѣ мы были учениками европейской науки, особливо нѣмецкой), не только потребность найти для литературы болѣе реальное содержаніе и болѣе естественную форму (гдѣ она наша литература находила опору въ европейскомъ движеніи, напр., въ романтизмѣ), но и нечто другое: глубокой социальный вопросъ и національную вѣру. Правда, и въ этомъ послѣднемъ отношеніи стремленія нашей литературы вырабатывались подъ сильными вліяніями западнаго просвѣщенія — именно, германской философіи, социалистическихъ изученій, самыхъ политическихъ событій; но вмѣстѣ съ тѣмъ, вопросъ развивался по своему въ условіяхъ русской жизни, доходя, наконецъ, до своеобразной постановки, гдѣ становился всеобъемлющимъ, нравственнымъ вопросомъ, какъ у Л. Н. Толстого“.

Не считая эту характеристику русской интеллигенціи въ ея отношеніи къ „народному“ совершенно полной, мы тѣмъ не менѣе полагаемъ, что всякій непредубежденный читатель, прочтя приведенныя строки, естественно выведетъ заключеніе, что указанная характерная особенность русской литературы не можетъ быть считаема явленіемъ случайнымъ: она должна быть органически связана съ социальнымъ бытовымъ строемъ нашего отечества, какъ составляющимъ почву, на которой выросла интеллигенція, и въ свою очередь свидѣтельствуетъ о томъ, что, по

социально-бытовымъ условіямъ, русская жизнь рѣзко отличается отъ западно-европейской. Продолжая логически развивать ту же мысль, читатель считалъ бы себя въ правѣ сказать далѣе, что такъ какъ литература служитъ выраженіемъ общественнаго самосознанія и въ свою очередь оказываетъ сильное вліяніе на формирование послѣдняго, а черезъ него и на фактическія отношенія въ обществѣ, то — доколѣ основной ея мотивъ будетъ отличаться вышеуказаннымъ характеромъ — такой же характеръ будетъ стремиться принять и общественная жизнь. Все вышеизложенное должно бы привести къ практическому заключенію, что насущной задачей исторіи нашего общественнаго развитія должно бы быть изслѣдованіе причинъ особеннаго характера русской литературы, изученіе взаимодѣйствій этой литературы и жизни и указаніе тѣхъ особенностей въ дальнѣйшемъ развитіи страны, какихъ естественно ожидать при данной комбинаціи стихійно и совпательно дѣйствующихъ въ указанномъ направленіи силъ русскаго общества... Такое изслѣдованіе, такъ сказать социально-литературное, имѣло бы огромное значеніе для правильнаго развитія русской общественной мысли.

Нѣтъ сомнѣнія, что и внѣшнія, и внутреннія (социально-бытовныя) условія этого развитія крайне неблагоприятны, и потому пособіе, получаемое нашей интеллигенціей отъ болѣе развитыхъ европейскихъ литературъ, имѣетъ особенное значеніе. Въ этихъ литературахъ русская интеллигенція видитъ послѣдовательные шаги въ развитіи идеи, — шаги, которые въ большинствѣ случаевъ и ей предстоитъ сдѣлать, и такимъ образомъ имѣетъ часть необходимой работы выполненную другими. Въ теоретическомъ отношеніи, слѣдовательно, ей остается только усвоивать уже открытыя идеи, и самостоятельную работу мысли проявлять лишь въ дѣлѣ приложенія послѣднихъ къ русской дѣйствительности. Но указанное пособіе западной литературы русская интеллигенція получаетъ лишь въ отношеніи общихъ той и другой идей. Въ томъ же, что наша интеллигенція представляетъ оригинальнаго — ей приходится работать одной, и здѣсь-то неблагоприятныя условія оказываютъ полное свое вліяніе и приводятъ къ тому, что правильное, логическое развитіе идеи, выражающей особенныя условія русской жизни, дѣлается

невозможнымъ. Идея эта необходимо является въ сознаниі русскаго интеллигента то въ формѣ полунстинктивнаго стремленія, то въ болѣе или менѣе сознательномъ примѣненіи къ какой-либо частной сферѣ жизни или мысли, то какъ выводъ изъ положеній, повидимому, относящихся къ совершенно иной категоріи явленій. Она рвется наружу, стремится занять въ общей суммѣ нашихъ идей соответствующее мѣсто; но ей весьма трудно получить надлежащую теоретическую разработку, подняться на такую высоту, съ которой она освѣщала бы истинный путь вѣдѣмъ, слѣдующимъ за нею. Въ силу сказаннаго, частныя примѣненія идеи весьма часто будутъ носить узкій, уродливый характеръ; въ одномъ и томъ же теченіи, рядомъ съ здоровымъ потокомъ, встрѣчатся мутныя струи, и отрицательная критика найдетъ въ исторіи идеи богатый для себя матеріалъ.

Вотъ здѣсь-то социальное-литературное изученіе явленія и такая же его критика имѣли бы огромное значеніе для правильного развитія идеи, показывая корни ея въ тѣхъ или другихъ социальныхъ отношеніяхъ, объясняя происхожденіе прямыхъ и кривыхъ ея вѣтвей, помогая пониманію того, гдѣ истинный социальный смыслъ идеи, въ какомъ направленіи слѣдуетъ искать пути правильного ея развитія, чѣмъ объясняются отклоненія отъ него пути. При подобномъ содѣйствіи со стороны критики, цѣлика отрицательныхъ проявленій идеи, конечно, имѣла бы другой характеръ и значеніе, чѣмъ безъ него; теоретическое обоснованіе идеи поставлено было бы солиднѣе; ея воздѣйствіе на различныя научныя области было бы рѣшительнѣе и плодотворнѣе; практическія ея примѣненія — цѣлесообразнѣе.

Къ сожалѣнію, такой исторіи нашего общественнаго развитія еще не написано, такой критики нашихъ общественно-политическихъ идей не существуетъ, и причинъ этого явленія, по нашему мнѣнію, между прочимъ, слѣдуетъ искать въ двухъ обстоятельствахъ. Во-1-хъ, въ общемъ неразвитіи ученія о зависяемости идей, циркулирующихъ въ обществѣ, отъ социально-бытоваго его строя; во-2-хъ, въ неправильномъ представленіи нашихъ писателей о законахъ общественнаго развитія человечества.

Единство законовъ этого развитія понимается у насъ слишкомъ буквально: не въ смыслѣ сходства мотивовъ этого развитія,

основныхъ социальныхъ его пружинъ, а въ смыслѣ повторяемости въ одинаковомъ порядкѣ идей, формъ быта и ступеней ихъ развитія. Слѣдуя такому понятію, наши историки-публицисты обращались къ социально-бытовымъ условіямъ развѣ только затѣмъ, чтобы объяснить, почему русская общественная мысль въ известный періодъ своего развитія не вполне усвоила тѣ или другія западныя идеи и формы, приняла ихъ въ недоразвитомъ состояніи, искажала ихъ. По той же причинѣ рѣзкое уклоненіе русской мысли отъ европейской они склонны объяснять нашею неразвитостью, видѣть въ этихъ уклоненіяхъ признаки нашего недомыслія, смотрѣть на нихъ, какъ на явленія временныя, непорядочныя, объяснимыя какими-либо переходными условіями жизни.

Какъ бы, однако, ни было, — остается несомнѣннымъ, что русская прогрессивная интеллигенція, въ отличіе отъ западно-европейской (прошлаго времени, когда народъ еще не выступалъ въ роли активного агента исторіи), характеризуется особеннымъ демократизмомъ воззрѣній, большимъ вниманіемъ къ нуждамъ народа и проявляющимся въ ней стремленіемъ отнестись къ народной стихіи, какъ къ основному началу нашего развитія, стремленіемъ искать центр тяжести или опорную точку развитія не въ привилегированныхъ классахъ, а въ массѣ трудящагося народа.

Это явленіе есть результатъ сложныхъ вліяній: естественное въ развитомъ человѣкѣ чувство состраданія къ угнетенному положенію закрѣпощеннаго народа, проснувшееся совѣсть въ лицѣ принадлежащемъ къ привилегированному классу, сознающаго, что не послѣднюю роль въ этомъ угнетеніи игралъ этотъ именно классъ, и многія другія причины въ совокупности опредѣлили то настроеніе интеллигенціи, о которомъ идетъ у насъ рѣчь. Въ настоящей работѣ мы обратимъ вниманіе не на индивидуальнопсихологическія, а на социальнo-историческія причины этого явленія.

Одна изъ нихъ заключается въ томъ, что русская интеллигенція образовывалась въ такой періодъ исторіи человѣчества, когда абстрактныя положенія общечеловѣческой правды и справедливости могли быть поняты достаточно ясно и не смѣши-

изменены съ формулами, въ отвлеченномъ выраженіи живущими общій характеръ, а фактически представляющими интересы привилегированнаго класса. Въ силу сазаннаго, принципалъ съ запада просвѣдительныя идеи и освѣщая ими окружающую действительность, покоящуюся на основѣ крѣпостнаго права, интеллигенція была почти вынуждена дать этимъ просвѣдительнымъ идеямъ облаченіе въ духѣ интересовъ массы народа.

Вторая причина того же явленія есть слабость нашихъ привилегированныхъ классовъ, какъ самостоятельнаго культурнаго агента, ихъ безсиліе въ качествѣ руководителя общественнаго развитія, неспособность выставить руководящее начало этого развитія, если такового нельзя позаимствовать извнѣ, т. е. отсутствіе въ нихъ социальнаго творчества и безсиліе въ дѣлѣ произведенія выставленнаго начала въ жизнь. Эта культурная неспособность русскихъ привилегированныхъ классовъ объясняется, по нашему мнѣнію, тѣмъ, что цѣнная социально-политическая идея, объединяющая различныя жизненныя теченія, есть продуктъ столько же самой жизни, сколько и разума. Иначе говоря, прежде чѣмъ получить логическое выраженіе и соответствующее обоснованіе, эта идея должна уже намѣчаться жизнью, должна чувствоваться лицами, участвующими въ этой жизни, должна пытаться осуществляться въ фактическихъ отношеніяхъ: практическая, социальная идея сначала намѣчается въ жизни и потомъ уже формулируется интеллигенціей. Успѣхъ подобной идеи, ея быстрое распространеніе и сильное вліяніе на жизнь зависятъ не столько отъ солидности ея логическаго обоснованія, сколько отъ того, что она выленяетъ каждому то, что онъ уже самъ чувствовалъ, чѣмъ онъ бессознательно руководствовался въ жизни: она превращаетъ бессознательную философію даннаго общества въ сознательную. Для того, чтобы интеллигенція могла высказать такую идею, необходимо, чтобы она находилась въ интимнѣйшей связи съ текущею действительностью, чтобы она сама участвовала въ отношеніяхъ жизни, обнимаемыхъ идеей, чтобы она была признаваема обществомъ, какъ передовая его дружина. При противоположныхъ условіяхъ, — если интеллигенція не составляетъ съ обществомъ одного цѣлаго, если она стоитъ въ сторонѣ отъ развивающихся фактически отношеній, если

классъ, участвующей въ этихъ отношеніяхъ, она неизвѣстна, — то она или не пойметъ настоящаго момента и неправильно формулируетъ его задачи, или выскажетъ вѣрныя идеи, но онѣ останутся обществомъ неувоенными и практически почти безплодными. Такимъ образомъ, культурное значеніе интеллигенціи какъ руководителя страны, обеспечено въ томъ случаѣ, когда она является представителемъ общественнаго класса, составляющаго органическую часть цѣлаго, играющаго въ этомъ цѣломъ самостоятельную и важную роль и способнаго занять фактически руководящее положеніе. Словомъ, интеллигенція, какъ творческій социальный агентъ, обладаетъ такими силами, каковы имѣетъ въ жизни тотъ классъ, къ которому она принадлежитъ. Иначе говоря, прогрессивная роль культурнаго класса какого-либо общества имѣетъ съ его интеллигенціей (мало-мальски вліятельную интеллигенцію имѣютъ только культурные классы) опредѣляется тѣмъ, насколько этотъ классъ имѣетъ общественную самостоятельность и каково его значеніе въ фактически развивающихся отношеніяхъ. Если степень самостоятельности его не велика, если его интересы противорѣчатъ прогрессивному теченію жизни, или если въ фактически складывающихся отношеніяхъ, помимо него здоровое зерно будущаго, онъ играетъ не видную роль, — въ такомъ случаѣ этотъ классъ не можетъ сдѣлаться надежнымъ руководителемъ развитія, плоды его социальной культурной жизни не будутъ обладать достаточной доброкачественностью, проиленія его развитія будутъ возбуждать недовольство, въ обществѣ обнаружатся болѣе или менѣе сознательныя стремленія къ усвоенію другихъ стихійныхъ началъ стремленія искать болѣе прочную основу для прогрессивнаго развитія въ другихъ классахъ, привлечь къ участию въ культурномъ развитіи эти другіе классы; словомъ, обнаружатся различныя формы тяги къ народу и народному.

[Культурный классъ русскаго общества, по своему социальному составу и по наслѣдію, полученному отъ прошлаго, представляется именно такимъ несамостоятельнымъ, органически мало-вліятельнымъ общественнымъ элементомъ, и въ этомъ отношеніи онъ составляетъ рѣзкую противоположность западно-европейскимъ обществамъ. Западные привилегированные классы имѣли въ

собой длинный путь какъ духовнаго, такъ и самостоятельнаго общественнаго развитія, занимали руководящій постъ въ органически совершающейся эволюціи социальныхъ отношеній, и это дало имъ возможность въ теченіе историческаго процесса выработать положительный психологическій типъ, — некоторыя основныя идеи, которыми опредѣлялось содержаніе формъ духовной и общественной культуры. }

Церковь, феодализмъ, буржуазія, это — силы, игравшія въ свое время самостоятельную общественную роль, создавшія опредѣленныя социальныя отношенія, выработавшія извѣстныя руководящія начала и приобрѣвшія способность къ руководительству обществомъ въ его историческомъ развитіи. Когда одна сила изживалась и начинала утрачивать свое значеніе, — историческій процессъ выдвигалъ ей на смѣну новый классъ, приносящій новыя начала и новыя способности, вслѣдствіе чего интеллигенція находила въ томъ самомъ словѣ, къ которому принадлежала, все то, въ чемъ она нуждалась для построенія системъ социальной философіи — теоретическихъ и практическихъ — и не испытывала побужденія искать основаній для своихъ построеній въ чуждомъ ей словѣ, въ классѣ простого народа. Даже въ то время, когда этотъ классъ, въ лицѣ городского пролетаріата, самъ заявлялъ претензію на активное участіе въ общественной жизни, вслѣдствіе чего литература привилегированнаго, буржуазнаго слоя вынуждена была обратить на него особенное вниманіе, эта литература — иначе говоря, интеллигенція страны — не обнаруживала потребности искать въ этомъ классѣ социально-идеиную основу для будущаго развитія, такъ какъ сама буржуазія еще не истощила всѣхъ ресурсовъ своего социального творчества, еще не осуществила всего того, къ чему она была способна. Заявленіе о своихъ правахъ пролетарія вызвало со стороны литературы стремленіе къ изученію этого класса не въ его духовной сущности, а въ отношеніи его экономическаго положенія, въ цѣляхъ улучшенія послѣдняго и возможности обезпеченія прочности существующаго социального строя. Литература слѣдитъ за рабочимъ классомъ, какъ за новой растущей силой, слѣдитъ за успѣхами его организаціи, за характеромъ его непосредственныхъ практическихъ стремленій; но не

интересуется имъ, какъ представителемъ новой звѣздительной идеи, новаго принципа, скрытаго въ его бытовыхъ основахъ, въ его социальнo-этическомъ настроеніи. Даже публицисты пролетаріата въ своихъ общественныхъ построеніяхъ исходятъ не изъ положеній, выработанныхъ этимъ классомъ въ его историческомъ развитіи, а изъ общихъ у нихъ съ буржуазіей теоретическихъ посылокъ.

Въ противоположность тому, что было въ Европѣ, главный социальный элементъ нашего культурнаго общества составляетъ классъ, не имѣвшій въ прошломъ ни экономического, ни политическаго самостоятельнаго существованія, не выполнявшій видной и, по условіямъ развитія страны, органически необходимой, экономической или политической, самостоятельной функций; входившій въ общественно-политическую организацію страны лишь какъ слуга государства, игравшій органически-необходимую роль лишь какъ орудіе власти и развивавшійся подъ огромнымъ вліяніемъ со стороны послѣдней. Въ качествѣ подчиненнаго, служебнаго сословія, этотъ классъ не нуждался въ самостоятельной организаціи, въ самостоятельной, объединяющей его, идеѣ, въ самостоятельной общественной дѣятельности. Онъ не имѣлъ поэтому возможности выработать въ себѣ исторически такія качества духа, и не получилъ такого интеллектуальнаго и этическаго наслѣдства, которыя могли бы служить благоприятной почвой для пышнаго расцвѣта разносторонней духовной культуры; не вынесъ изъ прошлаго ни идей, которыя составили бы первоначальное основаніе и исходную точку возникающаго развитія, ни авторитета, который бы предрасполагалъ страну видѣть въ немъ своего культурнаго представителя. Въ силу сказаннаго, въ настоящемъ, какъ и въ прошломъ, онъ только отражаетъ чужой свѣтъ; въ настоящемъ, какъ и въ прошломъ, онъ не занимаетъ руководящаго положенія ни въ фактически развивающихся социальныхъ отношеніяхъ, ни въ сферѣ сознательно-устанавливаемыхъ политическихъ. Онъ крѣпко держался за свои привилегіи въ то время, какъ жизнь и науки вели къ ихъ упраздненію; а потерявъ однѣ привилегіи, онъ не подумалъ о томъ, чтобы обезпечить свое благосостояніе путемъ занятія въ органически развивающихся порядкахъ новаго

экономического строя руководящего поста, что обеспечило бы ему власть съ тѣмъ и руководящее культурно-соціальное положеніе; вмѣсто этого онъ стремился, вопреки общему направленію жизни, приобрести новыя привилегіи, стать въ новую зависимость отъ высшей силы. Въ прошломъ его интимнѣйшія влеченія стояли въ противорѣчій съ духомъ принимавшагося имъ просвѣщенія, почему онъ и не былъ въ состояніи на почвѣ этого послѣдняго создать самостоятельную высокую культуру, могущую быть признанной за культуру цѣлой страны; не былъ въ состояніи сдѣлаться настоящимъ представителемъ прогрессивныхъ потребностей своего времени. Оттого-то средній русскій культурный человѣкъ, насколько онъ, дѣйствительно, общается къ просвѣщенію, носитъ такъ мало оригинальныхъ чертъ и такъ много заимствовалъ извнѣ; оттого же и мыслящіе или чувствительные лица изъ интеллигенціи скоро сознали или почувствовали недостаточность соціальной основы возникавшей русской культуры и въ той или другой формѣ обращали свои взоры на вродную стихію.

Весьма интересно было бы прослѣдить историческое развитіе въ русскомъ обществѣ идеи „изрода“ и „народнаго“. Не облада достаточными для этого слѣдствіями, мы ограничимся при-
 веденіемъ въ послѣдней главѣ нѣкѣихъ выдающихся русскихъ дѣятелей о нашемъ привилегированномъ классѣ, какъ активномъ соціально-культурномъ агентѣ. Теперь же остановимся нѣсколько на первой изъ вышеуказанныхъ причинъ различія исторіи русской общественной мысли отъ исторіи мысли западно-европейской. X

II.

Давно уже замѣчено, что массаиъ народа въ давнопрошедшемъ рисуется золотой вѣкъ, и новѣйшія соціологическія изслѣдованія подтверждаютъ мысль, что такое преданіе не можетъ считаться совершенно неосновательнымъ. Пытаясь воспроизвести по даннымъ археологій тотъ общественный строй, какой существовалъ на зарѣ исторіи и наблюдая многія первобытныя общества, до сихъ поръ не вступившія въ историческій періодъ

своего существованія, наука дѣйствительно готова признать, что исходной точкой длиннаго пути, пройденнаго человечествомъ, были формы общежитія, обеспечивающія индивиду тѣ условія существованія, какихъ онъ тщетно добивается въ настоящее время—экономическое равенство и свободу, —отчего и личныя отношенія членовъ общества отличались большою доброжелательностью, а средній индивидъ тогда (въ границахъ своего общаго развитія) нравственно былъ чище, нежели въ настоящее время. Если признать такое заключеніе имѣющихъ¹⁾ долю истины²⁾, то слѣдуетъ вмѣстѣ съ тѣмъ согласиться, что, по основнымъ свойствамъ своей природы, человекъ, при извѣстныхъ условіяхъ, могъ-бы пройти историческій путь, не отказываясь отъ основныхъ чертъ первобытнаго строя, покоящагося на началахъ равенства и свободы, и развивая и совершенствуя ихъ дальше. Сказанное служитъ оправданіемъ того факта, что направленіе, принятое исторіей человечества въ дѣйствительности, многими считается болѣзненнымъ³⁾, и врядъ-ли можно сомнѣваться, что

¹⁾ Факты, подтверждающіе высказанное заключеніе относительно характера первобытныхъ формъ общежитія, можно найти въ любомъ сочиненіи, посвященномъ вопросу о начальныхъ ступеняхъ исторіи человечества. Изъ новѣйшихъ работъ по этому предмету укажемъ на статью („Обзерв. Вѣстн.“ 1890 г., № 9). Кауцкаго: „Общественныя инстинкты у людей“ и „Основы народничества“ г. Юзова, часть II. По существу же вопроса сошлемся на замѣтки Уэллеса о поученіи, извлеченномъ изъ наблюденія цивилизованныхъ народовъ, заключающагося въ томъ, что хотя цивилизованное человечество далеко опередало дикарей въ отношеніи умственнаго развитія, но въ нравственномъ отношеніи оно не крайней мѣрѣ въ лицѣ низшихъ классовъ, во многомъ имъ уступаетъ. „Я жилъ,—говоритъ онъ—въ обществахъ дикарей Ю. Америки и на Востоцкѣ, у которыхъ не было другого закона или суда, кромѣ свободно выражаемаго общественнаго мнѣнія деревни. Каждый отдѣльный человѣкъ вполне уважаетъ права своего собрата, и посягательства на эти права встрѣчаются рѣдко или даже никогда. Въ такомъ обществѣ всѣ приблизительно равны“ (Малайскій архипелагъ, с. 620).

²⁾ Въ виду замечаннаго некоторыми критиками недоумѣнія относительно квалификации направленія историческаго процесса, какъ ненормальнаго, мы считаемъ не лишнимъ въ доказательство того, что это не наше единичное мнѣніе — сослаться на проф. Карѣва, говорящаго, напр., слѣдующее: „Подобно тому, какъ въ биологій признается существованіе здороваго и больнаго состоянія организма, такъ и въ общест-

такой взгляд не менее основателен, чем приращение к области патологии акта рождения человека, несмотря на всю биологическую его естественность, принимаемого однако всеми, как явление, могущее окончиться так же фатально, как и тифъ или другая болѣзнь и требующее соответствующихъ мѣръ ухода и помощи.

Обращаясь же къ той чертѣ историческаго развитія общества, которая даетъ право считать его явленіемъ ненормальнымъ, не вытекающимъ неизбежно изъ положительныхъ свойствъ человеческой природы, а многимъ обязаннымъ нашимъ условіямъ, причисляя къ таковымъ и столкновения чуждыхъ другъ другу національностей—мы найдемъ ее въ расчлененіи прежде болѣе или менее однородной массы членовъ общества на два слоя. Одинъ изъ нихъ, состоящій изъ сравнительно небольшой группы лицъ, сдѣлался активнымъ агентомъ исторіи, сосредоточилъ въ себѣ на много пѣвокъ главнѣйшія прогрессивныя вліянія и получалъ возможность направлять исторію по желательному для него руслу. Другой, въ составъ котораго вошло огромное большинство населенія, спустился до положенія простаго механизма, назначеннаго создавать матеріальныя условія, обезпечивающія большинству возможность безпрепятственно совершать различные социологическіе эксперименты, равно какъ и накоплять тотъ запасъ прогрессивной энергіи, который пѣкогда служилъ къ нѣкрѣпленію отношеній, вытекшихъ изъ указаннаго нами первоначальнаго дифференцированія общества, а впоследствии сыграть обратную роль и поможетъ человечеству достигнуть со-

всей наукѣ слѣдуетъ изучаемыя явленія раздѣлить на здоровыя и болѣзненныя, называя первыя именемъ тѣ, которыя удовлетворяютъ потребностямъ человека и благоприятствуютъ свободному проявленію его силъ, и причисляя ко вторымъ такія, которыя искажаютъ и сковываютъ его проявленіе, оставляя человека неудовлетвореннымъ и задерживая его развитіе". (Основы начала философіи исторіи, т. I, ст. 244). Здѣсь только замѣчается о необходимости подраздѣленія общественныхъ явленій на здоровыя и болѣзненныя; что же касается вопроса относительно причисленія къ той или другой категоріи явленій историческаго прошлаго, то самъ авторъ говоритъ слѣдующее: "Чѣмъ болѣе прогрессируетъ человечество, тѣмъ болѣе оно сознаетъ, какой ходъ исторіи былъ бы нормальнымъ". (id. т. II, с. 250).

стояннї, напоминаящаго золотой вѣкъ, рисующійся массѣ народѣ не впереди, а назадѣ.

Но если таковы вѣроятные окончательные результаты историческаго развитія челоуѣчества, то въ теченіе самаго процесса исторіи направленіе, принятое ею и описанное выше, приводило многіе народы къ застою, къ невозможности дальнѣйшаго движенія впередъ. „Такъ какъ всякое историческое движеніе основано на личной инициативѣ, говоритъ проф. Карѣевъ, результаты коей дѣлается сначала достояніемъ нѣкоторыхъ, прежде чѣмъ сдѣлается достояніемъ всѣхъ, то прогрессируетъ обыкновенно меньшинство, и если большинство продолжаетъ коснѣть въ первобытномъ состояннї, обездоленное въ политическомъ, юридическомъ и экономическомъ отношеніяхъ, то между дѣтлами прогресса, и его насильниками постепенно въ силу самаго прогресса образуется пропасть, раздѣляющая единое общество какъ бы на двѣ культурныя группы и двѣ особыя организаціи, вслѣдствіе чего всихическая связь между отдѣльными частями общества ослабѣваетъ, т.-е. уменьшается взаимное пониманіе одними другихъ и нарушается всеобщая солидарность. Разъ масса болѣе не понимаетъ культурнаго класса, тяготеетъ привилегіями меньшинства; разъ духовный прогрессъ одной части общества не сопровождается прогрессомъ социальнымъ, открывающимъ для всѣхъ дорогу къ развитію, — все, что выработало меньшинство, дѣлается крайне непрочнымъ. Масса, составляющая матеріальную силу общества, не только терлетъ основаніе поддерживать меньшинство, отъ нея изолированное или ее угнетающее, но даже становится въ невозможность это дѣлать: обидѣніе ея отъ эксплуатаціи отражается на томъ, что ея трудани можетъ поддерживаться все меньшій и меньшій культурной слой, который все менѣе и менѣе получаетъ отъ массы средствъ и все больше и больше долженъ отказываться отъ прогрессивной дѣятельности. Культурный слой, т.-е. уровень его развитія, понижается, а большинство, не прогрессиовавшее долгое время, оказывается неспособнымъ само поддерживать болѣе высокую степень культуры, выработанной для себя меньшинствомъ. Общій результатъ — паденіе цивилизаціи, регрессъ,

и такое именно явление мы наблюдаемъ въ концѣ исторіи античнаго міра¹⁾. 25

Европа, однако, успѣла болѣе или менѣе благополучно 77
 обойти опасности, лежащія на пути развитія общества путемъ дифференцированія его на два слоя, противоположные по своимъ интересамъ и по участию въ плодахъ цивилизаціи, и повидимому приближается къ тому моменту, когда въ этой дифференцированіи не будетъ представляться надобности. Но это — удѣлъ будущаго. Что же касается прошедшаго, — то, какъ мы сказали, прогрессивное развитіе общества приняло частичный, такъ сказать, характеръ. Представителемъ цивилизаціи сдѣлалась лишь часть общества, которая пользовалась и львюю долею ея благъ. Участіе въ этихъ благахъ другой части населенія было лишь побочнымъ и потому болѣе или менѣе случайнымъ результатомъ главнаго движенія, имѣющаго въ виду интересы верхнихъ слоевъ общества. Прогрессъ общественной организаціи принялъ характеръ приспособленія послѣдней къ удовлетворенію потребностей меньшинства. Въ экономической области онъ выразился громаднымъ развитіемъ производительности труда на почвѣ разобщенія трудящагося со средствами производства и концентраціи послѣднихъ въ немногихъ рукахъ, которая тѣмъ самымъ дѣлалась и обладателемъ продуктовъ этой развившейся производительности. При этомъ организація новаго промышленнаго строя совершенно игнорировала интересы рабочаго, какъ человѣка; она преслѣдовала исключительно ростъ производительности — элемента, желательнаго прежде всего для группы лицъ, руководившихъ какъ экономической жизнью страны, такъ и всей ея исторіей — и къ работающему относилась лишь какъ къ части механизма, обезпечивающаго достиженіе названной цѣли. Производительность труда требовала его раздѣленія, — и послѣднее сдѣлалось основнымъ началомъ новой системы, безъ инклинна къ тому обстоятельству, что выросшая на немъ сложная организація производства вела къ служенію дѣятельности индивида, къ односторонности его развитія и основанной на немъ деградации человѣческаго типа. Успѣшность труда тре-

¹⁾ Основные вопросы философіи исторіи, т. II, с. 247.

бывала приѣженіе машинъ и механическихъ двигателей, — и вотъ трудящійся теряетъ всякую самостоятельность въ производствѣ, всѣ операціи котораго совершаются по мановенію мертваго механизма, а живой человѣкъ превращается въ придатокъ послѣдняго; сфера его дѣятельности суживается еще болѣе, опасность деградации типа значительно усиливается. Введеніе машинъ сдѣлало возможнымъ приѣженіе дешеваго труда женщинъ и дѣтей, — и новая система въ широкихъ размѣрахъ воспользовалась этою возможностью, игнорируя то обстоятельство, что смыслъ дѣтской жизни заключается не въ неустанной работѣ въ душной атмосферѣ фабрики, а въ развитіи организма и образованіи ума и характера подъ присмотромъ и руководствомъ любящей матери. Матеріальныя выгоды производства требовали экономіи во времени, постройкахъ и другихъ условіяхъ промышленной дѣятельности, — и ради этого массы народа вкучиваются на ограниченной площади немногихъ городовъ, а въ нихъ тысячи рабочихъ запираются въ тѣсные зданія, безъ вниманія къ тому громадному вреду, какой наносится человѣку лишеніемъ его чистаго воздуха и помѣщеніемъ въ столь негигіеническую обстановку.

Въ сферѣ управленія выработался особый типъ, отличающійся цѣлию обезпеченія меньшинству возможнаго вліянія на ходъ общественныхъ дѣлъ. Это — типъ централизованнаго государства съ громадными средствами приведенія въ исполненіе задумываемыхъ предначертаній, съ небольшою группой лицъ, располагающей этими средствами, и тщательно выработанными способами, связывающими дѣятельность этихъ лицъ съ цѣлями и задачами активнаго меньшинства — бюрократіей, печатью и представительными учрежденіями. Наконецъ, организація образованія, при которой послѣднее становилось доступнымъ только лицамъ привилегированнымъ и немногимъ исключительнымъ индивидуамъ изъ народа, вступавшимъ черезъ него на запретную землю избранныхъ исторіи, вмѣстѣ съ цѣлесообразной организаціей научныхъ изслѣдованій, обезпечивали меньшинству неустанное движеніе впередъ по пути прогресса и укрѣпляли его позицію поддержкой завсѣгдашними лицами изъ народа, ко-

тормизь открывался доступъ наверхъ и помогалось стать въ ряды ликующихъ.

Нарисованная картина общаго плана прогресса выражаетъ одну, видѣйшую сторону движенія; но въ исторіи наблюдается и другое теченіе. Хотя прогрессивная энергія зарождается и первоначально накапливается, какъ мы видѣли, въ небольшой сравнительно группѣ лицъ, но затѣмъ она разрываетъ старыя рамки и распространяется уже въ массѣ населенія. Необходимость такого исхода, — независимо отъ болѣе или менѣе случайнаго проникновенія прогрессивныхъ идей въ массу, равно какъ и роста сознанія послѣдней подъ вліяніемъ переменъ, совершающихся въ общественныхъ формахъ — обезпечивается тѣмъ, что человѣкъ, — къ какому бы классу общества онъ ни принадлежалъ — есть въ то-же время мыслящее и нравственно-чувствующее существо и, какъ таковое, не можетъ ограничиться удовлетвореніемъ своихъ личныхъ потребностей, а стремится снестись къ окружающему съ гораздо болѣе широкой точки зрѣнія достоинства и интересовъ человѣка вообще.

На первоначальныхъ ступеняхъ исторіи, когда человечество жило еще на половину зоологически, и подъ вліяніемъ тѣхъ или другихъ условій (недостатокъ средствъ существованія, вооруженныя столкновенія народовъ) зарождалось и укрѣплялось указанное выше дифференцированіе общества на два слоя; въ теченіе того, болѣе или менѣе длиннаго и тягостнаго періода развитія, когда происходила перестройка общества на этотъ новый ладъ, причеиъ это сопровождалось обыкновенно жестокой борьбой внутри и внѣ, — вся прогрессивная энергія, съ развитіемъ знаній накапливавшаяся въ средѣ меньшинства, тратилась на борьбу и выработку формъ жизни и міросозерцанія, соответствующихъ новому общественному укладу, а впоследствии — когда борьба нѣсколько затихла, черная работа первоначальнаго устроительства закончилась, — прогрессивная энергія направлялась главнымъ образомъ на развитіе науки, промышленности и торговли, обѣщающихъ такое широкое удовлетвореніе разнообразнѣйшихъ потребностей привилегированнаго меньшинства.

Указанное направленіе прогрессивной мысли въ интересахъ привилегированнаго меньшинства, какъ вышъ извѣстно, было

естественнымъ и неизбѣжнымъ слѣдствіемъ разннвшатося дифференцірованія общества, въ совокупности съ низкой степенью интеллектуальнаго развитія человѣчества. Такъ какъ за неразработанностью этико-соціальныхъ знаній невозможно было и объективно-научное обоснованіе какихъ бы то ни было соціально-этическихъ системъ, — въ томъ числѣ и системъ, построенныхъ на признаніи естественнаго равенства правъ и одинаковаго человѣческаго достоинства за всѣми людьми, противорѣчащихъ всему тому, что получало господство въ сферѣ дѣйствительныхъ отношеній, — то направленіе теоретической мысли интеллигенціи по необходимости стало опредѣляться субъективнымъ настроеніемъ послѣдней, которое и доставляло посылки для построенія логически-правильнаго міросозерцанія, взаимнѣ отсутствующихъ данныхъ объективнаго характера. Это субъективное настроеніе интеллигенціи опредѣлялось принадлежностью ея къ привилегированному классу, которою же обуславливалось и содержаніе ея интересовъ въ цѣпи взаимно-связанныхъ интересовъ всѣхъ классовъ общества, и элементарныя соціально-этическія представленія, получаемыя ею отъ окружающаго общества и, такъ сказать, всасываемыя съ молокомъ матеря. Тѣмъ же соціальнымъ положеніемъ интеллигенціи до известной степени предопредѣлялся и объективный соціологическій матеріалъ для ея логическихъ построеній: наблюденію интеллигенціи были доступны не тѣ явленія общественной жизни, въ которыхъ непосредственно участвовали привилегированные классы и которыхъ были результатомъ ихъ направляющей роли; внѣ же границъ ея яснаго зрѣнія остались по преимуществу явленія, рисующія положительное содержаніе жизни массы и отраженіе на ея благополучіи экспериментовъ, производимыхъ сверху.

Но вотъ грубая внѣшняя и внутренняя борьба обществъ по-немногу затихаетъ, война не отвлекаетъ уже такую массу физической, нравственной и умственной энергіи націй; послѣднія по своимъ наклонностямъ становятся миролюбивѣе; развитіе промышленной техники доставило меньшинству больше досуга; научное изслѣдованіе установило основныя начала естествознанія и достаточно воспитало критическую способность мысли. И эта-то мысль, — освобождавшаяся отъ первоначальной грубой ра-

боты, обострившаяся на почвѣ научнаго изслѣдованія и усилившая добить нѣкоторыя этико-соціальныя истины, — обратилась къ болѣе систематическому изслѣдованію общественныхъ отношеній, которое могла уже производить съ болѣе широкой точки зрѣнія, въ которое могла внести больше общечеловѣческаго, — а не только сословнаго — идейнаго содержанія. Разъ вступивъ на этотъ путь, человѣческая мысль уже не остановится, пока не произнесетъ окончательнаго суда надъ прошедшимъ и настоящимъ, пока не откроетъ всё язвы общества и не отыщетъ средствъ ихъ исцѣленія. Такой ходъ развитія общественной мысли значительно облегчался тѣмъ фактомъ, что соціальныя привилегированнаго класса не оставалась неизмѣнимой, а расширялась включеніемъ въ его ряды новыхъ наслоеній; въ частности облегчался образованіемъ такъ назыв. третьяго сословія — класса, выдѣлившагося изъ низшаго слоя, стремившагося вверхъ, считавшаго за собой всё права на привилегированное положеніе, но недопускавшагося занять это мѣсто и принужденнаго бороться за него не только оружіемъ, но и логикой, что вело къ необходимости защищать свои претензіи силой на общія начала правды и справедливости. Процессъ этой борьбы классовъ, стоявшихъ въѣ массы, значительно усиливъ то критическое направленіе общественной мысли, которое служить исходной точкой новѣйшихъ движеній уже въ низшихъ слояхъ общества, хотя само третье сословіе, добившись привилегированнаго положенія, перемѣнило фронтъ.

Принимъ во вниманіе, что за третьимъ сословіемъ эволюція западно-европейской жизни въ число активныхъ агентовъ исторіи выдвинула четвертое, принадлежащее уже къ большинству населенія, мы до известной степени уяснимъ себѣ, какими путемъ западно-европейскія общества пришли къ современному положенію, характеристической чертой котораго является стремленіе уничтожить дифференцированіе, лежащее въ основѣ общества и опредѣлявшее тотъ, а не другой ходъ его исторіи.

Россія развивалась нѣсколько отлжно или по крайней мѣрѣ не параллельно съ Западомъ. Борьба съ кочевыми полчищами Азии затянулась у насъ надолго и замедлила всё процессы эволюціи внутреннихъ отношеній, давно совершенные на Западѣ.

Результатомъ сказаннаго было то, что когда русскіе вступили въ болѣе интимныя связи съ Европой, они увидали тамъ осуществившіяся многое изъ того, что стояло на очереди въ Россіи, и могли воспользоваться чужой богатой культурой. Именно такимъ образомъ они поступили съ наукой.] Главнѣйшимъ насадителемъ ея на русской почвѣ сдѣлалось правительство. Чувствуя потребность въ наукѣ изъ-за ея техническихъ приложений и понимая невыгоду зависимости въ этомъ отношеніи отъ иностранцевъ, наше правительство энергично принялось за насажденіе знаній внутри страны. Какъ извѣстно, это водвореніе западной науки на русскую почву первоначально совершалось путемъ насилія: нашъ помѣстный классъ не понималъ того оружія въ борьбѣ за существованіе, какое онъ пріобрѣталъ въ знаніи, и всѣми средствами увертывался отъ школы.

Наука въ Россіи водворилась, давала непосредственные практическіе результаты, изъ-за которыхъ она и переносилась на нашу почву; во вмѣстѣ съ тѣмъ проявила и то вліяніе, которое обезпечиваетъ ей всеобщую прогрессивную роль — воспитывала способность къ критикѣ, развивала творческую силу мысли. Она дала даже больше — готовую критику нашихъ общественныхъ формъ.

Россія, какъ мы сказали, училась у государствъ, отъ которыхъ она очень отстала въ своемъ развитіи. Поэтому, она тамъ встрѣтила не только науку въ узкомъ смыслѣ слова, за которой собственно и отправилась въ Европу, но и идеи, критикующія общественныя формы, пользовавшіяся у насъ общепризнаннымъ авторитетомъ. Изъ нихъ на первомъ планѣ стояло крѣпостное право — институтъ, въ цѣлесообразности котораго уже стало сомнѣваться правительству. Казалось-бы, распространеніе критическихъ идей въ обществѣ должно было приниматься, какъ желательное явленіе, такъ какъ во 1-хъ, ими прежде всего подрывался авторитетъ крѣпостнаго права, учрежденія, въ концѣ XVIII вѣка и въ XIX вѣкѣ выгоднаго не для государства, а лишь для одного слоя страны, и во 2-хъ, критическія идеи, какъ-бы широко онѣ ни распространялись, не выходили все-таки за предѣлы привилегированныхъ классовъ (по преимуществу дворянства), а такъ какъ онѣ главнымъ образомъ подрывали осно-

ванія, на которыхъ покоилось благополучіе этихъ послѣднихъ, то, очевидно, что особенно широкаго распространенія въ странѣ онѣ получить не могли, сдѣлаться лозунгомъ какой-либо общественной силы, способной вступить въ серьезную борьбу, было для нихъ немыслимо. Оставалось ихъ истинно просвѣтительное вліаніе, т.-е. критика существующаго не съ точки зрѣнія узкаго интереса одного сословія, а съ высоты понятія о благѣ народа, пользѣ страны и т. п. Еслибы власть была представителямъ привилегированныхъ классовъ, выросла изъ послѣднихъ и въ нихъ почерпала свою силу, въ такомъ случаѣ критика сословныхъ привилегій была бы небезопасна и для правительства. Но такъ какъ послѣднее возникло въ Россіи самостоятельно, привилегированные классы были созданы и поддерживаемы властью, какъ ее орудіе, имѣли силу и значеніе лишь настолько, насколько это допускалось правительствомъ и, — не играя самостоятельной, необходимой для страны, экономической или политической роли, — могли лишиться привилегированнаго положенія по одному наовину руки послѣдняго, то очевидно, что критика общественныхъ формъ, направившаяся главнымъ образомъ на привилегіи дворянскаго сословія и распространившаяся по преимуществу въ средѣ этого же класса, могла быть только полегна власти, указывая пути организаціи, выгодныя одному слою, но вредныя для страны и государства, разъясняя устарѣлость существующихъ формъ и необходимость замѣны ихъ новыми, лучше удовлетворяющими цѣлямъ, преслѣдуемымъ правительствомъ, какъ представителемъ безусловной государственной идеи. Вѣрность высказаннаго соображенія подтверждается тѣмъ фактомъ, что многіе изъ правителей сими возбуждали прогрессивное движеніе въ обществѣ, сами заботились о распространеніи идей, которыя позже считались опасными. Онѣ дѣйствительно были опасны, но не для власти, а для устарѣлыхъ учреждений, которыя впоследствии и были уничтожены соединенными силами правительства и интеллигенціи. Однако, этотъ, самый естественный для Россіи, союзъ двухъ великихъ факторовъ общественной эволюціи поддерживался не непрерывно, и власть перѣдко выказывала недовѣріе къ развитію общественнаго самосознанія.

{ Итакъ, въ дѣлѣ нашего умственнаго развитія мы видимъ

сложное влияние Европы. Мы получили отсюда во 1-хъ, науку въ узкомъ смыслѣ слова, научившую насъ критикѣ и систематическому мышленію, которыя мы стали затѣмъ прилагать къ оцѣнкѣ общественныхъ формъ нашей жизни; во 2-хъ, широкія абстрактныя гуманныя и освободительныя идеи, и въ 3-хъ, конкретное міросозерцаніе, построенное въ періодъ возвышенія буржуазіи, далеко переросшее міросозерцаніе, соответствующее господствующему въ Россіи общественному строю и относившееся къ послѣднему отрицательно. По отношенію къ первому — нашему образованію оставалось только по мѣрѣ силъ усвоивать плоды работы западной мысли; что же касается второго и третьяго — наше отношеніе къ нимъ въ значительной степени отличалось отъ отношенія европейской интеллигенціи.

Развитіе прогрессивныхъ идей на Западѣ съ одной стороны совершалось постепеннымъ логическимъ процессомъ мысли, съ другой — шло параллельно и находилось въ известной зависимости отъ развивавшихся общественныхъ отношеній. Это взаимодѣйствіе идей и фактовъ отразилось на тѣхъ и другихъ: оно въ значительной степени опредѣляло самое содержаніе прогрессивныхъ идей и въ то же время давало нравственную и интеллектуальную санкцію растущимъ социальнымъ отношеніямъ, влѣдствіе чего европейскія общества выработали известныя традиціи, за которыми есть почтенное прошлое, которыя поэтому остаются дороги обществу, хотя бы уже и переставали соответствовать новымъ запросамъ жизни и удовлетворять новону понятію истины и справедливости. Результаты прогрессивной работы мысли принимали въ теоріи форму абсолютныхъ положеній, которыми отрицалась существующая жизненная неправда. Въ известныхъ областяхъ жизни націи (въ области философско-религіозной) эти абсолютныя положенія оказывали свое влияние непосредственно, не теряя при этомъ своей теоретической широты и чистоты, насколько это было возможно при наличности того или другого уровня интеллектуальнаго развитія общества. Въ другихъ областяхъ (главнымъ образомъ социально-политической), преобладали въ принципѣ практическіе интересы передоваго класса, онѣ принимали форму, въ которой оказывались представляющими интересы этого послѣдняго, опираясь и въ свою очередь поддерживая ту социальную

організацію, которая естественнымъ эволюціоннымъ путемъ выростала изъ существующаго и шла на смѣну отживающаго, но еще не получила господства, еще находилась въ полунитенномъ состояніи. Эта новая организація потому и выростала радомъ съ существующими, что она соответствовала новымъ условіямъ времени; она поэтому являлась новой общественной силой, способной съ чистью бороться за новую прогрессивную идею, если найдется возможность связать съ нею свои интересы; являлась силой, жаждущей найти себѣ въ этой идее нравственно-интеллектуальную санкцію. Такимъ образомъ, соціальныя прогрессивныя идеи въ своемъ историческомъ развитіи принимали послѣдовательно форму, подъ которой онѣ могли служить знаменемъ для борьбы монархій съ феодализмомъ или съ церковью, третьего сословія съ двумя другими и монархіей, и, наконецъ, въ повѣйшее время подъ ихъ знаменами начинается борьба четвертаго сословія съ буржуазіей. Идеи, служація выраженіемъ общечеловѣческой правды и справедливости, идеи, по сущности освободительныя, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, — въ томъ историческомъ облаченіи, въ какомъ онѣ получали господство въ Западной Европѣ, — выражали правду и справедливость относительныя, служили непосредственно и главнымъ образомъ для освобожденія и возвышенія отдѣльныхъ классовъ, отдѣльныхъ общественныхъ элементовъ, послѣдовательно выступавшихъ изъ роли активныхъ агентовъ всемірной исторіи и такъ сказать перехватывавшихъ абстрактную общечеловѣческую идею на ея пути къ конкретному выраженію и облачаявшихъ ее въ классовую одежду. Истинный же смыслъ идеи, ея общенародное значеніе оставалось за ней въ отвлеченіи и не получало въ полной мѣрѣ пракческаго осуществленія. Последнее могло бы имѣть мѣсто лишь въ случаѣ, еслибы активными агентами исторіи сдѣлалась народная масса въ цѣломъ.

Такъ какъ это послѣднее явленіе еще не наступило, то очевидно, что формы соціальнаго и преимущественнаго экономическаго быта, выработанныя Европой, не могутъ служить образцами при преобразованіи какой-либо страны, преслѣдующей благо грядущей массе. Не могутъ потому быть приняты за руководящія и господствующія на Западѣ соціальныя теоріи,

такъ сказать, оправдывающія и обосновывающія известныя конкретныя формы, осуществившіяся или налѣчаемыя жизнью. И наша дореформенная прогрессивная интеллигенція съумѣла оцѣнить эти теоріи, отличить въ нихъ плевеа отъ пшеницы.

Какъ только просвѣщеніе вѣсколько окрѣпло на русской почвѣ, и интеллигенція выдѣлилась въ самостоятельный общественный слой, она сейчасъ же стала въ противорѣчіе съ вѣкоторыми существующими формами не во имя интересовъ какого-либо привилегированнаго меньшинства, а во имя идей правды и гуманности. Такимъ образомъ, просвѣщеніе не дало привилегированнымъ классамъ готовой системы нѣросозерцанія, достаточно авторитетной для того, чтобы обновить падающіе устои ихъ привилегій; оно было почти свободно отъ обвиненія въ союзѣ съ противонародными элементами; Граница интеллигенція уже векорѣ послѣ своего образованія отличалась, — въ тридцатыхъ, конечно, своего общаго умственного развитія, — широтой, а не узостью (словной) воззрѣній. Названное обстоятельство въ значительной степени обязано своимъ существованіемъ большой отсталости Россіи сравнительно съ Западомъ. Будь мы нѣсколько впереди, еслибы крѣпостное право было уничтожено сотнею лѣтъ раньше, — наше заимствованіе западныхъ идей, совершавшееся въ періодъ развитія въ Европѣ буржуазіи и соответствующихъ ей общественныхъ формъ жизни, выразилось бы усвоеніемъ не только общихъ гуманныхъ принциповъ, но и въ особенности того конкретнаго нѣросозерцанія, которое въ своихъ интересахъ построила на нихъ буржуазія. Это — потому что, съ уничтоженіемъ крѣпостнаго права, въ Россіи открылась бы возможность развитія того промышленнаго строя, какой торжествовала на Западѣ и занимала свои позиціи подъ знаменемъ просвѣщенія и свободы. Нѣтъ сомнѣнія, что эта возможность дала бы практическіе результаты, у насъ возникъ бы капитализмъ съ его очаровывающимъ, вѣдшимъ блескомъ; просвѣдительныя идеи явились бы къ намъ въ той буржуазной оболочкѣ, въ какой онѣ торжествовали въ Европѣ...; и русская интеллигенція, разбивъ одиѣ цѣпи народнаго рабства, заняла бы себя наложеніемъ на народъ другихъ.

Но когда, ознакомившись съ просвѣдительными идеями За-

нада, мы обращали свои взоры внутрь страны и здѣсь встрѣчали такую язву, какъ рабство миллионъ народа, лежащее на пути всякаго преуспеянія, — неудивительно, если всѣ практическіе принципы, воодушевлявшіе западныхъ прогрессистовъ — въ родѣ роста производительности труда, laissez faire — laissez aller, даже политической свободы (только разъ и то подъ влияніемъ особыхъ обстоятельствъ выкинутой изъ значенія нашей интеллигенціи) — покрутились передъ громаднымъ зломъ земли русской, и наша интеллигенція, не оставаясь долго на конкретныхъ формахъ западнаго либерализма, неизвѣстныхъ для Россіи практическаго значенія и потому не особенно обязательныхъ, принимала съ Запада главнымъ образомъ чистыя идеи гуманизма и свободы ¹⁾.

[И такъ, благодаря тому обстоятельству, что развитіе прогрессивныхъ идей въ русскомъ обществѣ началось въ такое время, когда у насъ царили кровопролитные порядки, русская интеллигенція не могла заимствовать съ Запада идеи въ той оболочкѣ, въ какой онѣ оказывались наиболѣе соответствующими интересамъ господствовавшего тамъ буржуазнаго класса, хотя въ этой именно формѣ онѣ пользовались наибольшимъ распространеніемъ въ Европѣ.] Еще менѣе она могла дать этимъ идеямъ облаченіе въ интересахъ господствовавшего у себя сословія, такъ какъ основныя принципы соответствующаго строя уже давно были лишены авторитета, какимъ они пользовались въ средніе вѣка, и находились въ непримиримомъ противорѣчій съ элементарными вложеніями соціальной этики. Такимъ образомъ, наша интеллигенція могла принимать съ Запада прогрессивныя идеи по всей ихъ общечеловѣческой чистотѣ, а, переводя въ практическія формулы, могла дать имъ выраженіе, обнимающее всю массу народа, а не какой-либо привилегированный и полупривилегированный классъ. Она не только могла, но и должна была выступать такимъ образомъ.

¹⁾ Это не значитъ, что формы западнаго политическаго строя были для русской интеллигенціи совершенно безразличны; но то или иное отношеніе къ нимъ составляло содержаніе теоретическаго просозерцанія и въ большинствѣ случаевъ не оказывало большого вліянія на развитіе практической общественной мысли.

Выйдя из привилегированного класса, социальныя начала котораго безспорно осуждены исторіей, не имѣя передъ собой другого слоя, — въ процессы исторіи Запада сѣившаго собой феодаловъ, — который можно было бы принять за творческій элементъ, несущій на себѣ крѣпостнымъ порядкамъ новыя, буржуазный укладъ; созная, что и четвертое, городское рабоче-сословіе, только что поднимавшее голову на Западѣ, въ Россіи находится въ зачаточномъ состояніи, — наша интеллигенція, усвоивъ общія просвѣтительныя идеи Запада и приступивъ къ переработкѣ отвлеченныхъ началъ въ конкретныя формулы, увидѣла отсутствіе въ русской жизни тѣхъ социальныхъ элементовъ, тѣхъ общественныхъ силъ, которыя послѣдовательно, одна за другой поднимали знамя прогресса въ Западной Европѣ, основныя начала которыхъ служили для построения формулъ, выражающихъ главнѣйшіе результаты работы прогрессивной общественной мысли. Единственный слой, какой она видѣла передъ собой живымъ и сильнымъ, по крайней мѣрѣ въ возможности, была народная трудящаяся масса, и если только интеллигенція не отворачивалась отъ самостоятельной переработки общечеловѣческихъ идей правды и справедливости, если она хотѣла думать о свѣтломъ социальномъ будущемъ Россіи, она не только *могла*, но и *должна* была въ своемъ социальномъ міросозерцаніи дать первое мѣсто народу и его интересамъ. Этихъ нашей интеллигенціи гарантировалась неуклонность приложенія къ оцѣнкѣ различныхъ формулъ и идей точки зрѣнія общаго блага, чистой истины; обезпечивалась способность за красивыми выѣсками разсмотрѣть скрывающійся узкій сословный интересъ; гарантировалось преобладаніе въ ея міросозерцаніи чистыхъ идей правды и справедливости.

Лишь въ послѣдствіи, когда крѣпостное право рухнуло, очистивъ почву для возникновенія капиталистическихъ отношеній, русская передовая интеллигенція, до того времени отличавшаяся чистотой своихъ воззрѣній, разбилась на два главныхъ теченія (со многими промежуточными): одно продолжало поддерживать и развивать основныя гуманныя воззрѣнія западной мысли, отстранялась отъ тѣхъ конкретныхъ формъ, какія построила на нихъ буржуазія и пыталась взаимно ихъ поставить новыя, удовлетво-

ризиці требованіямъ общенародныхъ интересовъ; другое обнаруживаетъ стремленіе прииять западныя ідеи въ той оболочкѣ, въ какой онѣ фигурируютъ въ Европѣ и какаю явилась результатомъ господства привилегированной буржуазіи, умирнаго въ послѣднее время возвышеніемъ новой общественно-политической силы—городского пролетаріата.

III.

[До 1861 года главнѣйшимъ, можно сказать, всепоглощающимъ практическимъ направленіемъ русской прогрессивной общественной мысли была борьба съ крѣпостнымъ правомъ и его разнообразными проявленіями. Наши прогрессивныя теченія могли сильно расходиться въ теоріи, на практикѣ же ихъ соединяла забота объ этому институту.] Въ концѣ 50-хъ годовъ мы видимъ рѣдкій случай единенія всѣхъ прогрессивныхъ общественныхъ силъ какъ между собой, такъ и съ властью, результатомъ чего явилась великая реформа 19 февраля и послѣдующія преобразованія въ судебной области, сферѣ самоуправленія и т. д. Этимъ закончилось единеніе нашихъ прогрессивныхъ теченій на почвѣ практической, и расколъ, до того времени господствовавшій по преимуществу въ области умозрѣнія, обнаружился и въ практическихъ построеніяхъ партій.

Пока крѣпостное право было господствующимъ факторомъ нашей жизни, общія просвѣтительныя ідеи, заимствуемыя съ Запада, естественно и неизбежно претворяясь въ практическое піросозерцаніе, приводили къ борьбѣ съ рабствомъ и его естественными проявленіями въ различныхъ областяхъ жизни, т.-е. къ стремленію замѣнить существующія формы такими формами, изработанными на Западѣ, которыми восстанавливались бы естественныя человѣческія права закрѣпощеннаго народа, но которыя не предѣлалось дальнѣйшее направленіе нашего соціального развитія. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи западная жизнь могла бы дать лишь буржуазныя образцы, но таковыя частью настолько противорѣчили абстрактнымъ положеніямъ общечеловѣческой правды, частью такъ очевидно были неприменимы къ

условіямъ переживаемаго времени, что не могли пользоваться большимъ авторитетомъ въ сознаніи интеллигенціи. Но когда крѣпостное право съ сопутствующими явленіями отошло въ область преданія — нашей интеллигенціи предстала задача, исходя изъ тѣхъ же общихъ просвѣтительныхъ идей, намѣтить конкретную формулу новаго строя, долженствующаго вырасти на почвѣ, очищенной отъ рабства. По направленію, какимъ шла европейская исторія, и которое было научно обосновано буржуазными социологическими теоріями, намъ предстояло теперь усиленно позаботиться о процвѣтаніи національной промышленности, такъ какъ въ предшествующій періодъ несвободнаго труда эта сторона жизни не могла достигнуть значительнаго развитія, а безъ матеріальнаго преуспѣванія невозможно и высокое состояніе другихъ сторонъ общественной жизни. Что же касается способовъ поднятія національной промышленности, то западная жизнь представляла блестящіе образцы быстрыхъ успѣховъ въ этомъ направленіи, основанные, какъ извѣстно, на разрушеніи мелкаго самостоятельнаго производства и организаціи на его мѣсто крупныхъ единичныхъ или акціонерныхъ предриятій, съ широкимъ приложеніемъ машинъ и механическихъ двигателей.

Часть нашей интеллигенціи пошла по этому именно пути: съ большими или меньшими поправками она приняла экономическую (и политическую) программу западной буржуазіи, не обращая вниманія на то, что таковая грезитъ только что освобожденному народу новыми подчиненіемъ. Отчасти это обстоятельство слѣдуетъ приписать простому недоразумѣнію и смѣшенію понятий. Ослѣпленная блестящей картиной западной культуры, въ сравненіи съ которой наша сѣренькая дѣйствительность казалась еще мизернѣе, часть нашего общества закрыла глаза на оборотную сторону медали, памятуя, что нѣтъ добра безъ зла и что, подвывая выше порядки, можно позаботиться о смягченіи ихъ наиболѣе рѣзкихъ отрицательныхъ проявленій. Если же изъ-за дѣлу да отвернуться отъ яркаго огня западной культуры, не имѣя взамѣнъ ничего другого, кромѣ фантазій идеалистическаго пошиба, то не значить ли это отказаться отъ синицы въ рукахъ ради орла въ небѣ? Такія соображенія имѣли тѣмъ болѣе значенія для робкихъ и не широкихъ, но искреннихъ умовъ:

что въ томъ же направленіи дѣйствовала и другая часть интеллигенціи, явившаяся представителемъ возникавшей буржуазіи и чувствовавшая подъ собою реальную почву для принципиальнаго отрицанія какихъ бы то ни было задатковъ въ русскомъ народѣ выработать самостоятельныя формы промышленнаго прогресса и для преклоненія передъ блестящей культурой запада и его общественными формами.

Зная европейскую жизнь только по ея наиболее виднымъ представителямъ, понимая, какаѧ разница въ образованіи лежить между западнымъ и нашимъ обществами, наблюдая западнаго рабочаго изъ окна отеля и сравнивая его съ русскимъ дикаремъ, котораго они видѣли не ближе, но о которыхъ наслушались самыхъ страшныхъ разсказовъ, — такіе представители русской интеллигенціи еще углубляли пронасть, и безъ того замѣтно раздѣляющую Россію и Европу, считали, что нужно много вѣковъ отесивать русскаго мужика, пока онъ мало-маленьки приблизится къ своему западному собрату и сдѣлается способнымъ къ культурной жизни; до тѣхъ же поръ всѣ культурныя сдѣлки Россіи ставились ими въ зависимость только отъ дѣятельности привлеченныхъ слоевъ, которые дадутъ народу и образованіе, и высоко развитую промышленную технику, и интеллигентное хозяйство, и даже свободу. А этимъ сломамъ везачѣмъ да и не изъ чего выработывать новыя формы прогресса, когда есть готовки на Западѣ.

Таковы выводы одной части нашей интеллигенціи: полурабское преклоненіе передъ западной культурой и барское высокогнріе передъ русскимъ мужикомъ — вотъ характеристическія черты, окрашивающія міросозерцаніе разсатриваемой группы. Брѣпостныя отношенія, не такъ давно проникавшія всѣ сферы русской жизни, слишкомъ въѣлись въ нашу плоть для того, чтобы мы избавились отъ рабской привычки: преклоняться передъ вышнимъ и презирать тѣхъ, кто стоитъ ниже насъ.

Другая часть русской интеллигенціи оказалась послѣдовательнѣе и сохранила вѣрность традиціи и основнымъ положеніямъ общечеловѣческой правды. Служиль приложить общія гуманныя идеи къ оцѣнкѣ прежнихъ формъ русской жизни и въ этомъ смыслѣ являясь истиннымъ представителемъ какъ за-

паднаго просвѣщенія, такъ и національныхъ потребностей Россіи, указанная часть интеллигенціи и послѣ реформъ 60-хъ годовъ продолжала преслѣдовать ту же цѣль осуществленія гуманныхъ принциповъ, что требовало выработки конкретнаго міросозерцанія, соответствующаго какъ этикъ принципамъ, такъ и новымъ условіямъ русской жизни и благу народа.) На первый разъ роль ея совершенно естественно проявилась критикою формъ европейской жизни, господствовавшихъ на Западѣ, выработанныхъ передовыхъ, но все-таки привилегированнымъ третьимъ сословіемъ и естественнымъ образомъ приспособленныхъ къ удовлетворенію потребностей буржуазіи, но не большинства населенія. Эти формы, противъ которыхъ давно уже подымались голоса на Западѣ, начали проповѣдываться и въ Россіи, какъ естественный преемникъ упраздненныхъ порядковъ; тѣмъ настоятельнѣе была потребность указать слабыя ихъ стороны, что и дѣлала наша журналистика, частью самостоятельной аргументаціей, частью пользуясь оружіемъ, выкованнымъ западными антагонистами буржуазіи.

Въ началѣ наша критика стояла на отвлеченной, идеалистической точкѣ зрѣнія, соответствующей какъ идеалистическому, бессловному характеру нашей интеллигенціи, такъ и научной неразработанности вопроса, не дозволявшей постановку его на историческо-реалистическую почву. Критика указывала на противорѣчіе, въ какомъ западныя формы общественной жизни и ихъ формулированіе въ сферѣ либерализма (въ узкомъ смыслѣ слова) стоятъ къ основнымъ идеямъ гуманности и общаго блага, объясняла, что эти формы были результатомъ не непреодолимыхъ будто бы законовъ социальнаго развитія, а опредѣленнаго направленія, принятаго европейскою исторіей подъ вліяніемъ извѣстныхъ, болѣе или менѣе случайныхъ, условій, направленія, вручившаго руководство развитіемъ привилегированнымъ классамъ; доказывала, что съ обще-философской точки зрѣнія для Россіи необязательно повтореніе формъ, пройденныхъ Европой, коль скоро въ понятіяхъ ея интеллигенціи сложилось опредѣленное представленіе о формахъ, болѣе идеальныхъ, и коль скоро въ русской жизни наблюдается существованіе элементовъ, способныхъ служить исходной точкой для созданія вышнихъ

формъ, элементовъ, могущихъ лучше служить прогрессивнымъ цѣлямъ историческаго процесса, нежели принципы индивидуализма и не регулируемой борьбы интересовъ, восторжествовавшие на Западѣ. Съ теченіемъ времени критика, не теряя, въ общемъ, своего идеализма, все болѣе и болѣе становилась на конкретную и научную точку зрѣнія, по мѣрѣ того, какъ ходъ европейской исторіи и развитія ея научной мысли съ одной стороны, и изученіе русской дѣйствительности и въ особенности народнаго быта съ другой, доставляли матеріалъ для постановки вопроса о целесообразности и неизбежности повторенія Россіей западной эволюціи на социологическо-историческую почву.

При этомъ разсматриваемое направленіе нашей общественной мысли обращало преимущественное вниманіе на экономическій бытъ народа, и не безъ причины. Во 1-хъ, экономическія отношенія гораздо доступнѣе обсужденію и сознательному воздействию въ практической жизни, нежели другія; во 2-хъ, экономическія отношенія имѣютъ въ виду удовлетвореніе самой настоятельной потребности человѣка, и та или другая организациія промышленности сильно отражается на физическомъ развитіи населенія; въ 3-хъ, матеріальная независимость массы является залогомъ ея интеллектуальнаго развитія, нравственной самостоятельности, а черезъ то и общественной независимости отъ внѣшнихъ вліяній; во 4-хъ, такъ какъ на почвѣ экономическаго подчиненія легко могутъ развиваться всевозможныя формы духовнаго искаженія человѣка и зависимости одного класса отъ другаго, отражающіяся во всѣхъ сферахъ общественной жизни; въ 4-хъ, формы экономическихъ отношеній, преобладающія въ нашей странѣ (самостоятельное народное производство и общинное владѣніе землей), будучи цѣнны сами по себѣ, какъ зачатки того строя, широкое развитіе котораго ожидается въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, представляются въ то же время имѣющими весьма благотворное вліяніе на развитіе социальныхъ истинностей населенія и заслуживаютъ поэтому вслѣдственной поддержки и развитія; въ 5-хъ, въ противоположность политическимъ формамъ, имѣющимъ законодательныя порядкомъ и по предварительномъ измѣненіи взглядовъ общества, — переменны въ экономической области совершаются ежеминутно (поземельная соб-

ственность одновременно и раздробляется и концентрируется; община въ одномъ мѣстѣ крѣпнеть, въ другомъ разрушается; хозяйство крестьянъ падаетъ или возвышается и т. д.). Законодательное измѣненіе въ законъ либо учрежденіи не подкрѣпляется невидимо и неслышно, ему предшествуетъ всестороннее обсужденіе вопроса, и потому усиленное вниманіе общества на этотъ предметъ можетъ быть обращено лишь въ тотъ моментъ, когда вопросъ поставленъ на очередь. Экономическія отношенія не сходятъ съ очереди: огромныя преобразованія въ этой сферѣ часто совершаются не сразу, однимъ законодательнымъ актомъ, а вырастаютъ незамѣтно на почвѣ отдѣльныхъ личныхъ столкновеній, мелкихъ фактиковъ и т. д. Если нежелательно получать въ данной области неожиданныя сюрпризы, если настала время ввести свѣтъ знанія и сознательное воздѣйствіе общества въ сферу развитія отношеній, ни минуты не остающихся неподвижными, но измѣняющихся болѣе или менѣе стихійно, — иначе говоря подъ преобладающимъ вліяніемъ индивидуальнаго сильнаго, безразборчиваго въ выборѣ средствъ, знающаго, и въ ущербъ слабому, совѣсловому, необразованному, — необходимо постоянное, неослабное наблюденіе процессовъ экономической жизни, своевременное констатированіе всякаго отклоненія отъ пути, считаемаго правильнымъ, и возникновенія новой потребности, удовлетвореніе которой личными силами индивида невозможно для большинства, а для меньшинства, способнаго справиться съ задачей, создаетъ привиллегіи, небезопасныя для благополучія насъ.

Кромѣ того, слѣдуетъ имѣть въ виду, во 1-хъ, что политическія формы и ученія достаточно разрабатываются на западѣ какъ жизнью, такъ и теоріей, и намъ остается лишь трудъ простаго усвоенія, между тѣмъ какъ по отношенію къ экономическимъ явленіямъ, въ Россіи значительно отличающимся отъ европейскихъ, нашей литературѣ предстоитъ постановка и разработка вопросовъ; во 2-хъ, что новыя политическія формы непосредственно и прежде всего были бы утилизированы привилегированными, культурными классами и лишь послѣдствіемъ отразились бы такъ или иначе на народныхъ массахъ; поэтому, культурное общество является естественнымъ представителемъ,

адептомъ и адвокатомъ этихъ формъ, и потому политическія идеи, насколько это было допускаемо, проповѣдывались и развивались публицистами привилегированныхъ классовъ общества. Въ новомъ положеніи находится сфера экономическихъ отношеній.

Народная масса заинтересована въ этихъ отношеніяхъ ежедневно и ежеминутно. Тоже самое слѣдуетъ сказать и о другихъ классахъ общества. Интересы обѣихъ указанныхъ сторонъ не всегда солидарны, и очень часто прямо противоположны. При этомъ интересы капитала и крупнаго землевладѣнія представляются въ литературѣ непосредственно, такъ какъ интеллигенція страны принадлежитъ къ одному слою съ собственниками. Интересы же народа, какъ составляющаго не культурную массу, а живущаго въ интеллигенціи своихъ естественныхъ выразителей, почтену существуетъ опасность, что, при практическомъ разрѣшеніи соответствующихъ вопросовъ, одна сторона легко потерпитъ ущербъ въ пользу другой. Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что русская интеллигенція должна была особенно озаботиться о томъ, чтобы экономическіе интересы народной массы, не могущей самой заявить о себѣ, получили въ литературѣ должную разработку, на ряду съ разработкой, какой подверглись интересы капитала и землевладѣнія; и естественно, если представительство этихъ интересовъ взяло на себя направленіе общественной мысли, всего болѣе тяготящее къ народу.

Приложеніе критеріа цѣлесообразности и исторической необходимости къ оценкѣ западныхъ формъ, предлагавшихся къ въведенію въ Россію, и указаніе элементовъ въ русскомъ быту, способныхъ послужить основаніемъ для новаго зданія, лучше удовлетворяющаго требованіямъ правды и потребностямъ страны, ставило одну задачу разсматриваемой фракціи нашей интеллигенціи. На этой почвѣ она стояла въ первый періодъ пореформеннаго существованія Россіи; но спустя нѣкоторое время эта задача расширилась, и ея критика направилась на тотъ механизмъ, который до сихъ поръ совершались прогрессивныя измѣненія въ русской жизни и который она считала при новыхъ условіяхъ развитія страны и недостаточнымъ, и несовершеннымъ.

Всѣ преобразованія, имѣвшія мѣсто за послѣдніи 200 л., — дѣлались ли они въ интересахъ народа или нѣтъ, — проекти-

ровались и приводились въ исполнение силами культурнаго слоя. Мы принимали западное просвѣщеніе, судили, ридили о прошедшихъ и будущихъ судьбахъ народа, писали проекты и пытались приводить ихъ въ исполненіе, и все это совершалось въ верхнемъ слое общества; масса же народа, безправная и забытая, могла только давать требуемое, принимать даваемое, но не участвовать въ созиданіи. Соответственно этому и литературныя направленія нашей общественной мысли развивались, главнымъ образомъ, въ направленіи того, каково должно быть содержаніе возможныхъ преобразованій, чѣмъ интересамъ они должны по преимуществу служить удовлетвореніемъ; что же касается вопроса о средствахъ ихъ осуществленія — таковой возбуждался болѣе или менѣе случайно и не привлекалъ къ себѣ особеннаго вниманія, такъ какъ всѣ были убѣждены, что нѣтъ-нѣтъ въ наличности механизмъ общественной эволюціи соответствуетъ условіямъ мѣста и времени, и что вопросъ заключается лишь въ томъ, въ какомъ направленіи пустить его въ дѣйствіе.

Въ пореформенную эпоху, съ возвращеніемъ крестьянину его естественныхъ личныхъ правъ, открывался путь и для его активнаго участія въ жизни страны. Это новое начало въ общественномъ положеніи массы скоро было признано съ высоты престола привлеченіемъ народа къ заведыванію уѣзднымъ и губернскимъ хозяйствомъ и къ выволненію обязанностей присяжныхъ заседателей. Заботы земства объ элементарномъ народномъ образованіи, растущій съ каждымъ днемъ приливъ лицъ податныхъ сословій въ среднія и высшія учебныя заведенія, появленіе на поприщѣ научной и профессиональной дѣятельности разночинца — все это симптомы того же движенія, признаки образованія новой общественной силы, призванной реформами занять мѣсто рядомъ съ гнию, какія были единственными вершителями судебъ народа въ эпоху крѣпостного права. Несмотря на свою молодость, сила эта успѣла доказать, что ее недаромъ называли изъ забвенія, и оправдала довѣріе власти; достаточно указать на тотъ фактъ, что земское хозяйство лучше организовано именно въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ крестьяне составляютъ исключительный или главный элементъ земскихъ собраній.

Хотя эта сила даетъ себѣ знать всюду, и въ земствѣ, за-

прихлебъ, ищутъ ея поддержки представители дворянства, но та часть нашей интеллигенціи, которая такъ неудачно копируетъ Европу, продолжаетъ дѣйствовать, какъ будто бы этой силы не существовало, какъ будто народъ попрежнему остается несвершеннолѣтнимъ и неполноправнымъ членомъ общества. Она продолжаетъ теоретизировать на тему, что нужно дать народу, и т. п. Она не поняла существеннѣйшаго смысла реформы, заключающагося въ устраненіи пути, связывающихъ самодѣятельность народа; не забыла той перемены въ чувствахъ и просвѣщеніи массы, которая превращаетъ прежняго раба въ свободнаго гражданина, ищущаго не опеки, а свободнаго развитія проносящаго въ намъ силъ. Ей кажется, что ничего этого въ жизни еще нѣтъ, что крестьянина продолжаетъ оставаться крѣпостнымъ ребенкомъ, котораго нужно оберегать, учить, водить за ручицы, но который неспособенъ къ самостоятельному шагу; и потому эта часть интеллигенціи готова взять на себя обязанность и оберегать его, и учить, и воспитывать для свободной жизни, но не стать въ его ряды и не идти съ нимъ рука объ руку; она рѣшается, какъ въ эпоху рабства народа, все бремя прогресса держать на своихъ плечахъ.

Другая часть интеллигенціи протестуетъ противъ такого утѣшенія народа и непониманія ни духа реформы, ни ея нравственныхъ и интеллектуальныхъ результатовъ. Она находитъ, что уже невозможно игнорировать того факта, что послѣднія реформы освободили крестьянина отъ опеки и вводятъ его въ кругъ дѣйствующихъ общественныхъ элементовъ; коль скоро же это обнаружилось съ достаточной ясностью, интеллигенція должна считать его за отправной пунктъ своихъ послѣдующихъ предположеній. Передъ ней теперь задача, аналогичная той, какая вѣкомъ представлялась первымъ пионерамъ западнаго просвѣщенія. Тогда нужно было ввести въ невѣжественную массу пригнобленнаго общества свѣтъ знанія, съ цѣлью воспитать изъ интеллигентный слой, служащій залогомъ непрерывнаго движенія страны по пути прогресса. Хотя слой этотъ количественно невеликъ, но отъ него прежде всего исходятъ новыя идеи, какими живетъ и развивается большинство культурнаго общества. Задача образованія интеллигенціи можетъ считаться

законченной тогда, когда будет обезпечено непрерывное естественное воспроизведение этого важнейшаго культурнаго агента, для обезпеченія каковой цѣли необходимо во 1-хъ образованіе достаточно прочной связи между первоисточниками критической и сознательно-творческой мысли, — западной наукой, — и русскимъ обществомъ въ лицѣ его передовыхъ представителей и, во 2-хъ, созданіе, такъ сказать, лабораторій для производства интеллигенціи, которая поддерживалась бы естественными отношеніями самого общества и не нуждалась бы въ особыхъ попеченіяхъ. Этотъ процессъ образованія привилегированной интеллигенціи тянулся слишкомъ сто лѣтъ; но вѣдь это только начало умственнаго преуспѣянія страны. Если къ образованію впервые призваны были верхніе классы общества, если исходящее отъ интеллигенціи просвѣщеніе такъ долго ограничивалось верхнимъ слоемъ, такъ это — благодаря той сословности, какал характеризуетъ государство на извѣстной ступени его развитія и той загниваемости, въ какой въ названнаы эпохи находится народная масса; но не потому, чтобы принципіально способными къ просвѣщенію считались только верхніе классы общества, а остальное населеніе обрекалось на вѣчное невѣжество. Итъ, какъ только будутъ сдѣланы первыя завоеванія просвѣщенія, его образовательное вліяніе должно распространиться дальше; какъ только процессъ интеллектуальнаго развитія въ верхнихъ слояхъ достигъ извѣстныхъ результатовъ, — когда мы видимъ созрѣвшую интеллигенцію, наблюдаемъ ея просвѣтительное вліяніе въ полной перемѣнѣ идей культурнаго общества и видимъ общегосударственные результаты процесса въ уничтоженіи межсословныхъ перегородокъ и въ привлеченіи къ общественной самодѣятельности народныхъ массъ, — это служитъ доказательствомъ, что первый періодъ умственнаго развитія націи закончился. Онъ выразился созданіемъ науки, воспитывающей критическую мысль общества и обезпечивавшей непрерывность развитія знанія, — этого перваго и основнаго элемента прогресса; образованіемъ связи между наукой и массою культурнаго общества, обезпечивавшей вліяніе просвѣтительныхъ идей на тѣхъ лицъ послѣдняго, которыя всего болѣе къ нимъ чувствительны и становятся первыми ихъ проводниками въ остальную массу своихъ сочленовъ; иначе говоря,

уже проложены пути естественнаго распространения просвѣтительныхъ идей въ массу культурнаго общества, гдѣ онѣ производятъ обычное культурное воздѣйствіе съ одной стороны и возбуждаютъ своихъ дѣятельныхъ агентовъ—съ другой; т.-е. непрерывность процесса естественнаго воспроизведенія европейски образованной интеллигенціи болѣе или менѣе обезпечена. Остаться въ томъ же общественномъ слоѣ дальше этого просвѣщеніе не можетъ; ему придется въ такомъ случаѣ нагромождать одну идею на другую, не осуществляя ихъ въ жизни, возмнать и отщеплять только одинъ, верхній слой общества и тѣмъ еще усиливать разнь между классами, какаа и безъ того достаточно велика и которая поддерживается между прочимъ значительной разницей въ умственномъ развитіи обѣихъ сторонъ. Такой ходъ культуры естествененъ въ сословномъ государствѣ, но не въ Россіи и вообще не въ Европѣ, разбивающей сословныя рамки и привлекающей къ прогрессу всея слои націи. А если такъ, то за водвореніемъ въ странѣ знаній и образованіемъ привилегированной интеллигенціи, какъ проводника просвѣщенія, долженъ слѣдовать второй періодъ общественно-интеллектуальнаго развитія — распространеніе вліянія науки на умы массы населенія, проложеніе путей естественнаго воздѣйствія знанія на ту жизнь, которая всего больше въ немъ нуждается, стремится къ нему, но до сихъ поръ была разобщена съ нимъ, какъ преданіями старины далекой, такъ и, еще болѣе, незаконностью образованія привилегированной интеллигенціи — носителя и проводника науки.

Искомое воздѣйствіе знаній на жизнь массы народа только тогда можетъ быть признано правильнымъ, т.-е. соответствующимъ настоящимъ интересамъ этой массы и духу народа; оно тогда будетъ въ состояніи служить для освѣщенія пути развитія, каковой способъ проложить нація, обладающая нѣкоторыми духовными соціально-этическими особенностями, приобретаемыми ею въ теченіе тысячелѣтнаго существованія; лишь тогда русскій народъ уполнитъ долгъ своимъ западнымъ учителямъ внесеніемъ своей ланты въ общее хранилище идей и формъ жизни, составленное изъ вкладовъ различныхъ цивилизованныхъ народовъ,—когда уже установившаяся (будетъ на-

дѣяться, что это такъ.) связь между западнымъ просвѣщеніемъ и русскимъ привилегированнымъ слоємъ расширится до связи перваго съ русскимъ народомъ вообще. А такъ какъ первая связь основывается въ значительной степени на выдѣленіи изъ среды культурнаго общества интеллигенція, служащей посредствующимъ звеномъ между этимъ обществомъ и западнымъ просвѣщеніемъ, то и исконая наша связь послѣдняго съ жизнью массы русскаго народа осуществится лишь послѣ того, какъ будетъ создано непрерывное и естественное взаимодѣйствіе привилегированной интеллигенціи и народа, т.-е. когда между обоими социальными элементами будетъ создано посредствующее звено въ видѣ интеллигенціи народной.

Несмотря на всю историческую своевременность преслѣдованія указанной задачи, какъ главнѣйшей въ процессъ нашего развитія, преданія сѣдой старины такъ еще властвуютъ надъ умами, что часть нашей интеллигенціи и притомъ считающая себя всего болѣе европеившею и наименѣ связанной утѣственно съ прошлымъ, сама того не предполагая, поддерживаетъ традиціи сословности и вмѣсто главной своей задачи — внесенія свѣта просвѣщенія въ тѣнилы массы народа, — думаетъ о совершеніи еще какихъ-то прогрессивныхъ подвиговъ исключительно силою культурнаго общества; хочетъ и впредь служить народу архаическимъ, сословнымъ способомъ презентованія сюрризовъ. Другая часть интеллигенціи находить, что это несвоевременно и непослѣдовательно и своей задачей считаетъ проложеніе путей, связывающихъ науку съ мыслью народной массы.

Своевременность приобщенія къ числу активныхъ силъ нашего общественнаго слоя явствуетъ между прочимъ изъ того, что, по многимъ признакамъ, преобладаніе подражательнаго періода въ исторіи русскаго общества приходитъ къ концу; а въ видѣ въ необходимости подражанія и заключается главнѣйшее социологическое оправданіе того исключительнаго значенія, какое въ ходѣ нашего общественнаго развитія послѣдняго времени имѣло культурное общество.

Естественность связи между необходимостью подражанія чужимъ образцамъ и наличностью руководящаго вліянія на развитіе общественныхъ отношеній культурнаго привилегирован-

ного класса обуславливается тѣмъ; что подражаніе, какъ преобладающая форма эволюціи, по преимуществу наблюдается тамъ, гдѣ масса народа устранена отъ активнаго участія въ общественной жизни, въ таковыхъ случаяхъ представителямъ образованности является привилегированный классъ, который одинъ потому и можетъ знать тѣ чужія формы, какія подлежатъ повторенію въ данной странѣ. По мѣрѣ же того, какъ путь подражанія перестаетъ соответствовать условіямъ развивающагося общества, и наступаетъ чередъ эволюціи путемъ самостоятельнаго социальнаго творчества—привилегированные классы, при извѣстныхъ условіяхъ, могутъ оказаться неспособными быть руководителями въ этомъ процессѣ, и тогда обнаружатся явленія, свидѣтельствующія о своевременности перенесенія центра тяжести историческаго процесса въ новые слои. Такой моментъ переживаетъ въ настоящее время Россія. X

Изъ двухъ, такъ сказать, методовъ эволюціи—постепеннаго фактическаго измѣненія извѣстныхъ отношеній и сознательной планомерной ихъ перестройки,—последній путь находитъ себѣ примѣненіе по преимуществу въ случаяхъ, когда потребности переживаемаго момента и средства ихъ удовлетворенія совершенно выяснены для всей массы населенія (при народовластіи), или для одного класса и для власти, являющей силу для промедленія своихъ начертаній въ жизнь. Въ этомъ второмъ случаѣ, т.-е. когда главнымъ сознательнымъ активнымъ агентомъ общественной эволюціи является только одинъ, привилегированный классъ, успѣхъ планомернаго сознательнаго воздѣйствія на развивающіяся въ обществѣ отношенія всего болѣе обезпеченъ или при условіи, что названная сила дѣйствуетъ въ своихъ, лучше извѣстныхъ ему интересахъ, нежели въ интересахъ большинства населенія, или когда данная страна значительно отстала отъ общаго культурнаго развитія, такъ что ей остается еще догонять своихъ сосѣдей, т.-е. сознательно примѣнять къ себѣ многое изъ того, что было выработано и испробовано медленнымъ путемъ обычнаго полусознательнаго историческаго процесса. Первый случай представляетъ западная Европа, привилегированные образованные классы которой были тѣми социальными силами, которыя, дѣйствуя въ своихъ классовыхъ

интересахъ, вели въ то же время общество по пути прогресса. Второй случай наблюдается въ Россіи, которой пришлось пережить длинный періодъ исключительнаго преобладанія въ общественной эволюціи власти, задержавшаго организацию высшихъ классовъ населенія въ самостоятельныя общественныя силы. Такое направленіе исторіи нашей страны объясняется, между прочимъ, предстоявшей Россіи задачей сплоченія въ одно государство иноземна племя, разбросанныхъ по огромной территоріи, достиженіе каковой цѣли требовало преимущественнаго развитія, такъ сказать, механической силы государства и задержало эволюцію другихъ социальныхъ и интеллектуальныхъ процессовъ. Когда же механическая работа была въ главномъ закончена и наступила очередь выполненія другихъ задачъ — Россія увидѣла передъ собой богатый запасъ чужаго опыта, первымъ шагомъ къ пользованію которымъ должно было служить образованіе интеллигенціи.

Такимъ образомъ, по естественному ходу дѣлъ, перенесенію изъ Европы въ Россію подлежали главнымъ образомъ культурныя средства, обеспечивающія прогрессивное развитіе страны, и наиболѣе общія, наиболѣе элементарныя и слѣдовательно несомнѣнно благотворныя результаты цивилизаціи, почтену сознательно-систематической реформаторской дѣятельности правительства, опиравшагося на создаваемый имъ же образованный привилегированный классъ, былъ обеспеченъ не только успѣхъ, но и благотворныя для общества результаты. Такой характеръ имѣли мѣры Петра I и его преемниковъ по развитію образованія, по смягченію религіозныхъ преслѣдованій, по введенію законности въ управленіе, по преобразованію судовъ, мѣстнаго управленія и, наконецъ, величайшая реформа XIX вѣка — освобожденіе крѣпостныхъ крестьянъ. Несомнѣнный успѣхъ и благотворность большей части указанныхъ преобразованій обуславливались тѣмъ, что они касались такихъ отношеній, которыя культурнымъ развитіемъ Запада давно были изгнаны изъ сферы подчиненія сословному интересу и поставлены въ несомнѣнную связь съ элементарными представленіями общечеловѣческой правды и справедливости въ теоріи, а въ значительномъ числѣ государствъ и на практикѣ.

Уже не столь очевидны успѣхи и благотѣльность результатовъ мѣропріятій по измѣненію экономическихъ отношеній, частью включенныхъ въ законодательный актъ Положенія о крестьянахъ, частью проводившихся въ жизнь многими отдѣльными актами законодательнаго и административнаго характера. Вместе съ тѣмъ мы видимъ, что эти мѣропріятія касаются такихъ отношеній, которыя затрагиваютъ жизненные, взаимно противоположные интересы различныхъ сословій, и что при готовности примѣнить къ нимъ тотъ же методъ воздѣйствія, какой имѣлъ мѣсто по отношенію къ нѣкоторымъ другимъ сторонамъ нашего быта, — методъ преобразования, основаннаго на сознательномъ проведеніи въ жизнь выработанныхъ и испробованныхъ на Западѣ формъ, — образцами могли служить только формы, выросшія изъ почвъ интересовъ одного класса и не выдерживавшія критики съ точки зрѣнія болѣе высокаго критерія общечеловѣческой правды и справедливости и даже съ точки зрѣнія практической умѣстности ихъ для всѣхъ способныхъ къ культурѣ народовъ. Вслѣдствіе же безсилія нашего привилегированнаго общества, какъ самостоятельнаго социальнаго культурнаго агента, — причины коего лежатъ частью въ ихъ несостоятельности социально-политической роли въ исторіи страны, частью въ общей современной экономической и интеллектуальной атмосферѣ, — созданіе оригинальныхъ формъ экономической организаціи, удовлетворяющихъ преимущественно интересамъ владѣющихъ классовъ, путемъ самостоятельнаго ихъ творчества, — не представлялось возможнымъ. Оставалось придумывать различныя комбинаціи для отвѣта на важнѣйшіе запросы, которыя, какъ вышедшія изъ кабинетовъ, не могли разрѣшить главнѣйшихъ затрудненій, порожденныхъ естественнымъ ходомъ вещей.

При встрѣчѣ съ такими результатами реформъ, наблюдая затрудненія, къ какимъ привели перенимаемыя нами формы экономическихъ отношеній на самомъ Западѣ, а вместе съ тѣмъ и безуспѣшность попытокъ сознательнаго противопоставленія имъ формъ, абстрактно построенныхъ на противоположныхъ этико-социальныхъ основаніяхъ, — естественно придти къ заключенію, что есть сфера отношеній (въ томъ числѣ экономическихъ), гдѣ ни практика болѣе развитыхъ странъ, ни теорія не даютъ въ

настоящее время средствъ для построения конкретных формъ, подлежащихъ подверженію въ русской жизни, которыя можно было бы признать за безусловно цѣлесообразныя и благотворныя или даже только за способныя укрѣпиться на известной почвѣ; что такія формы и не могутъ быть построены въ кабынѣхъ, — а гдѣ болѣе представителями одного класса, матеріально заинтересованнаго въ вопросѣ и въ тоже время недостаточно вліятельнаго для того, чтобы сдѣлаться опредѣляющимъ факторомъ эволюціи, — почему прижизненіе къ этимъ отношеніямъ метода полнаго и всесторонняго преобразованія по плану, выработанному нѣтъ жизни, которой онъ касается, должно быть признано нецѣлесообразнымъ; что такой планъ вмѣсто того, чтобы осуществиться въ дѣйствительности и принести ожидаемые плоды, послужилъ бы средствомъ для одной стороны повернуть въ свою пользу отношенія, складывающіяся фактически, и весьма часто, если не всегда, давалъ бы результаты, противоположныя ожидаемымъ или совершенно непредвидѣныя.

Указанная судьба многихъ преобразованій сверху не связана неизбѣжно и исключительно съ попытками экономическаго характера. Сколько религіозныхъ и нравственныхъ ученій было проповѣдуваемо въ твердой увѣренности, что они окажутъ известное вліяніе на мысль и поведеніе людей, и дѣйствительность грубо разбивала мечтанія ихъ основателей! Не можно найти случаевъ декретированія и политическихъ системъ известнаго характера, на практикѣ обращавшихся прямо въ противоположныя. Одна великая французская революція представляетъ матеріалъ, достаточный для убѣжденія всякаго въ томъ, что путь измѣненія существующихъ формъ быта путемъ противопоставленія имъ образцовъ, построенныхъ абстрактно, весьма шатокъ и ненадеженъ. Но это не исключаетъ возможности построения правильной теоріи, предприняющей еще только назрѣвающіе въ жизни вопросы; и такую теорію даже имѣлъ готъ социальный строй, которому тщетно пытаешься противопоставить другую, теоретически построенную систему. Правильная теорія грядущей дѣйствительности можетъ быть выставлена при условіи, если основы новой формы намѣчены жизнью и если обоснователи теоріи принадлежатъ по своимъ отношеніямъ и общему своему на-

строению къ тому именно общественному слову, который является активнымъ агентомъ въ фактически развивающемся процессѣ сѣбѣ одной формы другою; иначе говоря, если теорія лишь систематизируетъ и обобщаетъ то, что создается коллективной дѣятельностью класса.

Такия теоріи мы находимъ въ исторіи западной культуры, руководяція идея которой отличалась за то не только раціональностью, въ смыслѣ соответствія отношеніямъ дѣйствительной жизни, но и классовымъ характеромъ. Послѣдній моментъ этой сѣбѣ идей мы видимъ въ построении соответствующей дѣйствительности теоріи буржуазнаго строя и неопредѣленнаго гипотетическаго представленія о строѣ, имѣющемъ сѣбѣ существующій и предназначенный отвѣчать интересамъ и стремленіямъ трудящейся массы населенія. Самый этотъ строй могъ бы обрисоваться для насъ въ болѣе или менѣе ясныхъ и вѣрныхъ чертахъ лишь въ случаѣ, если бы активнымъ агентомъ экономической эволюціи сдѣлалась народная масса въ цѣломъ. Такъ какъ это послѣднее явленіе еще не наступило, то очевидно, что формы экономического быта, выработанныя Европой, не могутъ служить образцами при преобразованіи какой либо страны, преслѣдующей благо трудящейся массы. Не могутъ поэтому быть приняты за руководяція и господствующія на Западѣ социальныя теоріи, такъ сказать, оправдывающія, обосновывающія шибетныя конкретныя формы, осуществившіяся или намѣчаемыя жизнью. Но эти формы и теоріи тѣмъ не менѣе принимаются за указатель направленія общественной эволюціи Россіи, несмотря на то, что въ ней отсутствуютъ многія условія, способствовавшія развитію этихъ формъ на Западѣ; и нераціональность этого пріема достаточно ясно доказывается какъ затрудненіями, испытываемыми нашей страной въ повѣдшемъ періодѣ ея исторіи, такъ и бессиліемъ культурнаго общества найти выходъ изъ затруднительнаго положенія. Это внутреннее бессиліе общества въ особенности бьетъ въ глаза, если современную прогрессивную интеллигенцію сравнить съ интеллигенціей эпохи реформъ.

Мы знаемъ, что эта послѣдняя интеллигенція, при значительномъ несходствѣ въ теоретическихъ возрѣніяхъ ея отдѣль-

ныхъ направлений, была совершенно солидарна въ практическихъ изъ нихъ выводахъ. Освобожденіе крестьянъ, освобожденіе печати, гласный судъ присяжныхъ, иѣстное самоуправленіе — таковы практическія требованія, выставленныя на знамени прогрессивной части общества сороковыхъ-пятидесятихъ годовъ, независимо отъ того, принадлежала эта часть къ западникамъ, славянофиламъ или среднимъ между ними теченіямъ. Результатомъ этого единодушія было то, что въ теченіе какихъ-нибудь 6—8 лѣтъ юридическая физіономія страны была совершенно преобразована, и послѣдующему времени, повидимому, предстояло только, оставаясь на той же идейной почвѣ, вносить, по мѣрѣ надобности, тѣ или другія поправки въ зданіе, основы котораго, казалось, были такъ прочно заложены. Прошло еще десять лѣтъ, и картина совершенно мѣняется. Прогрессивная часть общества призываетъ, что жизнь требуетъ существенныхъ, если не радикальныхъ, реформъ; что же касается содержанія таковыхъ, то, несмотря на происшедшее, будто бы, облагороженіе нашихъ направлений общественной жизни въ теоретическомъ отношеніи — интеллигенція разбилась на множество фракцій, враждебныхъ другъ другу, параллелизирующихъ одна другую, благодаря чему истинно-культурная часть общества не можетъ жить и тѣни того вліянія, какимъ обладала интеллигенція эпохи реформъ.

И дѣйствительно, если бы въ наше время явился реформаторъ, готовый на существенныя измѣненія въ общественномъ быту, и инициаторъ указанія на характеръ этихъ измѣненій въ идеяхъ передовой интеллигенціи, то въ какомъ направленіи долженъ бы онъ повести дѣло реформы?

Конечно, въ направленіи государственныхъ преобразованій, скажетъ иной читатель, потому что общественная жизнь настолько усложнилась, что старыя бюрократическія формы становятся недостаточными.

Нѣтъ, пужны никакъ не политическія реформы, возразитъ опять-таки несомнѣнный прогрессистъ, ибо при невѣжествѣ массы народа привлеченіе общества къ участию въ управленіи равносильно передачѣ послѣдняго въ руки буржуазіи, которая, безъ сомнѣнія, воспользуется властью въ интересахъ своего класса

и въ ущербъ интересамъ народа. Наязъ нужны не политическія, а систематическія, планомерно проведенныя экономическія мѣропріятія.

Если бы нашъ гипотетическій реформаторъ склонился въ пользу послѣдняго мнѣнія и обратился къ экономистамъ за указаніемъ того плана, согласно которому предетовало дѣйствовать, то онъ встрѣтился бы съ новыми разногласіями. Ему бы нѣльзя основательно доказать, что если Россія не желаетъ вѣчно вистновать въ хвостѣ цивилизаціи, то, въ виду огромныхъ расходовъ, связанныхъ съ принадлежностью къ числу культурныхъ странъ конца XIX вѣка, ей слѣдуетъ позаботиться объ увеличеніи производительности народнаго труда, пользуясь для этого длинными науки, каковое увеличеніе съ болѣе или менѣе замѣтой быстротой можетъ быть сдѣлаво лишь на капиталистическомъ началѣ, почему правительству слѣдуетъ если не упразднить, то по крайней мѣрѣ оставить на произволь судьбы мелкое производство и принять рядъ мѣръ, способствующихъ развитію крупнаго.

Но съ не меньшей основательностью выступило бы и другое мнѣніе, утверждающее, что не производство, а человекъ долженъ составлять предметъ заботъ правительства; къ тому же капиталистическая организація при современной международной обстановкѣ промышленности не можетъ сдѣлаться господствующей въ странѣ съ стомилліоннымъ населеніемъ; а при надлежащей помощи сверху и народная промышленность можетъ достигнуть высшей степени развитія, не утрачивая своихъ характерныхъ соціальныхъ чертъ. Поэтому представляется необходимымъ игнорировать капиталистическую форму производства и всачески поощрять народную.

Приметь ли реформаторъ то или другое мнѣніе — его затрудненія еще не разрѣшатся. Желая поощрять крупное производство, онъ будетъ колебаться между мнѣніями о преимущественной важности для Россіи земледѣльческой и заводско-фабричной промышленности, о целесообразности покровительственной таможенной системы или свободы торговли. Выступивъ на путь поощренія самостоятельнаго народнаго производства, онъ встрѣтится съ мнѣніями, настаивающими на необходимости

поощренія личной земельной собственности, и съ другими, требующими сохраненія общины; съ мнѣніями, указывающими, какъ на важнѣйшій шагъ, на возвышеніе культуры мелкаго хозяйства, и такими, которые не считаютъ возможнымъ сдѣлать что-либо безъ расширенія крестьянскаго землевладѣнія и т. д.

Въ пользу каждаго изъ указанныхъ плановъ выскажутся люди несомнѣнно прогрессивные и стоящіе на одинаковыхъ ступеняхъ культурной и общественной дѣятельности. При такомъ разнообразіи совѣтовъ, реформатору осталось бы или принимать взаимно-противорѣчивыя мѣры, или, игнорируя общественное мнѣніе, повести дѣло по собственному разуму, на свой личный рискъ и страхъ, или отдаться болѣе или менѣе случайно одному какому либо направленію общественной мысли. Во всѣхъ этихъ случаяхъ результаты будутъ весьма сомнительны.

Читатель, можетъ быть, скажетъ, что подобное же разнообразіе мнѣній встрѣчается не въ одной Россіи, и оно, однако, не мѣшаетъ правильному теченію общественной жизни; почему же это разномысліе должно быть фатально для нашей страны? На это мы отвѣтимъ, что за важнѣйшими мнѣніями на Западѣ стоятъ общественныя силы, отношеніями между которыми, а не логическими аргументами, главнымъ образомъ, и опредѣляется характеръ измѣненія дѣйствительной жизни; что эти силы выросли органически, обладаютъ поэтому творческими задатками, служатъ посетителями извѣстныхъ культурныхъ началъ, стремятся сказать свое слово въ органически же развивающейся эпохѣ національной культуры. А въ послѣднее время въ число культурныхъ силъ входятъ трудящаяся масса, почему во всякомъ случаѣ торжество не могутъ получить мнѣнія, рѣзко противорѣчающія интересамъ большинства. За нѣкоторыми мнѣніями русской интеллигенціи тоже стоятъ... но такіа силы, которые сами по себѣ рѣшительно ничего не опредѣляютъ, почему характеръ слѣдующаго нашего шага на пути прогресса въ значительной степени зависитъ отъ случая. Кромѣ того, эти силы не могутъ быть считаемы представителями какого либо самостоятельнаго культурнаго начала, способнаго служить опредѣляющимъ для даннаго времени моментомъ въ прогрессивномъ развитіи страны. Поэтому, никакъ нельзя поручиться за то,

что соответствующее одному или равнодѣйствующей всѣхъ культурныхъ влияній направленіе общественной жизни будетъ находиться въ соответствіи съ интересами страны, народныхъ массъ или даже одного какого либо слоя, способнаго служить прочнымъ основаніемъ для дальнѣйшаго развитія культуры.

Иначе говоря, слѣдуетъ признать, что дѣйствующія у насъ социальныя культурныя силы недостаточны для обезпеченія правильно-прогрессивнаго развитія страны; что представляется необходимость въ привлеченіи къ активному участию въ культурномъ процессѣ новыхъ слоевъ населенія.

Все вышесказанное позволяетъ намъ сдѣлать заключеніе, что и тотъ, кому дорого осуществленіе въ русской жизни идеала общечеловѣческой правды; и тотъ, кто удовольствовался бы непрерывностью процесса прогрессивнаго развитія страны; и тотъ, кто мечтаетъ о развитіи общественнаго строя на народныхъ началахъ; и, наконецъ, кто находитъ, что насталъ моментъ приобщенія къ активнымъ историческимъ силамъ народной массы — всѣ должны одинаково стремиться къ тому, чтобы плоды работы мысли не оставались въ узкомъ кругѣ привилегированнаго меньшинства, а распространились въ массѣ населенія.

Такая задача, если она будетъ выставлена на знамени нашей интеллигенціи, лучше соответствуетъ какъ сущности интеллигенціи вообще, такъ и положенію ея въ Россіи въ частности.

[Главная сила интеллигенціи, какъ показываетъ и буквальный смыслъ самаго слова, заключается въ ея критической мысли, въ идеяхъ, вырабатываемыхъ ею, въ знаніи, источникомъ котораго она служитъ. Важнѣйшая ея функція, поэтому, заключается въ просвѣтительномъ впливѣ на общество и въ руководствѣ послѣднимъ въ случаяхъ проявленія общественной самодѣтельности.] Она — учитель, офицеръ; сила умственная и нравственная, но не физическая. Она не можетъ сама доставить побѣду ни одному конкретному положенію; таковое осуществляется въ жизни, если за него станетъ дѣйствительная общественная сила, источникомъ которой является, какъ извѣстно, въ массѣ и богатствѣ. Въ нашей странѣ интеллигенція не обладала бы достаточной общественной силой, даже, еслибы на ея сторонѣ

были всё привилегированные классы, потому что богатствами, составляющими источникъ ихъ значенія, эти классы въ очень значительной степени обязаны государству и безъ поддержки послѣдняго они утратили бы огромную долю своего настоящаго вліянія. Тѣмъ болѣе она безсильна, когда выставляетъ практическія требованія, имѣющія въ виду интересы народной массы, чуждые привилегированнымъ слоямъ. При настоящихъ условіяхъ она здѣсь будетъ имѣть успѣхъ, лишь насколько заинтересуетъ въ этихъ требованіяхъ государство, и оцѣнка текущихъ вопросовъ общественной жизни съ точки зрѣнія общей, государственной пользы, дѣйствительно, всегда составляла одну изъ главныхъ задачъ интеллигенціи. Но для выполненія названной функціи нѣтъ надобности въ затратѣ всѣхъ наличныхъ силъ интеллигенціи, для этого достаточно дѣятельности печати; и потому главная масса интеллигентной силы всегда направлялась у насъ на возбужденіе въ обществѣ личнымъ вліяніемъ работа мысли, на распространеніе гуманныхъ и просвѣтительныхъ идей, критику обветшалыхъ формъ бытія и т. п. Въ этомъ заключается настоящая задача интеллигенціи, вытекающая изъ тѣхъ специальныхъ особенностей, которыя составляютъ характеристическія черты этого культурнаго агента. Отказываться отъ нихъ ради осуществленія практическихъ положеній, требующаго участія общественнаго, а не исключительно умственныхъ силъ, которыми только и богата интеллигенція, какъ таковая, значить не только не понимать ни механизма прогресса, ни исторической роли интеллигенціи, но и бесплодно расстрачивать драгоценную силу, назначеніе которой—бороться съ неурядицами жизни не путемъ физическаго насилія, а интеллектуальнымъ вліяніемъ мысли, вооруженной знаніемъ.

Мы познакомились съ двумя главными теченіями нашей общественной мысли—западническимъ и народническимъ,—беря для характеристики крайніе фланги обоихъ, обращая преимущественное вниманіе на пункты ихъ различія и игнорируя сходныя черты, а также,—въ виду поставленной себѣ цѣли оцѣнки основныхъ принциповъ направленій,—устраиваясь отъ характеристики промежуточныхъ между крайними теченій. Несмотря на то, что первое направленіе должно бы, кажется, за-

характеризоваться относительной широтой, а второе — узостью воззрений, въ действительности мы видимъ какъ разъ обратное. Первое не только уже втораго, но и больше пропитано традиционными чертами древняго русскаго человѣка; второе не только шире перваго, но и шире слѣдуетъ новому духу общечеловѣческаго развитія, заимствованнаго нами съ Запада. Западнаго направленіе беретъ въ Европѣ конкретныя общественныя формы, т.-е. именно то, что всего болѣе носитъ мѣстных, національный характеръ, отражаетъ всѣ вліянія времени и потому всего менѣе пригодно для перенесенія съ одной почвы на другую. Что же касается основной идеи прогресса, заключающейся въ признаніи положенія, что правильное развитіе общества требуетъ, чтобы формы національнаго быта вырабатывались и осуществлялись самостоятельно и органически въсѣмъ обществомъ, для достиженія каковой цѣли необходимо привлеченіе массы населенія къ пользованію просвѣтительными средствами страны, — эта идея, будучи признаваема принципиально, на практикѣ оставляется западниками (въ нашъ смыслъ слова) въ тѣни; ея осуществленіе въ размѣрѣ, требуемомъ принципомъ, складывается на неопредѣленное будущее; въ настоящемъ же удерживается древне-русскаго метода достиженія желательныхъ результатовъ хитростями, не выходящими за предѣлы культурнаго слона. Гдѣ же послѣднее условіе нарушается — тамъ выдвигается программа, заимствованная съ Запада же, выработанная тѣмъ же буржуазнымъ строемъ и его теоретиками, и переработанная въ интересахъ образовавшагося и организовавшагося фабричнаго пролетаріата. Другое направленіе нашей мысли напротивъ того оказывается настолько широкимъ, что не укладывается въ формы, выработанныя Западомъ для себя и лишь на ограниченный періодъ времени, послѣ котораго онѣ подлежатъ ураздненію, а считаетъ необходимымъ образованіе самостоятельныхъ образцовъ, отвѣчающихъ условіямъ русскаго жизни и лучше удовлетворяющихъ требованіямъ идеи правды и справедливости, заимствованной западной же образованностью. Но если широта воззрений, выразившаяся въ этомъ требованіи, можетъ еще подлежать сомнѣнію, такъ какъ самыя формы, противопоставленыя западнымъ, еще не выработаны жизнью и потому не-

известно, насколько онъ удовлетворяетъ гуманнымъ цѣлямъ, то нельзя сказать того же о другомъ положеніи рассматриваемаго направленія, заключающемся въ требованіи немедленнаго распространенія вліянія просвѣдительныхъ идей на мысль и жизнь народной массы. Нельзя не признать, что этимъ заявленіемъ оно ближайшимъ образомъ примыкаетъ къ движенію, проявившемуся въ Европѣ въ послѣдніа сто лѣтъ; что оно становится участникомъ въ теченіи, первымъ шагомъ освобожденія массы считающаго ея приобщеніе къ просвѣдительному вліянію знанія; что оно усвоило духъ западной цивилизаціи, а не ея внѣшнія формы, а только въ этомъ духѣ и заключается несомнѣнно вѣрный и общечеловѣчскій элементъ развитія. Все остальное условно и скоропреходяще.

Большинство

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Оживленіе буржуазной тенденціи среди русской интеллигенціи.

I.

Изъ того, что было говорено на предыдущихъ страницахъ, явствуетъ, что задача русской интеллигенціи, въ ея историческомъ развитіи, заключается, во 1-хъ, въ организаціи новыхъ социальнo-культурныхъ силъ, что достигается распространеніемъ новыхъ и просвѣтительныхъ идей сперва въ средѣ привилегированнаго класса, а затѣмъ въ массѣ населенія; во 2-хъ, въ измѣненіи формъ быта, отвѣчающихъ новымъ потребностямъ страны и подлежащихъ введенію въ жизнь на мѣсто отживающихъ старыхъ, и проведеніе таковыхъ въ жизнь. Первая задача, въ теоріи, по крайней мѣрѣ, сравнительно проста, чего уже нельзя сказать о второй. Слабое мѣсто этой послѣдней обуславливается тѣмъ, что формы быта, которыя интеллигенція вырабатываетъ теоретически и пытается осуществить въ жизни, касаются не только привилегированныхъ классовъ, — хорошо извѣстныхъ интеллигенціи, какъ принадлежащей къ одному съ ними слою и подвергавшейся тѣмъ же интеллектуальнымъ и социальнымъ вліяніямъ, — но и народной массы, оторванной отъ культурнаго общества, и рѣзко отличающейся отъ него и по развитію, и по

потребностямъ, и по обстановкѣ нравственно-интеллектуальной жизни. По причинѣ этой розни интеллигенція не можетъ знать всѣхъ потребностей народа и его настроенія, въ значительной степени опредѣляющаго направленіе измѣненій его быта и зарождающихся формъ лучшаго; она судить о томъ и другомъ по признакамъ, рѣзко бросающимся въ глаза, которые и обнаруживаются слишкомъ поздно, и не всегда принадлежать къ наиболѣе характернымъ для данного момента. Но и познавъ правильно потребности народа, она не всегда въ состояніи указать цѣлесообразныя средства ихъ удовлетворенія, а избрать таковыя, — провести ихъ въ жизнь. Для того и другого весьма важно знать черты народнаго быта, міросозерцанія и настроенія, силовъ и рядомъ ускользающія отъ большинства стороннихъ наблюдателей и доступныя для констатированія лишь при гораздо болѣе близкихъ отношеніяхъ между интеллигенціей и народомъ, чѣмъ наковыя существуютъ въ дѣйствительности, и нужна исполнительная сила, какой интеллигенція не имѣетъ.

Не чувствуя твердой подъ собой почвы, интеллигенція обращается за разъясненіями къ Западу, надѣясь въ прошлой исторіи передовыхъ странъ найти указанія, которыя тѣтено искались ею въ текущей дѣйствительности своего отечества. Этими создателя новаго искусства для правильнаго развитія народной жизни: такъ какъ формы быта Западной Европы развивались въ направленіи, соответствующее интересамъ буржуазіи, то безразборчивое перениманіе чужихъ образцовъ можетъ имѣти весьма нежелательныя послѣдствія; опасность же увлеченія нашего общества этими формами значительно возрасла послѣ того, какъ публицисты рабочаго класса Европы признали ихъ за закономѣрное явленіе и связали стройной теоріей (научный социализмъ) не только съ отжившими формами прошедшаго, но и съ желательнымъ для рабочихъ идеальнымъ строемъ будущаго.

Теорія, о которой идетъ рѣчь, какъ извѣстно, въ главнѣйшемъ построенная *post factum*, имѣетъ научное значеніе постольку, поскольку она ограничивается обобщеніемъ опредѣленной сферы экономическихъ явленій, возникшихъ при извѣстной комбинаціи историческихъ условій. Основы теоріи заложены теоретиками буржуазіи, а дополнена она публицистами городского

пролетариата и отвѣчаетъ интеллектуальнымъ интересамъ этого послѣдняго класса, уже образованнаго и въ значительной степени сьорганизованнаго. Но она совершенно неѣрна, если мы прилагать ко всей экономической жизни какой бы то ни было страны, такъ какъ не охватываетъ явленій земледѣльской области, гдѣ еще даже теоретически не рѣшенъ вопросъ, крупное (батрачье) или мелкое (самостоятельное) производство выгоднѣе для страны. Мало того—она не соответствуетъ даже задачамъ земледѣльческаго пролетариата, насколько таковой успѣлъ образоваться и выставить свою программу, ибо послѣдній (напр. въ Ирландіи) стремится, вопреки проекту теорій, соединиться опять съ землею, которой онъ когда-то былъ лишенъ, не ожидая, пока капиталъ организуетъ на ней крупное производство; и стремится соединиться не въ качествѣ одного изъ колесъ соціалистической организаціи, что опять-таки требуется теоріей, а въ надеждѣ трудиться на ней, какъ самостоятельный собственникъ, самостоятельный индивидуальный производитель.

Но если эта частная теорія ея западными послѣдователями, которымъ она нужна и по интеллектуальнымъ, и по практическимъ требованіямъ, признается за такую, которая имѣетъ общее значеніе, то можно было ожидать, что русская интеллигенція, чье дѣло—сторона, отнесется къ ней безпристрастно, научно-критически, воздастъ по достоинству и сильнымъ, и слабымъ ея сторонамъ. Этого естественно было ожидать, во-первыхъ потому, что Россія—страна земледѣльская, а теорія построена главнымъ образомъ на данныхъ изъ области фабрично-заводской промышленности; во-вторыхъ потому, что нашъ фабричный пролетариатъ слишкомъ еще ничтоженъ для того, чтобы претендовать на руководящее значеніе въ ближайшемъ будущемъ страны, почему построеніе теорій, вообще выдвигающихъ на первый планъ пролетаріа, не отвѣчаетъ практическимъ потребностямъ страны, а разсматриваемая теорія въ частности—и практическимъ потребностямъ рабочаго класса, такъ какъ послѣдній, гдѣ это возможно, стремится не къ тому, а не въ отдаленномъ будущемъ выйти изъ положенія наемника и участвовать въ предпріятіи на правахъ рабочаго-хозяина (передача артелей рабочихъ казеннаго Воткинскаго завода, малышевскихъ заводовъ и т. п.); и въ

третьихъ, потому, что необходимость каждой странѣ пройти путь, дитумей теоріей, не доказывается ею, а только утверждается. Такое утвержденіе легко могло быть допущено безъ научной прѣвѣри теоретиками западнаго фабричнаго пролетаріата, такъ какъ въ настоящее время оно не грозитъ послѣднему никакими неудобствами; но ны сомнѣваемся, чтобы оно было принято, напр. владѣтскимъ пролетаріемъ-фермеромъ, которому оно предлагаетъ приостановиться въ своихъ стремленіяхъ получить въ собственность землю, до тѣхъ поръ, пока капиталистъ не организуетъ на ней крупное производство. Еще болѣе обязательно подвергнуть теорію критической оцѣнкѣ въ Россіи, гдѣ огромное большинство населенія владѣетъ еще землею, и гдѣ экономическая организація носитъ черты, относимыя разсматриваемой схемой къ будущему человечеству, а тотъ пролетаріатъ, какого можно было бы ожидать, — еслибы Россія развивалась сообразно указаннымъ теоріи — принадлежалъ бы главнымъ образомъ къ земледѣльческому классу, интересамъ котораго соответствуютъ ученія, обосновывающія стремленія земледѣльческихъ пролетаріевъ сдѣлаться собственниками земельныхъ участковъ, а не ограбляющимися указаніемъ на вѣроятность пріобрѣтенія ими всякихъ благъ лишь въ отдаленномъ будущемъ. Естественное стремленіе къ систематизаціи возрѣвнѣи должно бы привести русскую интеллигенцію къ построенію самостоятельной схемы эволюціи экономическихъ отношеній, соответствующей потребностямъ и условіямъ развитія нашей страны; и такая работа, безъ сомнѣнія, будетъ сдѣлана въ самое недалекое будущее. Въ настоящемъ же, въ виду всеобщей умственной спячки русскаго общества, не обоеднѣи и передовую интеллигенцію, и отвращенія его вниманія отъ мужика, какъ реакціи противъ увлеченія народомъ въ періодъ семидесятыхъ годовъ — нечего удивляться, что необходимая интеллектуальная работа не привлекаетъ къ себѣ силъ, и что лица, стремившіяся къ систематизаціи своихъ возрѣвнѣи, предпочтутъ воспользоваться готовой теоріей, созданной въ другомъ мѣстѣ и для другой комбинаціи производящихъ причинъ.

Если ни интересъ націи въ цѣломъ, ни практической интересъ настоящаго поколѣнія трудящихся классовъ въ Россіи —

индивидуальных и городских, собственников и пролетариев — в частности не требуют приращения в России формулы прогресса, выставленной на знамени западного (собственно немецкого) пролетариата; если затѣмъ формула эта не может претендовать на универсальное значение и по своему научному достоинству — то спрашивается, какія причины вызвали ее распространение в России? Лежат ли в основѣ этого распространения простое недомыслие интеллигенции или какия-то реальные отношенія русской жизни, и в послѣднемъ случаѣ, какому изъ выяснившихся в нашей странѣ интересовъ призвана служить теорія?

Въ литературной борьбѣ по вопросу о предстоящемъ России пути экономического развитія, направленію нашей общественной мысли, ставившему на первый планъ интересы трудящейся части народа и приравненію постою современемъ панкенизмъ народничества — в началѣ приходилось сражаться или съ принципиальными сторонниками буржуазнаго строя, представляющаго такія выгоды одному классу общества насчетъ другого, или съ практическими, такъ сказать, помилками, не считающими господствующіе на западѣ и успѣшно, казалось имъ, поддурившіеся в России порядки идеаломъ совершенства, но — не мѣря въ побѣду идеаловъ вообще — находившими, что эти порядки нужно признать, какъ совершившійся фактъ и слѣдуетъ позаботиться о возможномъ ихъ усовершенствованіи. Такой составъ упомянутого направленія русской общественной мысли былъ отраженіемъ того, что происходило на западѣ, гдѣ консервативная, такъ сказать, партія (у насъ соответствовала ей либеральная) составлялась частью изъ принципиальныхъ сторонниковъ существующаго строя, частью изъ людей практическихъ, мыслью пользовавшихся, такъ сказать, по землѣ, неспособныхъ и чувствомъ значительно возвыситься надъ тѣмъ, что ихъ окружаетъ, что фактомъ существованія доказало свою живучесть, — а слѣдовательно, съ известной точки зрѣнія, и цѣлесообразность. Такимъ образомъ западническому (въ узкомъ смыслѣ слова) направленію нашей общественной мысли, кажемъ оно стало вырисовываться послѣ реформы (и которое отдѣлилось отъ западническаго направленія до-реформеннаго, но въ замѣнилъ его), не-

доставало идеального элемента, доставало принципа, связывающего конкретные формулы, осуществлявшие интересы буржуазии, с вечно светлыми для человеческого сознания идеями правды, справедливости, общего блага, вследствие чего всякий нравственно чуткий и умственно связанный человек, прежде чем стать на защиту проповедываемого нового строя, должен совершить над собой некоторую операцию, заглушить лучшие чувства, осилить идеи молодости или по крайней мере махнуть рукой на свои идеальные порывы и откровенно признать, что, ставясь под влияние практической необходимости, в ряды деятелей грядущего строя, он сознательно отказывается от роли прогрессивного агента, с которой мечтал некогда, и обращается в орудие стихийной, неразумной, отдаляющей, а не приближающей осуществление его идеалов, эволюции общества.

Эта беззащитная в идейно-идеальном отношении позиция, — в какую буржуазный строй поставлен общей эволюцией европейской жизни и мысли, сорвавшей с него научное и идейное облачение, в какое он драпировался для роли первого любовника в очередном действии на сцене всемирной истории, — лишала этот строй весьма существенной для его успехов нравственной поддержки со стороны чистой мысли, идеального чувства, общечеловеческих идей правды и справедливости. Если бы отсутствие такой поддержки и не прерывало его победоносного шествия, то во всяком случае обуславливало бы необходимость делать при этом уступки, идти конфузясь и колеблясь и — что главное — защищало бы до известной степени общество от вредного нравственно-интеллектуального влияния того режима, который несуть за собой западные порядки. Это было бы следствием и большее внимание со стороны общества к нуждам крестьянства, больший приток к нему интеллектуальных сил, т.-е. вооружение исторически развивавшегося в России строя силой науки, благодаря чему его эволюция, как и эволюция строя буржуазного, совершалась бы при свете знания, и параллельно с распространением технически-совершенных буржуазных порядков мы наблюдали бы прогрессивное развитие и народного строя. После сказанного становится ясным, какую важность для успехов нового строя в его борьбе со старыми имело бы обли-

чине его идея въ такой костюмъ, въ которомъ, — подобно своему западному собрату въ соответствующій періодъ его эволюціи, — онъ показался бы независимому интеллигенту представителемъ излюбленныхъ имъ началъ общечеловѣческой истины и справедливости. Но такъ какъ въ дѣйствительной, реальной жизни этотъ строй основывается на отрицаніи такихъ началъ, такъ какъ для полноты своего осуществленія ему вмѣсто дальнѣйшаго развитія нужно уничтоженіе тѣхъ условій самостоятельности человѣческой личности, какія до известной степени осуществлены въ пореформенной Россіи удержаніемъ связи мелкаго производителя со средствами его производства; нужно уничтоженіе вмѣсто развитія зачатковъ присоюзнаннаго альтруистическаго строя, наблюдаемыхъ въ нашей общинѣ; уничтоженіе, а не поддержаніе той формы мірскаго самоуправленія (основанной на обсужденіи вопросовъ жизни жителями даннаго округа), которая, по словамъ Брайса, „болѣе всѣхъ другихъ имѣетъ образовательное вліяніе на лицъ, принимающихъ въ ней участіе“; такъ какъ вмѣсто всего этого, предназначеннаго къ уничтоженію, новые порядки дадутъ, непосредственно и несомнѣнно, фактическое рабство производителя, фактическое господство начала борьбы всѣхъ противъ каждаго и каждаго со всѣми, развращеніе народа трактярною цивилизаціей, и поелику существованіе такихъ слѣдствій новыхъ порядковъ не можетъ быть отрицаемо, — то облаченіе спеціально-буржуазной идеи, въ цѣляхъ усиленія ея престижа въ глазахъ безпристрастнаго интеллигента, можетъ быть сдѣлано лишь въ такомъ костюмѣ, въ которомъ соответствующій ей строй представился бы неизбежнымъ очереднымъ этапомъ на пути осуществленія излюбленныхъ интеллигентомъ принциповъ, этаповъ, посвятившимъ въ самомъ себѣ средства устраненія тѣхъ золъ, которыми онъ вызывается непосредственно; а противный буржуазіи народный взглядъ рисовался бы, какъ неспособный къ развитію изъ зачаточнаго состоянія, какъ строй, обуславливающий сохраненіе того жественнаго мрака, въ которомъ пребываетъ до сихъ поръ русскій народъ и подъ влѣвомъ котораго удобно произрастають различныя печальныя явленія русской жизни, такъ угнетающе дѣйствующія на интеллигентнаго человѣка.

Такое превращеніе темнаго въ свѣтлое не можетъ быть

однако достигнуто фокусъ-пунксомъ или путемъ простого сознательнаго подлога. Чтобы произвести впечатлѣніе на ту часть общества, которая можетъ считаться лично какъ-бы не заинтересованной въ тяжбѣ между двумя формами социальнаго быта, необходимо, чтобы агенты новой теоріи были воодушевлены своей идеей, надѣли въ ней оживленіе идеальныхъ стремленій, подобно тому какъ были воодушевлены идеей и полны вѣрой въ наступленіе царства свободы, равенства и разума представители буржуазной интеллигенціи времяя великой французской революціи. За совершеніе этого превращенія не могутъ поэтому взятъся старые, явные приверженцы буржуазныхъ интересовъ, ирресоверзаніе которыхъ образовалось въ періодъ открытой борьбы представителей двухъ формъ быта, которые сознательно признали неосуществимость идеальныхъ мечтаній человечества. Это дѣло могло бы быть подъ силу только новымъ людямъ, не руководившимся (по крайней мѣрѣ сознательно) узкими, матеріальными расчетомъ, очарованными какими-нибудь дѣйствительно цѣнными проливленіями новаго міра, — или необходимо связанными съ его основными принципами, или ошибочно принимаемыми за его неизбежное слѣдствіе, — вслѣдствіе чего эти люди могутъ явиться искренними приверженцами проповѣдываемой идеи и можетъ быть даже искренними врагами (по крайней мѣрѣ въ теоріи) буржуазіи стараго типа, подобно тому какъ были врагомъ цеховой буржуазіи свободная буржуазія конца прошлаго вѣка. Иначе говоря, тѣ психическіе мотивы, которые заставляли держаться за известный строй буржуазіи стараго типа, въ новыхъ ея представителяхъ должны или быть неясны, или вовсе отсутствовать, заступаясь мотивама болѣе благородными. Новый шагъ въ эволюціи буржуазной идеи долженъ быть сдѣланъ новой породой представителей соответствующаго строя. И эта новая буржуазія, повидимому, уже нарождается.

Первоначальной лчѣйкой, гдѣ зародилась ново-буржуазная идея, была такъ-называемый социаль-демократизмъ. Читатель, быть можетъ, удивится тому, что злѣйшій врагъ буржуазіи въ Германіи обратился въ ея союзника въ Россіи; онъ, можетъ быть, прямо отвергнетъ возможность такого превращенія и въ сказанномъ нами увидать явистификацію, указавъ на то обстоятель-

ство, что терминъ социаль-демократія прилагается къ такой практической партіи, въ программѣ которой стоятъ рядомъ требованія въ политической сферѣ — демократизма, въ экономической — социализма; къ партіи, считающей, что слѣдующимъ шагомъ эволюціи капиталистическаго экономическаго строя будетъ социализмъ, осуществителемъ котораго является четвертое сословіе, въ этихъ цѣляхъ и организующееся въ крѣпкую социаль-демократическую партію. Онъ скажетъ далѣе, что социаль-демократія потому невозможна въ странахъ, гдѣ капитализмъ не представляется господствующимъ явленіемъ, гдѣ онъ объединяетъ подъ своимъ началомъ лишь ничтожную часть трудящейся массы и если при этомъ признается за истину, что очереднымъ шагомъ экономической эволюціи такой страны долженъ быть не социализмъ, а капитализмъ. Въ такихъ странахъ логически-мыслимо возмѣненіе партіи демократической, стремящейся къ тому, чтобы постепенно осуществленный капиталистическій строй наименѣе неблагоприятно отражался на пролетаріяхъ, составляющихъ, такъ сказать, демократическій элементъ этого строя; мыслимо образованіе буржуазно-демократической партіи, живущей цѣлью одновременно подвореніе экономическихъ капиталистическихъ порядковъ и политическую организацію рабочаго класса; возможно возмѣненіе социаль-буржуазинъ, задавшей исключительной цѣлью способствовать преобразованію существующихъ социальныхъ отношеній въ капиталистическія; но логически-невозможно говорить о социаль-демократіи въ томъ смыслѣ слова, въ какомъ оно принимается въ Германіи, т. е. въ смыслѣ партіи, поставившей себѣ цѣлью организацію рабочаго сословія для преобразованія заканчивающаго свою эволюцію капиталистическаго строя въ социалистическій. Кто признаетъ, что законъ экономической эволюціи заключается въ переходѣ отъ первоначальнаго коммунизма къ индивидуальному народному производству, затѣмъ къ всеобщественному капиталистическому и наконецъ къ социализму, тотъ обнаруживаетъ невозможное смѣшеніе понятій, если всѣ отдѣльныя стадіи этого процесса объединить однимъ терминомъ, герсевъ этихъ взаимно противоположныхъ моментовъ изъяснитъ социалистами, потому что въ концѣ всей эволюціи ему перейдется социалистическій строй. Такой приѣмъ очень выгоденъ

для этих геросовъ, потому что дѣлаеть ихъ въ общественномъ мнѣніи представителями не узко-сословнаго, а общечеловѣческаго интереса, и подобный пріемъ дѣйствительно безсознательно продѣлывался ими; но онъ не вѣренъ теоретически и вреденъ въ практическомъ отношеніи. Слѣдуя такому пріему, надлежало бы призвать принадлежащихъ къ партіи аболіціонистовъ, — лицъ, считающихъ, что рабство современемъ исчезнетъ, но въ настоящемъ оно необходимо и должно быть поддерживаемо. Такого наседія надъ мыслью и языкомъ не дѣлала даже покойная „Вѣсть“ и не зачисляла себя въ ряды демократіи на томъ основаніи, что признавала естественность принадлежности будущаго демократіи и законность господства въ настоящемъ крепостниковъ.

Какъ бы, читатель, ни были вы правы въ высказанномъ вами, тѣмъ не менѣе остается вѣрнымъ фактъ, что появляются лица, проповѣдывающія необходимость для Россіи заимѣть свою настоящую организацію капиталистической и въ тоже время считающіе себя социаль-демократами. Группа этихъ лицъ и явилась первичной ячейкой, изъ которой вылущается ново-буржуазія. Правда, первые представители этого направленія рѣзко отделили себя отъ дѣятелей буржуазіи, настаивая на томъ, что ихъ задачей, какъ практическаго теченія, будетъ организація демократическихъ слоевъ капиталистическаго строя, а къ самому этому строю они будутъ относиться лишь какъ къ почвѣ, на которой имъ предстоитъ дѣйствовать. Но и съ такой оговоркой появленіе этого теченія нельзя не считать большой побѣдой буржуазіи, такъ какъ, несмотря на свое страшное имя, его представители не только отказались отъ главной практической задачи нѣмецкой социаль-демократіи — борьбы съ существующимъ капиталистическимъ строемъ, — но и способствуютъ распространенію послѣдняго въ Россіи.

Въ борьбѣ знающаго и потому сильнаго съ невѣжественнымъ и слѣдовательно слабымъ, тотъ изъ знающихъ, кто не стоитъ за послѣдняго, дѣйствуетъ въ пользу перваго, такъ какъ добровольно устраняется отъ помощи, какую могъ бы оказать нуждающемуся въ его услугахъ собрату. Поэтому простое безмолвное признаніе социологической законности господства ка-

капиталистическаго режима есть уже шагъ въ пользу послѣдняго. Но рассматриваемое направление не ограничивается такимъ безвольнымъ признаніемъ, а главную свою дѣятельность проявляетъ всею въ проповѣди упомянутой законности переворота, т.-е. настраиваетъ общественное мнѣніе въ пользу грядущаго капиталистическаго режима, охлаждаетъ благосклонныя порывы общества сдѣлать что-либо для поддержанія падающаго крестьянскаго хозяйства, подготавливаетъ почву для экспроприаціи крестьянства въ пользу буржуазіи. Правда, въ логическомъ развитіи своихъ идей оно стоитъ на широкихъ принципахъ общаго характера, но, послѣ всего изложеннаго на предыдущихъ страницахъ, читатель знаетъ, чего стоятъ широкіе принципы абстрактнаго характера въ дѣлѣ текущей борьбы противоположныхъ интересовъ, и понимаетъ, какъ громкія слова, выставленные на знамени партіи, облегчаютъ одному классу порабощеніе другого. Поэтому можно безъ всякихъ колебаній утверждать, что даже демократическое теченіе этого направленія всего яснѣе проявляетъ себя въ данный моментъ въ практическомъ отношеніи, какъ теченіе узко-буржуазное; вѣра же сну на слово, что съ теченіемъ времени оно не растеряетъ демократическихъ положеній своей программы, мы имѣемъ право сказать, что, какъ практическое теченіе (а не научное направленіе), эта дѣйствительная сторона „соціалъ-демократіи“ должна быть названа теченіемъ буржуазно-демократическимъ. Дальнѣйшая эволюція основной идеи рассматриваемаго направленія естественно приведетъ къ образованію настоящаго буржуазнаго теченія: если замѣна существующей экономической организаціи Россіи организаціей капиталистической есть явленіе необходимое и по своимъ окончательнымъ результатамъ благотворное, то дѣятельность, способствующая этой замѣнѣ, есть дѣятельность прогрессивная, находящаяся въ полномъ соотвѣтствіи съ переживаемымъ Россіею моментомъ общаго прогрессивнаго развитія человѣчества. А если такъ, то настоящимъ героемъ ближайшаго будущаго по праву является дѣлатель въ интересахъ капиталистическаго строя, а инициаторы, направленные къ упраздненію крестьянскаго земледѣльческаго и кустарнаго производства, суть инициаторы прогрессивныя. Въ этомъ видѣ такъ-называемая соціалъ-демократія

обращается въ чистую социаль-буржуазію, и настоящимъ моментъ есть именно періодъ образованія указанной правой стороны этого направленія.

Въ данномъ случаѣ ни имѣемъ прекрасную иллюстрацію положенія, что не абстрактные принципы теоріи, а практическіе изъ нея выводы опредѣляютъ истинный характеръ какаго-либо направленія общественной мысли, а также подтвержденіе той истины, какъ легко логическая работа мысли, на почвѣ существующаго раздѣленія общества на противоположные по своимъ интересамъ классы, самыя широкія общечеловѣческія идеи обращаетъ въ узкія формулы, соответствующія интересамъ одного класса, заявляющаго претензію на активную общественную роль. Такъ, идея социализма, первоначально выставленная какъ идея универсальная, впоследствии, по мѣрѣ организаци пролетаріата, обращалась въ идею рабочаго сословія, причѣмъ въ Германіи эта идея была поддержана построеніемъ известной философско-исторической теоріи, соответствующей до известной степени какъ дѣйствительному историческому развитію Западной Европы, такъ и фактическому положенію въ ней рабочаго вопроса, — теоріи, составляющей научную сторону социаль-демократизма. Перенесенная же въ Россію въ моментъ идейнаго, такъ сказать, охлажденія общества къ интересамъ крестьянства и фактическаго отчужденія перваго отъ втораго, эта идея повѣйнаго социализма обратилась въ идею буржуазизма!

Конечно, основная причина этой удивительной метаморфозы заключается не въ логической работѣ мысли, а скорѣе въ недостаточной работѣ послѣдней, что и сдѣлается явнымъ послѣ благо разсмотрѣнія интересующей насъ теоріи.

II.

Какъ мы упоминали объ этомъ выше, содержаніе разсматриваемаго направленія нашей общественной мысли заимствовало цѣлкомъ отъ теоретиковъ западно-европейскаго пролетаріата, которые построили известную схему для объясненія эволюціи европейскихъ обществъ съ новѣйшимъ, городскимъ про-

летаріатовъ въ послѣдней, будто бы, завершающейся его стадіи и предполагаемой народно-коллективной организаціей промышленности въ слѣдующей. Эта схема, какъ философская концепція, связывающая прошедшее, настоящее и вѣроупное будущее определенныхъ странъ, повторенъ, объединяетъ достаточно полно и въ соответствии съ дѣйствительностью главныхъ образцовъ теченія общественной жизни, нашадшія себѣ выраженіе въ городахъ и другихъ крупныхъ центрахъ скопленія населенія. Только въ этихъ рамкахъ теорія сохраняетъ извѣстную стройность, которою и производитъ впечатлѣніе въ свою пользу.

Какъ извѣстно, въ основу эволюціи общества разсматриваемая теорія кладетъ экономическія отношенія, а матеріаломъ для ея построенія служили по преимуществу явленія въ сферѣ обрабатывающей промышленности, сначала посившей мелкій, ремесленный характеръ, а впоследствии обратившейся въ капиталистическую организацію фабрикъ и заводовъ. Въ техническомъ отношеніи эта сфера подчинена законамъ наиболее разработанныхъ наукъ — физики и химіи, — а для ея социальна-экономическаго подчиненія крупной капиталистической организаціи требуется наличность извѣстнаго числа безземельныхъ рабочихъ, свобода дѣловыхъ отношеній личностей, широкое развитіе международныхъ сношеній, ведущее къ образованію обширнаго рынка для сбыта продуктовъ быстро растущей производительности труда, каковыя условія для нѣкоторыхъ странъ Западной Европы были осуществлены уже въ прошломъ вѣкѣ, а для остальныхъ — постепенно реализировались въ теченіе настоящаго столѣтія. Такъ какъ вышеуказанныя главнѣйшія социальныя условія, необходимыя для развитія капиталистической фабрично-заводской промышленности, не имѣютъ въ себѣ ничего національнаго, а въ техническомъ отношеніи эта промышленность покоится на чистой наукѣ, то и не удивительно, если во всѣхъ странахъ, гдѣ она получила болѣе или менѣе замѣтное развитіе, таковое явилось приблизительно въ одинаковыя социальна-техническія формы, вслѣдствіе чего теорія соответствующей сферы явленій получала отъ самой жизни готовое обобщеніе, въ которомъ были стерты мѣстныя и національныя особенности отдельныхъ обществъ.

Эта жизнь говорила, что и въ Англіи, и во Франціи, и

въ Германіи отдѣльными промышленными единицами, повинуясь законамъ техники и промышленной экономіи, стремятся принять все болѣе крупныя размѣры, которые имъ можетъ дать скорѣе богатый и образованный предприниматель — буржуа, нежели союзъ бѣдныхъ и невѣжественныхъ ремесленниковъ. По этимъ причинамъ крупная промышленность организуется классомъ капиталистовъ, а прежніе самостоятельные ремесленники обращаются въ наемныхъ рабочихъ. Во всѣхъ указанныхъ странахъ этотъ процессъ повторяется, повидимому, совершенно одинаково, создаетъ однообразныя формы экономическихъ отношеній, игнорируя всѣ мѣстныя особенности почвы, климата и національнаго характера населенія. Если такъ, говоритъ теорія, то и національныя особенности социальныхъ отношеній, еще сохранившіяся въ остальныхъ странахъ, будутъ стерты всепоблвдующимъ вліаніемъ капитализма, и весь міръ представитъ современемъ одну форму экономической организаціи, которая до извѣстнаго момента будетъ находиться подъ управленіемъ капиталистовъ, а затѣмъ перейдетъ въ руки самихъ рабочихъ или государства.

Сходство между капитализирующимися странами замѣчается и въ другихъ отношеніяхъ. Вездѣ промышленность концентрируется въ крупныхъ центрахъ, пролетаріи сближаются механически, получаютъ общія интеллектуально-правственные черты, быстрѣе сельскаго населенія пріобрѣтаютъ политическое развитіе, организуются, и въ результатъ — въ числу прежнихъ активнѣйшихъ социальныхъ элементовъ присоединяется новая сила, которая въ недалекомъ будущемъ сдѣлается преобладающей и возьметъ въ свои руки направленіе дальнѣйшаго развитія общественно-политическихъ формъ.

Схема эта, насколько она соотвѣтствуетъ дѣйствительности, повторяемъ, создана, главнѣйшимъ образомъ, по даннымъ эволюціи заводовъ-фабричной промышленности и явленій жизни городского пролетаріата. Сказанное получить достаточное объясненіе, если мы вспомнимъ, что именно указанная область промышленности, будучи основана технически на данныхъ наиболѣе развитыхъ наукъ и подвормившись въ тѣхъ странахъ, гдѣ она встрѣтила благоприятныя для себя социальные условія, получила

въ последнее время выдающееся развитіе, оказала огромное вліяніе на всѣ стороны соціального быта, и что ростъ политическаго сознанія Европы, совершившійся подъ сильнымъ вѣдѣніемъ быстро растущаго промышленнаго капитализма, имѣлъ результатомъ появленіе на аренѣ политической жизни городского пролетаріата въ то время, когда сельское населеніе, по видимому, продолжало коснѣть въ прежней неподвижности. Такии образоиъ, и въ экономическомъ, и въ политическомъ отнѣшеніяхъ капиталистическіа вліяніа вообще и постепенное возростаніе значенія пролетаріата въ частности составляютъ наиболѣе характерную черту XIX в. и естественнымъ образомъ привлекають къ себѣ наибольшее вниманіе изслѣдователей и публицистовъ и отражаются на научныхъ построеніяхъ первыхъ.

Эта связь общественныхъ идей съ соціальными отношеніями выразилась въ томъ, что политическая экономія, изъ ряда общественныхъ наукъ принявшая раньше другихъ систематически-научный характеръ, долгое время считая себя разрабатывающей общіа законы экономическіахъ отношеній, — на самомъ дѣлѣ изучала и объединяла извѣстной теоріей только законы отношеній капиталистическихъ, что и было наконецъ признано саниии английскими экономистами, въ последнее время, напр., прямо называющими классическую политическую экономію теоріей англійскаго строя. При этомъ главнѣйшимъ матеріаломъ для названной науки служили данныа торгово-фабрично-заводскихъ отношеній, и пока на сценѣ европейской исторіа важнѣйшую роль играла буржуазіа, наука объединяла свой матеріалъ въ еа духѣ и интересахъ. Попытки же построенія теоріа въ духѣ и интересахъ рабочихъ классовъ исходили не изъ среды патентованныхъ ученыхъ, не признавались последними за научныа, и дѣйствительно носили довольно утопическій характеръ. Вниманіе же общества къ начинающему дѣлать заявленіа о своихъ правахъ рабочему классу выразилось изученіемъ его быта, обсужденіемъ его положенія въ общей литературѣ и нѣкоторыми практическими инициативами. Причемъ все это относилось наиглавнѣйшимъ образомъ къ рабочимъ фабрично-заводскимъ, которые одни заявляли претензію на участіе въ политической жизни страны, и „рабочій вопросъ“ былъ поставленъ именно какъ вопросъ

фабрично-заводскаго пролетаріата. Со второй половины текущаго столѣтія, когда организаціи городского пролетаріата заставила признать его, какъ одну изъ главнѣйшихъ общественныхъ силъ ближайшаго будущаго, политическая экономія начала рѣзко преобразовываться, причѣмъ, не теряя своего характера науки по преимуществу фабрично-заводскихъ капиталистическихъ отношеній, она стала систематизировать матеріалъ также въ духѣ и съ точки зрѣнія интересовъ пролетаріа, вслѣдствіе чего теоріи, строившіяся въ интересахъ этого класса, получившія наименованіе социалистическихъ, были допущены занять мѣсто въ „науки“, начали терять утопическій характеръ, превратились въ теорію научнаго социализма.

Изъ вышесказаннаго ясно, что политическая экономія, занимаясь изслѣдованіемъ отношеній, развившихся въ нѣкоторыхъ странахъ и даже здѣсь преимущественно въ извѣстныхъ отдѣлахъ экономической жизни, и объединяя эти отношенія теоріей, служившей въ то же время практическимъ интересамъ одного класса общества—сначала буржуазіи, а потомъ пролетаріата—воображала сначала, что она изслѣдуетъ вѣчные и общіе законы социальной науки. Эта иллюзія была однако разрушена, и новѣйшіе представители классической экономіи, какъ мы сказали, прямо заявляютъ, что ихъ теорія приложима лишь къ опредѣленнымъ странамъ и даже къ опредѣленной категоріи явленій этихъ странъ—къ крупной промышленности (great-commerce). Такое признаніе ны имѣемъ со стороны представителей буржуазнаго теченія въ политической экономіи,—теченія основнаго, стараго, имѣвшаго достаточно времени для всесторонней провѣрки своихъ построеній, подвергавшагося безпощадной критикѣ ученыхъ и неученныхъ представителей разныхъ странъ и классовъ, сводившихъ ея, якобы универсальныя, положенія на одну ставку съ тѣми фактами изъ жизни разныхъ странъ и эпохъ, которыя эти положенія должны были бы объяснить, и съ очевидностью показывавшихъ, что они здѣсь непримѣнны.

Другое, новѣйшее теченіе въ той же теоріи капиталистическаго фабрично-заводскаго строя, именующееся научнымъ социализмомъ, слишкомъ еще молодо для того, чтобы считаться провѣреннымъ критикою въ отношеніи универсальности его поло-

женій. Оно даже еще не закончено въ своемъ построении, и читатель тщетно ожидаетъ 3-го тома известнаго сочиненія Маркса, въ которомъ надѣется встрѣтить многія дополненія теоріи. Неудивительно поэтому, что увлекающіеся представители рассматриваемаго ученія, обольщенные абстрактностью теоретическаго построенія, — подобно первыимъ послѣдователямъ столь же абстрактно-строимаго ученія Рикардо, — заявляютъ, что исповѣдуемая ими теорія имѣетъ универсальный характеръ, находитъ себѣ приложение во всякомъ человѣческомъ обществѣ. И такъ какъ рассматриваемая теорія, помимо научнаго ея значенія, еще больше заинтересовала современниковъ вытекающимъ изъ нея освѣщеніемъ идущей въ европейскихъ обществахъ борьбы пролетаріевъ съ капиталистами, то эта сторона ея обращала на себя наиболѣе вниманія, и она-то и расколагаетъ известную категорію лицъ къ преувеличенію значенія теоріи, вслѣдствіе чего распространеніе ея на вовсе неподходящія сферы жизни становится явленіемъ обиденнымъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что въ интеллектуальномъ отношеніи рассматриваемая схема, какъ цѣльная философско-историческая теорія, удовлетворяетъ интересамъ европейскаго городского пролетаріата, т.-е. она имѣетъ цѣлью столько же дать объясненіе прошедшему въ интересахъ чистой науки, сколько удовлетворить потребности западнаго пролетарія въ цѣльномъ представленіи объ обществѣ и о роли въ его эволюціи самого пролетарія.

Западно-европейскій городской рабочій можетъ съѣзю прибѣгать къ рассматриваемой гипотезѣ для рациональнаго соціологическаго обоснованія своей социальна-политической программы, потому что въ эволюціи западно-европейской жизни уже наступилъ моментъ, когда на арену сознательной политической жизни выступилъ рабочій классъ, вслѣдствіе чего для него представляется возможность въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ вынуждать буржуазію больше и больше дѣлиться съ нимъ тѣми благами власти, досуга и матеріальнаго достатка, какими до сего времени она пользовалась безраздѣльно; а въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ открывается перспектива полной перестройки общественныхъ отношеній въ направленіи удовле-

творения интересовъ большинства. При такихъ условіяхъ, когда рабочій классъ какъ бы нашелъ себѣ въ порядкахъ буржуазнаго строя точку опоры, пользуясь которой онъ надѣется повернуть эти порядки къ своей пользѣ, — отрицательное отношеніе къ капиталистическому строю, характерное для социалистовъ прежнихъ временъ, сдѣлалось органическимъ возрѣніемъ на него публичныхъ теоретиковъ фабричнаго пролетаріата, какъ на необходимый и, по окончательнымъ результатамъ, благотворительный моментъ въ эволюціи экономическихъ отношеній, а весь ходъ развитія западно-европейскихъ обществъ, по свойственному человѣку стремленію къ систематизаціи своихъ возрѣній, уложился въ стройную, хотя и одностороннюю теорію, по которой слѣдующій моментъ эволюціи должно быть достиженіе всеобщаго благополучія.

Сказавши мы не имѣемъ намѣренія отрицать научнаго значенія этой теоріи, насколько она касается известной, определенной сферы социальной жизни, развивающейся при определенныхъ условіяхъ, а лишь хотимъ дать объясненіе, почему ученіе, обязанное происхожденіемъ одной, специальной области явленій, сформировавшихся при данныхъ конкретныхъ условіяхъ, стремится выйти изъ своихъ естественныхъ рамокъ и предлагается читателю въ такой формулировкѣ, какъ будто бы миръ представляеть изъ себя или станетъ представлять въ ближайшемъ будущемъ одну сплошную фабрику, или какъ будто бы отношенія, характерныя для промышленно-капиталистическаго строя, распространились и на сферу сельско-хозяйственной дѣятельности. А между тѣмъ, указанная теорія далеко не охватываетъ земледѣльческой промышленности, и потому она тѣмъ менѣе можетъ быть безъ существенныхъ дополненій прилагается къ какой-либо странѣ, чѣмъ болѣе послѣдняя имѣеть земледѣльческій характеръ.

Не охватываетъ эта теорія сельско-хозяйственной области во многихъ отношеніяхъ.

Такъ, большая, вѣроятно, площадь земли цивилизованнаго міра состоитъ въ мелкомъ, а не крупномъ владѣніи, да и значительная часть площади, находящейся въ рукахъ крупныхъ собственниковъ, обрабатывается арендаторами по типу мелкаго,

и не крупнаго производства (достаточно вспомнить, что такая обработка господствуетъ въ Ирландіи, распространена на $\frac{1}{2}$ площади Валліса и на $\frac{1}{3}$ земли собственно Англіи). Такимъ образомъ, въ земледѣльческой области капитализмъ преслѣдуетъ не организаціонныя, а, на главнѣйшій образъ, эксплуатаціонныя цѣли, заботится не о превращеніи мелкаго производства въ крупное, а объ обращеніи крестьянина-собственника во временнаго пользователѣ-фермера (см. на этотъ счетъ иллііе пр. Мясоедова). Затѣмъ, степень сосредоточенія земельной собственности, формы владѣнія и хозяйства, въ противоположность сравнительному однообразію организаціи заводско-фабричной промышленности, представляются въ разныхъ странахъ и даже въ одной и той же очень различными, причемъ отношеніе между крупнымъ и мелкимъ производствомъ не имѣетъ здѣсь и тѣмъ подобія отношенію, господствующему въ обрабатывающей промышленности, гдѣ крупная форма одними техническими преимуществами неуклонно побиваетъ мелкую и легко обращаетъ самостоятельнаго ремесленника въ чужаго наемника.

Такое различіе явленій въ той и другой области происходитъ отъ того, что, во-1-хъ, обрабатывающая промышленность, — оперируя надъ матеріаломъ, полученнымъ искусственно, поставленнымъ въ искусственно созданную среду и при помощи орудій и пріемовъ, указываемыхъ наукой, — въ максимальной степени освобождается отъ подчиненія естественнымъ условіямъ даннаго мѣста, тогда какъ, какъ сельско-хозяйственная дѣятельность, — какъ по естественнымъ ея условіямъ, такъ и по причинѣ зависимости отъ областей знанія, гораздо болѣе сложныхъ и менѣе разработанныхъ, нежели науки, лежація въ основаніи обрабатывающей промышленности, — въ огромной степени подчинена условіямъ почвы, климата страны и не допускаетъ такого широкаго раздѣленія труда и приложенія механическихъ двигателей, которое требовало бы непрѣмннаго примѣненія крупной организаціи производства и дѣлало невозможнымъ существованіе мелкаго; а поскольку такое приложеніе машинъ существуетъ, оно относится къ отдѣльнымъ, кратковременнымъ операціямъ и, на началѣ найма или коопераціи, доступно и для мелкихъ хозяевъ. Во-2-хъ, вследствие того, что продуктами земледѣльческаго производства

въ одномъ и томъ же хозяйствѣ являются не одинъ предметъ, какъ это наблюдается въ обрабатывающей промышленности, а многіе разнообразные предметы и притомъ назначенные для удовлетворенія первыхъ потребностей человѣка, почему значительная ихъ часть не пуждается въ рынокъ и можетъ быть потреблена семьей самого хозяина, — эта отрасль промышленности даетъ мелкому производителю гораздо больше устойчивости и независимости, нежели промышленность обрабатывающая, продукты которой должны быть непременно сбыты на сторону, что, въ связи съ привлекательностью обстановки занятія, побуждаетъ мелкаго хозяина и отерывааетъ ему возможность до послѣдней крайности держаться за свой клочекъ земли, напирать всё свои способности къ тому, чтобы получить отъ земли больше продукта; и такъ какъ эта отрасль труда, въ противоположность обрабатывающей промышленности, гораздо меньше освобождена отъ подчиненія работающему человѣку, то то или иное отношеніе къ дѣлу послѣдняго, то или другое внутреннее настроеніе трудящагося имѣетъ огромное вліяніе на усиленный ходъ дѣла, почему многіе авторитеты готовы признать, что мелкое производство, какъ основанное на трудѣ самого хозяина, можетъ быть болѣе производительнымъ, чѣмъ крупное, и лучше послѣднее выносить неизбежныя при господствующемъ строѣ кризисы¹⁾.

¹⁾ Такъ, на послѣднемъ конгрессѣ союза социальнаго политикана, г-нъ Берингъ развивалъ мысль, что „колоссальныя хозяйства никогда не въ состояніи были удовлетворить прогрессу въ техничѣ земледѣлія: это мы видимъ въ древней бытѣ, видимъ теперь въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ, во мѣрѣ приближенія отъ Запада къ Востоку, отъ интенсивной къ интенсивной культурѣ, площадь земельной собственности въ однихъ рукахъ сокращается... Въ Пруссіи техничскія преклюшества средняго крестьянскаго хозяйства надъ крупнымъ рыцарскимъ выражаются въ томъ, что крестьяне больше переходятъ къ интенсивной культурѣ и лучше выдержали пониженіе цѣны на хлѣбъ“ (Русск. Вѣд., 1893, 83). Во Франціи въ послѣднее время среди крупныхъ собственниковъ „явно замѣчается стремленіе оставлять земли и искать болѣе выгоднаго помѣщенія для своихъ капиталовъ. А такъ какъ этому движенію среди земледѣльцевъ отиѣчаетъ особенная любовь къ землѣ среди французскихъ крестьянъ, то крупные собственники, желающіе освободиться отъ тягостей земледѣлія, дѣлятъ свои земли на мелкіе участки и продають ихъ крестьянамъ—сами или черезъ посредство особахъ земледѣльче-

Принимал къ тому же во вниманіе, что количество удобной для культивированія земли въ каждой странѣ ограничено, почему капиталъ стѣсненъ въ своемъ приѣженіи къ сельско-хозяйственной дѣятельности; что свободное обращеніе земли стѣснено дѣйствующими законами и обычаями, — нужно признать, что сельское хозяйство, въ отличіе отъ заводско-фабричной промышленности, находится въ тѣсномъ подчиненіи не только естественнымъ особенностямъ даннаго мѣста, но и обычаямъ страны и характеру ея населенія, и что правительство можетъ оказать опрежне вліяніе на распространеніе мелкой или крупной формы земледѣльческаго производства.

Указанными особенностями отношеній служатъ причиною того, что мелкая форма земледѣльческаго производства прекрасно уживается рядомъ съ крупной и иногда распространена шире и въ самыхъ высококультурныхъ странахъ, а при поддержкѣ со стороны власти она могла бы получить еще большее развитіе. Такъ какъ эволюція политическихъ отношеній въ Европѣ приводитъ къ тому, что голосъ народной массы получаетъ въ глазахъ правительства большее и большее значеніе, то естественно ожидать, что нѣмѣтъ съ этимъ будутъ развиваться и заботы государства о покровительствѣ мелкому земледѣлію и земледѣлію. По высказаннымъ соображеніямъ, къ будущему земледѣльческой промышленности скорѣе слѣдовало бы приѣнять схему, какъ разъ обратную той, какая была выведена изъ данныхъ развитія фабрично-заводскаго дѣла.

Одновременно съ различіемъ въ направленіи эволюціи той и другой промышленности и въ зависимости отъ тѣхъ же причинъ наблюдается и различіе въ характерѣ и задачахъ сельскаго и городского пролетаріата. Сельскій пролетаріатъ обик-

скихъ обществъ, спекулирующихъ такого рода продажами. Многие же крупные собственники, раньше занимавшіеся хозяйствомъ черезъ посредство управляющихъ, не желая продавать земли, дробятъ ее на мелкие фермы и сдаютъ въ аренду крестьянамъ. Малые собственники и малые фермеры, ведущіе хозяйство трудомъ своей семьи и въ незначительной степени прибывающіе къ наемному труду, наиболѣе условно именовали сельско-хозяйственный пролетаріатъ (Насса, Земледѣліе и аграрныя отношенія въ Англіи, предисловіе Левитскаго).

новенно не сконцентрированъ въ немногихъ пунктахъ, а разбросанъ по всей странѣ; отъ этого, по условіямъ культурнаго развитія, земледѣльческой пролетарій мало отличается отъ мелкаго собственника, и потому можно сказать, что обращеніе хозяина въ пролетарія даетъ взамѣнъ очень мало преимуществъ интеллектуальнаго характера, вслѣдствіе чего и вся та страна, которая, капитализируясь, сохраняетъ земледѣльскій характеръ (а вѣдь не весь же міръ превратится въ угоду теоріи въ мѣсто пріята обрабатывающей промышленности), увидитъ у себя не тѣ общественно-политическія слѣдствія, какія свойственны странамъ съ многочисленнымъ городскимъ пролетаріатомъ. Какимъ образомъ это различіе въ профессіи пролетарія земледѣльческихъ и промышленныхъ странъ отразится на различіи политической исторіи послѣднихъ — мы рѣшать не беремся; но не трудно усмотрѣть существованіе различія ближайшихъ экономическихъ задачъ того и другого пролетаріата. „Нельзя шаблонно переносить социальную политику промышленныхъ рабочихъ на сельскихъ рабочихъ, — передаетъ г. Голосъ мнѣніе пр. Зеринга по этому вопросу — потому что у тѣхъ и другихъ не одинаковыя технико-экономическія и социальныя условія: коалиція, какъ средство поднять рабочаго, умѣренное оружіе борьбы противъ растущей крупной промышленности въ городахъ, гдѣ рабочіе живутъ вѣсть въ большихъ центрахъ ¹⁾“.

Тогда какъ городской пролетарій, подобно нарисованной раньше схемѣ, ожидаетъ уничтоженія наемнаго труда въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ, послѣ того какъ такое уничтоженіе сдѣлается неизбежнымъ по естественному ходу эволюціи капиталистическаго строя, а въ настоящемъ онъ стремится улучшить свое положеніе на почвѣ существующаго путемъ фабричнаго законодательства, ограниченія часовъ работы и возвышенія заработной платы, — земледѣльскій пролетарій работаетъ въ такой обстановкѣ, которая не допускаетъ широкаго вмѣшательства законодательства съ цѣлью охраненія здоровья и жизни рабочаго и при которой мало можно сдѣлать въ отношеніи сокращенія рабочаго дня, длина котораго опредѣляется въ значительной степени естественными

¹⁾ Рус. Вѣд., 1893 г., № 83.

удовольствия временем года и чередования дня и ночи. Но зато имъ имѣеть полное технико-экономическое основаніе стремиться къ обращенію въ самостоятельнаго хозяина и съ политическимъ развитіемъ страны получать возможность вліять на правительство такимъ образомъ, чтобы оно облегчило ему это обращеніе. Приѣръ сказаннаго имъ видимъ въ Соединенномъ королевствѣ и преимущественно въ Ирландіи, гдѣ съ такой силой произошло стремленіе населенія получить въ собственность землю, или инъ обрабатываемую въ качествѣ арендаторовъ; поэтому названная страна представляетъ наглядное доказательство того, что схема эволюціи общества, построенная на основаніи явленій фабрично-заводской жизни, не только не можетъ быть приложена къ земледѣльческой области, но скорѣе противорѣчитъ направленію развитія, какого естественно здѣсь ожидать. Правда, въ Ирландіи распространена исключительно крупная собственность и съ натажкой можно бы сказать, что здѣсь уже совершается тотъ процессъ декапитализаціи, который именно и предсказывается теоріей. Но эта натажка слишкомъ очевидна, ибо декапитализація производства имѣеть главнѣйшій смыслъ въ организаціи крупной его формы, и лишь послѣ совершенія этой вѣси руководство капитала становится излишнимъ. Земледѣльческое же производство въ Ирландіи имѣеть мелкую форму, а обращеніе фермера въ собственника поведетъ къ раздробленію владѣній и можетъ быть къ еще большому измелчанію хозяйства. Такимъ образомъ, реабилитація мелкаго собственника въ Ирландіи совершится не по указанію теоріи, а наперекоръ ей. Наперекоръ теоріи совершается и возрожденіе мелкой собственности въ той части Пруссіи, гдѣ аграрный вопросъ наиболѣе чувствителенъ и гдѣ „площадь земли, доставленная крестьянамъ при помощи колонизаціонной комиссіи и путемъ частнаго дробленія крупныхъ имѣній, уже превышаетъ площадь отнятую у крестьянъ въ началѣ нашего вѣка помѣщиками (140,000 гектаровъ противъ 104,000)“¹⁾. Неудивительно, поэтому, если послѣдній ученый конгрессъ союза социальной политики высказался за распространеніе крестьянскаго землевладѣнія въ Германіи.

¹⁾ Ид.

Если же въ условіяхъ страны (Англія), гдѣ капитализмъ достигъ наибольшаго развитія, нѣтъ такихъ социальныхъ и техническихъ условій, которыя ишли бы возстановленію мелкой собственности и упроченію мелкаго хозяйства, то тѣмъ болѣе не существуетъ причинъ, зависящихъ отъ общаго хода прогрессивнаго развитія, которыя требовали бы обезземеленія населенія и уничтоженія мелкаго хозяйства въ странахъ, гдѣ крестьянская собственность и крестьянское хозяйство составляютъ основу социальнo-экономической организаціи. Такимъ образомъ, самый поверхностный анализъ теоріи эволюціи общественно-экономическихъ формъ съ точки зрѣнія западнаго городского пролетаріата приводитъ въ заключенію, что эта теорія можетъ имѣть приложеніе лишь къ обрабатывающей промышленности и при томъ развивающейся при извѣстной комбинаціи условій и потому не должна быть полагается въ основу объясненія и предсказанія явленій жизни земледѣльческихъ странъ; что это есть конкретная формула, выражающая эволюцію экономическихъ отношеній при извѣстныхъ условіяхъ мѣста и времени, а не абстрактная теорема экономической эволюціи вообще.

Поэтому, нельзя не считать признакомъ крайняго отсутствія самостоятельной работы мысли, объясненнымъ развѣ только общимъ интеллектуальнымъ упадкомъ русскаго общества въ послѣднее время, тотъ фактъ, что значительная часть просвѣщеннаго слоя этого общества готова положить въ основу объясненія эволюціи общественно-политическихъ отношеній въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ и въ основу построенія практической программы для партійной дѣятельности въ странѣ — огромной по площади земли (на половину еще незанятой) и по количеству жителей, разнообразной по этнографическому составу народонаселенія, земледѣльческой по естественному характеру и роли въ мировомъ производствѣ, общинной по организаціи землевладѣнія преобладающей части населенія и стоящей на послѣдней ступени культурнаго развитія европейскихъ обществъ, — готова положить законъ, формулированный для объясненія явленій, болѣе или менѣе рѣзко выраженныхъ въ 3—4 европейскихъ государствахъ съ самыми слученнымъ, самымъ образованнымъ и промышленно-развитымъ населеніемъ, законъ, весьма неудовле-

теоретически объясняющий явления, наблюдаемые в земледельческой области тех же стран. Несамостоятельность и, так сказать, лживость мысли русской интеллигенции доказывается не только принятием в указанном выше смысле конкретной идеи, выработанной промышленно-буржуазными странами и несколькими государствами западной Европы, но и еще более неспособностью индивидуализировать эту идею применительно к основным чертам общественно-экономической физиономии России, как страны, в мировом промышленном хоре играющей земледельческую партию, и потому могущей ожидать развития у себя по преимуществу земледельческой, а не промышленной буржуазии и не городского, а сельского пролетариата, бытовая обстановка которого, условия для культурного и общественного развития и для проявления его общественной самостоятельности слишком резко отличаются от соответствующих условий городского пролетариата, для того, чтобы идею этого последнего можно было признать за идею грядущего будущего нашей страны и ожидать таких же социально-политических результатов капитализации промышленности в России, какие мы наблюдаем в социально-политической сфере на Западе.

Широкое распространение рассматриваемой теории среди русской интеллигенции представляется признаком тем более печальным, что сами основатели этой теории не признают за ней универсального значения, и допускают, что капиталистический строй развивается при известной комбинации условий, и что соответствующий момент в эволюции общества, при другой комбинации производящих причин, может быть обойден. Известно, напр., что Маркс, — один из первых, ясно формулировавший рассматриваемую теорию и формулировавший ее в таких выражениях, что его самостоятельные последователи вывели заключение о неизбежности разрушения в России общинного ее поземельного строя, — узнав о таком толковании своих взглядов, счел нужным высказаться против него в открытом письме к русскому публицисту, неопубликованном при его жизни по случайным причинам.

„Какое предложение к России можно извлечь из моего краткого исторического очерка (капиталистических отношений

въ западной Европѣ), спрашиваетъ Марксъ въ этомъ письмѣ? Только слѣдующее: если Россія стремится стать націей капиталистической по образцу западно-европейской націи, — а въ теченіе послѣднихъ лѣтъ она надѣлала себѣ въ этомъ смыслѣ много вреда, — она не достигнетъ этого, не преобразовавъ предварительно доброй доли своихъ крестьянъ въ пролетаріевъ; а послѣ этого, приведенная разъ на дою капиталистическаго строя, она подпадетъ подъ власть неумолимыхъ законовъ, какъ и вся другая непосвященная нація. Вотъ и все! Но этого слишкомъ мало для моего критика (Н. К. Михайловскаго). Ему непремѣнно надо преобразовать мой очеркъ происхожденія капитализма въ Западной Европѣ въ историко-философскую теорію общаго хода развитія, въ теорію, которой фатально должны подчиниться все народы, каковы бы ни были историческія условія, въ которыхъ они находятся, чтобы въ концѣ концовъ прийти къ такому эволюционному строю, который обезпечиваетъ наибольшую свободу проявленія производительныхъ способностей общественнаго труда и всестороннее развитіе человѣка. По проху у него извиненія. Это значитъ дѣлать мнѣ много чести и въ то-же время много безчестія". Въ поясненіе своей мысли Марксъ приводитъ примѣръ изъ исторіи древняго Рима, гдѣ крестьяне-собственники были обращены въ пролетаріевъ, вмѣстѣ съ тѣмъ образовались и крупныя денежныя капиталы — и несмотря на это получило развитіе не капиталистическій, а рабскій строй производства. Сюда же можетъ быть отнесено и слѣдующее примѣчаніе къ нѣмецкому изданію Маркса 1875 г. „когда крупныя перевороты, наступившія съ конца 15 столѣтія на всемірномъ рынкѣ, лишили сѣверную Италію ея торговаго преобладанія и привели къ упадку ея мануфактуръ, произошло движеніе пролетаріевъ изъ городовъ на земли. Городскія рабочіе массы возвращались въ деревни, гдѣ съ тѣхъ поръ великая культура, въ томъ видѣ, какъ ведется садоводство, получила никогда невиданное развитіе“ („Юрид. Вѣстн.“, 1888 г.).

Отсюда видно, какъ надлежитъ поступать настоящему послѣдователю Маркса. Онъ не долженъ какъ это дѣлаютъ наши жаркиссты (?), заимствовать у своего учителя *конкретную* формулу капиталистической эволюціи на Западѣ, для приложенія ея къ рус-

своей жизни въ качествѣ шаблона, т.-е. искать между той и другой нѣкоторыхъ сходныхъ чертъ и выводить затѣмъ заключеніе, что сходство будетъ продолжаться роста и что русская жизнь совершенно повторитъ европейскую, игнорируя анализъ наблюдаемыхъ явленій (подходящихъ подъ формулу), т.-е. изученіе ихъ дѣйствительныхъ причинъ и взаимной зависимости съ одной стороны, и пренебрегая абстрактными положеніями теории Маркса для синтетическихъ построений—съ другой. Въ этомъ уклоненіи отъ самостоятельной интеллектуальной работы и предпочтеніи ей механическаго труда сравненія образца съ предполагаемой копіей и выражается какъ несамостоятельность мысли нашихъ марксистовъ, такъ и сомнительность пониманія ими идей своего учителя. Настоящій послѣдователь ученія Маркса долженъ взять абстрактныя положенія его теории капитализма и, поставивъ ихъ въ обстановку русской дѣйствительности, вывести конкретную формулу развитія капитализма въ нашей странѣ. Такъ поступилъ несомнѣнный марксистъ г. Николай — онъ, (см. „Очерки пореформеннаго хозяйства Россіи“), и его выводы абсолютно противоположны заключеніямъ нео- или псевдо-марксистовъ, которыя тѣмъ не менѣе пользуются значительнымъ распространеніемъ въ нашемъ обществѣ. Эти марксисты на изнанку, ни мало не шокируясь „безчестіемъ“ (honte) задачи, преобразили очеркъ Маркса „происхожденія капитализма въ Западной Европѣ въ историко-философскую теорію общаго хода развитія“ +) человѣчества, т.-е. стали проповѣдывать ученіе, составляющее полную противоположность идеѣ социализма вообще, научнаго социализма Маркса въ частности, но зато вполне соответствующее практической идеѣ и интересамъ буржуазіи. Иначе говоря, они повторяютъ старую буржуазную историко-экономическую теорію, лишь прикрасивъ ее гипотезой о молочныхъ рѣкахъ въ кисельныхъ берегахъ въ отдаленномъ будущемъ, требуя за эту прикрасу экспроприаціи крестьянства и порабощенія труда въ настоящемъ и ближайшемъ будущемъ Россіи.

А не должно ли
этимъ заниматься
Вит К. Власовъ
10-го Января 1904

III.

Призывая идею исторического закона, предписывающего всѣмъ цивилизованнымъ обществамъ создавать для удовлетворенія ихъ развивающихся потребностей одинаковыя и однообразныя повторяющіяся формы быта, — въ каковомъ возрѣвнн историческнй процессъ, вмѣсто производнаго человѣка, обращается въ силу производящую, а человѣкъ въ его послушное орудіе, — можно оставаться равнодушнымъ къ вопросу о томъ, каковы внутреннія духовныя силы общества, участвующаго въ данномъ историческомъ процессѣ. Отвергая эту концепцію и считая, что формы быта являются результатомъ идей и чувствъ участвующихъ въ ихъ созданіи людей, почему духовныя силы человѣка — какъ полученныя имъ отъ природы, такъ и развитыя предшествующей исторіей — а также степень активности участія въ процессѣ эволюціи различныхъ классовъ населенія, представляющихъ неоднородныя психическія типы, суть историческіе факторы первостепеннаго значенія, — мы приходимъ къ постановкѣ весьма важнаго вопроса. Что несетъ міру капиталистическая эволюція, устраняя разнообразіе силъ и способностей, естественно создающееся при активномъ участіи каждаго человѣка въ экономической жизни страны, когда людямъ приходится быть дѣятелями весьма разнообразныхъ по своимъ формамъ и ихъ естественнымъ условіямъ процессовъ, — и создавая повсюду однородный типъ пролетарія; какія силы и способности развиваются въ наемномъ работникѣ обетановкою его быта, силы и способности, коими обуславливается качество возможныхъ продуктовъ его социальнаго творчества; какое участіе принимаетъ пролетарій въ созданіи социальныхъ формъ, и наконецъ, что выиграетъ Россія отъ того, что возможный устроитель ея социальнаго быта, крестьянинъ-общинникъ, будетъ устраненъ отъ активной роли въ процессѣ, и представителямъ трудящагося населенія, имѣющаго быть современемъ призванными къ широкому участію въ общественной жизни, сдѣлается бездомный пролетарій?

Отвѣчать болѣе или менѣе обстоятельно на этотъ вопросъ

ни не могли бы, даже если бы сдѣлали его специальнымъ предметомъ своей рѣчи, по причинѣ полной неразработанности вопросовъ, образующихъ послышки искомаго заключенія, — вопросовъ о процессѣ созданія общественныхъ формъ, какъ производныхъ тѣхъ или другихъ психическихъ свойствъ человѣка и о духовныхъ различіяхъ отдѣльныхъ классовъ общества. Тѣмъ болѣе мы лишены возможности отвѣтить на поставленный вопросъ въ настоящее время, когда мы касаемся его лишь попутно. Поэтому, намъ остается ограничиться по этому предмету немногими замѣчаніями.

Пролетарій того типа, какинъ онъ опредѣлился въ теченіе предыдущей исторіи капитализма, долженъ быть признанъ имѣющимъ весьма слабое значеніе въ качествѣ силы зиждательной и получающей очень неблагоприятное воспитаніе въ смыслѣ развитія въ немъ способности къ социальному творчеству.

Будучи связанъ съ существующимъ экономическимъ строемъ заработной платой, т.-е. связью непостоянной и не обезпечивающей его благополучія; занимая въ организациі общества не самостоятельное, а служебное положеніе; подчиняясь въ качествѣ наемника произволу хозяина и слѣпому механизму машины; служа, наряду съ машиной и рабочимъ своего же, дѣлу производства чужестранцевъ, принадлежащихъ другому; словомъ, играя въ экономической жизни роль одного изъ элементовъ мертваго процесса производства товаровъ, и только — пролетарій и не можетъ имѣть зиждательной идеи, не можетъ на почвѣ существующаго строя выработать что-либо, способное обновить міръ, дать новое направленіе социальной жизни. Измѣненіе общественныхъ отношеній производится самими процессомъ жизни, т.-е. людьми, участвующими въ ней активно. Въ силу сказаннаго творцомъ новыхъ социальныхъ формъ можетъ быть классъ общества, связанный съ существующимъ положительными, а не отрицательными нитями; классъ, играющій въ немъ известную самостоятельную роль, — классъ феодаловъ, буржуазіи, крестьянства, но не классъ подчиненныхъ наемниковъ пролетаріевъ. Какъ результатъ прошедшей исторіи, какъ порожденіе развивающагося капитализма, еще не сказавшаго своего послѣдняго слова и потому еще продолжающаго играть первую и передо-

вую роль и относящагося къ рабочему, какъ къ матеріалу для своего творчества, — пролетаріатъ можетъ представлять интересъ какъ сила разрушительная, но не какъ основа созидательной соціальной работы. Съ такимъ его значеніемъ, сознательно или бессознательно, примиряются литературные его представители, теоретическіе обоснователи „идей“ пролетаріата. Преобразование соціального быта въ его интересахъ они ставятъ въ зависимость не отъ самостоятельной зидательной дѣятельности самаго пролетаріата, а отъ естественной, органически совершающейся эволюціи капиталистическихъ порядковъ. Но такъ какъ эта якобы органическая эволюція въ дѣйствительной жизни есть рядъ измѣненій въ дѣйствіяхъ лицъ, занимающихъ въ жизни руководящее положеніе, т.-е. является результатомъ коллективнаго творчества известнаго класса — въ данномъ случаѣ по преимуществу буржуазинъ, — то и выходитъ, что этотъ послѣдній классъ не только выработалъ общественный строй, отвѣчающій его собственнымъ интересамъ, но и несетъ на себѣ задачу созданія порядковъ, которые должны бы быть выработаны слѣдующимъ, выступающимъ на сцену активной исторической жизни, классомъ, — по причинѣ устраниенія отъ самостоятельнаго участія въ процессѣ общественной эволюціи — оказавшимся неспособнымъ къ выполненію такой задачи.

Условія, лишаяція пролетарія возможности активно участвовать въ созданіи общественныхъ формъ въ настоящемъ, кнѣстѣ съ тѣмъ воспитываютъ его для подчиненной роли и въ будущемъ. И дѣйствительно, какія творческія силы и способности можетъ развить въ пролетаріи обстановка его жизни, при которой три четверти своего бодрственаго состоянія онъ служитъ придаткомъ мертвого механизма, приводимаго въ движеніе волею одного лица, — приучаясь этимъ безъ возраженія исполнять чужія распоряженія, дисциплинируясь для роли промышленнаго солдата, которая искусные демагоги могутъ обратить въ солдата политическаго, — но не участвуя ни мыслью, ни чувствомъ въ процессѣ, съ которымъ онъ связанъ лишь своимъ тѣломъ, въ которомъ онъ играетъ роль живого инвентаря; а остальную четверть времени, когда онъ не спитъ, рабочій посвящаетъ отдыху, проводя его въ семьѣ, въ бібліотекѣ, въ кабацѣ, на улицѣ —

убавляясь, поучаясь, и этимъ нѣсколько парализуя неблагоприятно физиологическіе и индивидуально-психологическіе результаты принижающаго вліянія фабрики, но не имѣя возможности въ сколько-нибудь значительной степени развивать въ себѣ активныя соціально-психологическія свойства? Пройди такую школу, пролетарій оказывается воспитаннымъ для пассивнаго выполненія чужой мысли, для согласнаго участія въ несложныхъ актахъ; онъ можетъ поэтому хорошо сыграть разрушительную роль и (судательную — насколько замесель принадлежитъ не ему, но не приобретаетъ способностей, необходимыхъ для самостоятельнаго разрѣшенія возникающихъ въ жизни задачъ. Иначе говоря, какъ въ прошедшемъ и настоящемъ пролетарій является податливымъ матеріаломъ для созданія формъ жизни, задумываемыхъ буржуазіей; такъ въ будущемъ онъ могъ бы удобно выливаться въ новыя формы, соответствующія уже его интересамъ, если бы нашлись лица, способныя указать эти формы. Поэтому, насколько можно ожидать замѣнымъ вышѣ господствующаго метода эволюціи общественныхъ отношеній, — путемъ жизненныхъ столкновеній активно участвующихъ въ процессѣ лицъ и групп, — методомъ плановѣрнаго ихъ преобразованія на основаніи безспорныхъ данныхъ науки, — настолько пролетарій — предпологалъ, что по своему образованію онъ въ состояніи повѣсть и подчиниться руководству ученыхъ — можетъ считаться пригоднымъ элементомъ для будущаго соціальнаго сложенія. При противоположномъ же условіи нужно считать, что тѣ страны, гдѣ масса населенія, постепенно приобщающаяся къ числу активныхъ агентовъ исторіи, состоитъ изъ пролетаріевъ, ставятся въ условія, мало благоприятныя для созданія удобныхъ и прочныхъ формъ соціальнаго быта.

Въ противоположность сказанному о капиталистическомъ строѣ, соціальная организація Россіи представляетъ хорошую почву для развитія въ массѣ населенія психическихъ свойствъ, облегчающихъ процессъ приспособленія общественныхъ формъ къ потребностямъ чловѣка, путемъ самостоятельности этой самой массы, путемъ такъ называемаго коллективнаго творчества. Положеніе самостоятельнаго хозяина развиваетъ въ земледѣльцѣ инициативу и способность разрѣшенія различныхъ практическихъ затрудненій. Необходимость согласованія своей дѣятельности съ интере-

сами и требованиями сообщественниковъ ведетъ къ развитію въ населеніи способности къ социальному, такъ сказать, взаимоприспособленію. Ограниченіе игры личнаго интереса необходимостью подчиненія его интересу другого, идеѣ общей пользы — какъ результатъ общиннаго владѣнія землей — способствуетъ образованію психическаго типа съ задатками высокихъ альтруистическихъ чертъ. Непосредственное участіе всѣхъ членовъ общества въ разрѣшеніи множества весьма существенныхъ для интересовъ каждаго мірскихъ дѣлъ, — причѣмъ въ народѣ замѣчается стремленіе разрѣшать спорные вопросы не путемъ образованія въ пользу извѣстнаго мнѣнія достаточнаго большинства, а, по возможности, примиреніемъ требованій всѣхъ заинтересованныхъ лицъ — служитъ прекраснымъ воспитательнымъ средствомъ для развитія способности къ солидарной дѣятельности¹⁾. Совокупнымъ вліяніемъ перечисленныхъ обстоятельствъ въ русскомъ народѣ создается психологически подготовленная почва не для стадныхъ дѣйствій подъ руководствомъ вожака, а для самостоятельнаго социального творчества, путемъ работы коллективной мысли, каковое обстоятельство обезпечиваетъ практичность, оригинальность и разво-

¹⁾ Система мѣстнаго самоуправленія, основанная на непосредственномъ участіи всѣхъ членовъ союза въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ, сохранившаяся, кромѣ Россіи, еще въ сельскихъ общинахъ Швейцаріи и сельскихъ округахъ нѣкоторыхъ Штатовъ Северо-Американскаго союза, по мнѣнію Брайса, „болѣе всѣхъ другихъ имѣетъ образовательное вліяніе на гражданъ, принимающихъ въ ней участіе; сходни сельскихъ округовъ въ Америкѣ не только были источникомъ демократическихъ идей но и служили школой для демократовъ“... Сельскіе округа „по сіе время служатъ настоящими центрами для политической жизни въ Н. Англии (штатъ Сѣв.-Американскаго союза) и солиднымъ фундаментомъ для той организаціи самоуправленія, которою восхищались европейскіе философы и которой старались подражать новыя западныя штаты“. Знаменитый президентъ Сѣв.-Амер. Шт., Джеферсонъ, говоритъ о нихъ слѣдующее: „община служитъ жизненнымъ принципомъ для мѣстнаго управленія; она оказалась самымъ мудрымъ изобрѣтеніемъ, какое когда-либо было придумано человѣческимъ умомъ для введенія полнаго самоуправленія и для его устойчивости... Катонъ оканчивалъ каждую изъ своихъ рѣчей словами: Carthago delenda est, а я оканчиваю каждую изъ высказанныхъ мною мыслей словами: „раздѣляйте графства на общины“ (Американскія республика, т. II, гл. 48).

сторонность результатов этого творчества, а следовательно и возможность развития въ будущемъ высокихъ социальнo-бытовыхъ формъ.

Отсюда само собой вытекаетъ заключеніе, что ни подъ какою видою, даже подъ условіемъ широкой свободы, не должна Россія разставаться со своей экономической организаціей, обеспечивающей трудящемуся самостоятельное положеніе въ производствѣ; такъ что и возможные политическія формы подлежатъ одѣлкѣ прежде всего съ точки зрѣнія сохраненія и дальнѣйшаго развитія основныхъ чертъ промышленной организаціи страны. Поэтому же приириться съ тѣмъ, что вмѣсто существующаго въ Россіи строя разовьется сухо-эгоистическій, а, вмѣстѣ съ нимъ некультурность страны, и грубый, буржуазный порядокъ, съ его безпринципностью и безграничнымъ индивидуализмомъ, что этотъ строй непосредственно, стихійно преобразуетъ и психическое содержаніе подчиненной ему массы населенія; приириться и встрѣчать новые порядки не съ болью въ сердцѣ и повинуваясь только безапелляціонно-установленнымъ неотвратимымъ законамъ социальнаго развитія, а съ торжествомъ и съ игнорированіемъ при этомъ всѣхъ указаній на социологическую иррациональность ожиданій преобладанія этого строя въ Россіи; и не только приириться, но и призывать новые порядки — значитъ показать, что высокія идеальныя представленія утратили свою власть надъ нашей мыслью, что мы дѣйствительно готовы реабилитировать жизнь, какова бы она ни была, что наша интеллигенція заражается той же безидейностью и безидеальностью, какая такъ характерна для западной буржуазной интеллигенціи послѣдняго двадцатилѣтія.

IV.

Наше предположеніе объ интеллектуальномъ упадкѣ, какъ условіи распространенія рассматриваемой теоріи въ Россіи, подтверждается рассмотрѣніемъ того, что можно бы назвать психологіей этой идеи. Известно, что въ послѣднее десятилѣтіе въ нашемъ обществѣ обнаружился нѣкоторый интересъ къ мета-

физическимъ системамъ философіи и попытки примененія принциповъ и методовъ метафизики къ отъикъ различныхъ явленій и вопросовъ русской жизни. Мы бы ничего не имѣли противъ такого направленія, если бы результатомъ его было образованіе стройнаго міросозерцанія, способнаго вселить въ общество недостающія ему вѣру въ идеалъ и энергическое стремленіе къ осуществленію послѣдняго. Мы знаемъ изъ исторіи, что при прямо противоположныхъ системахъ философскихъ возможно построеніе совершенно одинаковыхъ практическихъ формулъ и наоборотъ, что исходя изъ однихъ и тѣхъ же абстрактныхъ положеній или принявъ одинаковые методы разсужденія, можно прійти къ радикально расходящимся заключеніямъ. Такимъ образомъ, тѣ или другія философіи начала въ системѣ общественнаго міросозерцанія играютъ роль остова и цемента, связывающихъ во-едино представленія и понятія, образовавшіяся не философскимъ, а такъ сказать жизненнымъ путемъ. Если, сообразно направленію мысли даннаго общества, этотъ остовъ и цементъ составляется изъ элементовъ философіи научной или положительной — тѣмъ лучше; но если общество склонно къ метафизическимъ абстракціямъ, пусть оно тклетъ связь для своихъ представленій изъ нитей метафизики; но только пусть оно стремится къ систематизаціи возрѣній и своею дѣятельностью докажетъ, что эти послѣднія составляютъ его кровныя убѣжденія, а не простое украшеніе. Пробнымъ камнемъ серьезности, а слѣдовательно, законности увлеченія нашего общества метафизикой и будетъ служить характеръ построеннаго на этомъ основаніи міросозерцанія, степень воодушевленія и энергіи, какаа будетъ проявлена въ дѣлѣ приложенія идей къ жизни. Пусть повторится интеллектуальное оживленіе 40-хъ или 60-хъ годовъ, и та система философіи, на почвѣ которой произойдетъ это оживленіе, съ такимъ же правомъ можетъ претендовать на призваніе ея цѣлесообразности для современнаго общества (по Сенькѣ и шанца!), съ какою признается историческая своевременность преобладанія среди нашей интеллигенціи гегелианства въ 40-хъ и матеріализма въ 60-хъ годахъ.

До сихъ поръ однако мы не только не замѣчаемъ напряженной умственной работы общества по части перестройки его

ирозерцанія, и воодушевленной практической дѣятельности, но зрѣніе можемъ констатировать наличность прямо противоположныхъ явленій, а въ такомъ случай наклонность къ метафизическимъ представленіямъ и усмотрѣніямъ, поскольку таковая существуетъ, мы имѣемъ право считать однимъ изъ признаковъ интеллектуальнаго регресса русскаго общества вообще, научной его мысли въ частности.

Съ этой точки зрѣнія интересна представляется тотъ фактъ, что метафизическое, такъ сказать, настроеніе мысли, метафизическая повадка ея наблюдается даже среди представителей такихъ теченій, которые принципиально отвергаютъ метафизику и считаются стоящими на почвѣ положительной науки. Одинъ изъ примѣровъ сказаннаго представляетъ теченіе, о которомъ идетъ рѣчь въ настоящей главѣ, характеризующееся, между прочимъ, вѣрою въ универсальное значеніе того именно пути экономической эволюціи, какой обозначился въ исторіи Западной Европы.

И по общимъ философско-историческимъ основаніямъ, гласящимъ, что „линія каждаго историческаго движенія неправолинейна, ибо силы, направляющія движеніе, никогда не бываютъ подчинены опредѣленному закону“ (Карѣвъ), и по конкретнымъ особенностямъ экономической эволюціи Запада, — не могущимъ повториться въ ихъ совокупности ни въ какой другой странѣ, поскольку выступившей на путь прогрессивнаго развитія — универсальный характеръ законовъ этой именно эволюціи, какъ законовъ историческихъ, долженъ быть положительно отвергнутъ. При научномъ отношеніи къ предмету вмѣсто вопроса о всеобщемъ законѣ развитія, одинаково приложимомъ и къ Англіи, и къ Китаю, — если послѣдній проснется отъ долголѣтняго сна, — рѣчь могла бы идти лишь о томъ, позволительно ли ожидать, чтобы въ ближайшемъ будущемъ та или другая, опредѣленная страна повторила нѣкоторые моменты, пройденные другою. Вопреки же высказанному, разсматриваемое направленіе нашей общественной мысли разсуждаетъ такимъ образомъ, какъ будто бы каждое прогрессирующее общество, въ формахъ осуществленія прогресса, зависитъ не отъ той или другой комбинаціи разнообразныхъ теченій, — то слугивающихся до безко-

нечности, то слагающихся въ нѣсколько отграниченныхъ системъ, то сближающихся, то удаляющихся, то идущихъ по одному направленію, то по разнымъ" (Карбень), — комбинаціи, неодинаковой въ разныхъ странахъ и приводящей къ различнымъ результатамъ, — а зависить отъ какого-то однообразнаго „закона“, какъ бы обязательно кѣмъ-то или чѣмъ-то налагаемаго на общество. Такой фаталистическій взглядъ на процессы прогрессивнаго развитія человѣчества находится въ полномъ противорѣчій съ научной философій исторіи, но за то вполне соответствуетъ метафизическимъ системамъ послѣдней. „Раздѣло идетъ не о сѣбѣ принципозъ, а о сѣбѣ формъ, — говорятъ профессоръ исторіи, Н. И. Карбень, — невозможно ожидать, чтобы формула, положивъ соціального прогресса, введенная изъ исторіи однихъ странъ, могла дѣлкомъ приложиться къ другимъ. Гораздо проще указать на исходный пунктъ прогрессивнаго движенія и на окончательный идеалъ, отмѣтивъ нибѣтъ съ тѣмъ тѣ законы біологій, психологій и соціологій, которые дѣлають возможнымъ движеніе именно въ смыслѣ постепеннаго достиженія этого идеала, хотя бы въ каждомъ данномъ случаѣ пути, къ нему ведущіе, и не были одинаковы. Формула прогресса должна указать только на общую тенденцію, а не частныя средства прогресса, ибо послѣднія въ разныхъ случаяхъ будутъ непременно различны, смотря по условіямъ, среди которыхъ приходится дѣйствовать этой тенденціи“¹⁾.

Такъ говорятъ научная философія исторіи, но не такъ учить телеологическая система, основывающаяся на предположеніи, что известный ходъ исторіи „былъ нуженъ для какой-либо цѣли“ и метафизическая, утверждающая, что онъ вытекаетъ „изъ самой внутренней сущности историческаго процесса“. Діалектическая или метафизическая исторіософическая теорія еще менѣе научна, нежели телеологическая: „явленіе міра еще можно объяснить телеологически (съ точки зрѣнія цѣлесообразности), ибо цѣль все-таки есть слѣдствіе причины, а средство — причина слѣдствія, и телеологія есть только превращеніе причинности; но объяснить при помощи одной логики изъ какой-либо абстракт-

¹⁾ Общіе вопросы философій исторіи, т. II, стр. 207—208.

ной идеи необходимость той или другой координации действительно бывших фактов, значить взять на себя слишком много". То же самое можно сказать и о теориях, имѣющихъ въ виду не объясненіе прошедшаго, а предсказаніе будущаго. Въ чистомъ видѣ обѣ послѣднія системы встрѣчаются теперь рѣдко, но соединеніе ихъ съ эмпирическимъ воззрѣніемъ — явленіе, весьма распространенное ¹⁾. Разсматриваемое нами воззрѣніе съ его чуть не абсолютными законами экономической эволюціи, и есть соединеніе метафизической точки зрѣнія съ эмпирической.

Метафизическая поправка мысли просвѣчиваетъ и въ другой части воззрѣній разсматриваемаго течения среди нашей интеллигенціи. Извѣстно, что Марксу приписывается заслуга приданія теоріи социализма, раньше носившаго утопическій характеръ, характеръ научный. Научность марксовскаго социализма заключается въ томъ, что осуществленіе соответствующихъ идеаловъ въ действительной жизни Западной Европы разсматривается имъ, какъ естественный результатъ развивающихся общественныхъ отношеній, какъ самый вѣроятный исходъ данно идущей борьбы реальныхъ силъ, при тѣхъ реальныхъ условіяхъ, какія создаются самимъ капиталистическимъ режимомъ, насколько таковой могъ быть выясненъ въ то время, когда слагалось ученіе Маркса. „Одинъ капиталистъ побиваетъ многихъ другихъ, — такъ излагаетъ Марксъ вѣроятный дальнѣйшій ходъ процесса экономической эволюціи на Западѣ. Рука объ руку съ этикъ осредоточеніемъ или экспроприаціей многихъ капиталистовъ немногими, развивается все въ большихъ и большихъ размѣрахъ кооперативная форма рабочаго процесса, сознательное технологическое приложеніе науки, цѣлесобразная эксплуатация земли, превращеніе орудій труда въ такіа, которыя могутъ прилагаться только сообща, и экономизированіе всѣхъ средствъ производства посредствомъ употребленія ихъ, какъ общихъ средствъ производства комбинированнаго, общественнаго труда. вмѣстѣ съ постоянно уменьшающимся числомъ магнатовъ капитала, которые монополизуютъ всеъ выгоды этого процесса превращенія, возрастаетъ бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплуатация

¹⁾ *Ibid.*, т. I, стр. 55—56.

тація, но также и возмущеніе рабочаго класса, который постоянно увеличивается и постоянно обучается, объединяется и организуется самимъ механизмомъ капиталистическаго процесса производства“. При такихъ реальныхъ условіяхъ борьбы двухъ классовъ, полная побѣда одного изъ нихъ представляется почти несомнѣнной, а вмѣстѣ съ тѣмъ весьма вѣроятнымъ становится и экономическое преобразование общества. „Превращеніе разрозненной частной собственности, основанной на собственномъ трудѣ индивидуовъ, въ капиталистическую, — посылаетъ авторъ, — есть, разумѣется, процессъ несравненно болѣе медленный, тяжелый и трудный, чѣмъ обращеніе капиталистической частной собственности, фактически основывающейся уже на общественной эксплуатаціи средствъ производства, въ общественную собственность. Тамъ дѣло шло объ экспроприаціи народныхъ массъ немногими, здѣсь дѣло идетъ объ экспроприаціи немногихъ народами* 1).

Какъ видитъ читатель, изложенная часть ученія Маркса покоится на совершенно реальныхъ основаніяхъ; съ научной точки зрѣнія она вполне законная гипотеза, такъ какъ осуществленіе известной идеи она ставитъ въ зависимость не отъ безличнаго абстрактнаго „закона“, а отъ известныхъ, несомнѣнно обнаружившихся въ дѣйствительной жизни тенденцій, чѣмъ самымъ дается возможность исправить гипотезу, по мѣрѣ того, какъ обуславливающія ея законность отношенія дѣйствительности обнаружатъ новыя черты, Марксомъ не предусмотрѣнныя, и способныя измѣнить направленіе равнодѣйствующей всѣмъ силамъ, столкновеніемъ которыхъ образуется то, что называется историческимъ процессомъ. А за послѣдніи 30 лѣтъ социальная эволюція несомнѣнно обнаружила много такого, что Марксомъ предвидѣно не было, хотя уже и чувствовалось, судя по крайней мѣрѣ, потому, что онъ все отлагалъ и отлагалъ окончаніе своего известнаго труда, задачей котораго было построеніе законченной теоріи капитализма. *ХХХ*

Такъ, по ходу дѣла въ Западной Европѣ тридцать лѣтъ назадъ, Марксъ заключилъ, что процессъ капитализація, т.-е.

* Капиталь, т. I, стр. 650.

созданіе крупной формы производства, руководимой капиталомъ, обнимаетъ всю промышленность, вслѣдствіе чего производительный классъ будетъ состоять исключительно изъ пролетаріевъ, а возможная форма производства будетъ только крупная. Между тѣмъ какъ въ дѣйствительности земледѣльческая промышленность продолжаетъ оставаться на половину въ рукахъ мелкихъ производителей, и условія ближайшаго времени, какъ ни видѣли выше, пожалуй менѣе благоприятны для капиталистической, хотя бы и крупной, формы производства, нежели для народной, хотя бы и мелкой. Отсюда вытекаетъ двойное ограниченіе теоріи Маркса; во-первыхъ, обращеніе единоличнаго производства въ коллективное, если таковое совершится въ области земледѣлія, будетъ закончено не капиталистическимъ путемъ; во-вторыхъ, социальная структура общества будетъ сильно различаться съ тою, какая гипотетически нарисована Марксомъ, вслѣдствіе чего на сценѣ политической жизни окажутся не милліоны пролетаріевъ съ одной стороны и кучка капиталистовъ съ другой, а крошечка ихъ и другихъ — еще многочисленный классъ мелкихъ самостоятельныхъ земледѣльцевъ, отъ которыхъ въ огромной степени будетъ зависѣть возможность того или другаго общественнаго преобразованія.

Видѣть съ указаннымъ ослабленіемъ, сравнительно съ предсказаніемъ теоріи, стороны осаждающей, пролетаріата, ближайшая эволюція капиталистическаго строя обнаруживаетъ тенденціи, приводящія къ усиленію стороны осаждаемой. По мысли Маркса (а также и по мнѣнію другихъ старыхъ социологовъ — Конта, Кэрна, Фаусета) капиталъ долженъ постепенно сосредоточиваться все въ меньшемъ и меньшемъ числѣ рукъ, такъ что число лицъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи капиталистическаго режима, постоянно сокращается, пока не обратится, наконецъ, въ небольшую кучку, эксплуатирующую цѣлый народъ. Причина же указанной концентраціи капитала заключается въ необходимости, для успѣха въ борьбѣ, все большаго и большаго расширенія размѣра промышленныхъ предпріятій, которыя до недавняго времени принадлежали главнѣйшимъ образомъ отдѣльнымъ капиталистамъ. Но въ послѣднее время колесо капиталистической эволюціи сдѣлало новый оборотъ и не въ томъ на-

правления, какое диктуется теоріей. Тенденція къ сосредоточенію капиталовъ въ рукахъ одного управленія продолжаетъ существовать по-прежнему и даже усилилась, но вмѣстѣ съ этимъ наблюдается не сокращеніе, а огромное возрастаніе числа, если не капиталистовъ въ обычномъ смыслѣ слова, то во всякомъ случаѣ лицъ, вкладывающихъ въ различныя предпріятія свои сбереженія. Крупныя промышленныя предпріятія все больше начинаютъ вестись при помощи акціонерныхъ компаній, путемъ привлеченія къ дѣлу мелкихъ капиталовъ (выпускомъ акцій и облигацій), вслѣдствіе какового обстоятельства число лицъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи существующаго строя, возрастаетъ громадно, и осаждаемая пролетаріями крѣпость защищается уже не малой кучкой предводителей безъ солдатъ, а довольно значительной и постоянно растущей арміей.

Кромѣ указаннаго измѣненія структуры капиталистическихъ обществъ, приводящаго къ механическому ослабленію пролетаріата и усиленію капиталистовъ, въ современныхъ обществахъ наблюдается тенденція къ внутреннему ослабленію пролетаріата какъ революціонной силы, тенденція превращенія революціоннаго пролетаріата въ эволюціонный.

Но разсматриваемой нами теоріи Маркса, однимъ изъ условий, обезпечивающихъ прекращеніе капиталистическаго режима, является то обстоятельство, что, по мѣрѣ развитія капиталистическаго строя „возрастаетъ бѣдность, гнетъ, порабощеніе, униженіе, эксплуатація рабочаго класса“, — параллельно которымъ развивается и его возмущеніе противъ существующихъ порядковъ. Такія явленія, дѣйствительно, наблюдаются на первыхъ ступеняхъ развитія капитализма, но, по мѣрѣ организационнаго развитія пролетаріата, онъ начинаетъ пріобрѣтать то вліяніе въ обществѣ, какое соответствуетъ ему, какъ крупной механической — экономической и политической — силѣ, и повсеместно заставляетъ капиталистовъ — и непосредственно и черезъ посредство государства, — умѣрять свою эксплуатацію и дѣлиться съ рабочимъ частью своихъ барышей. Однимъ изъ средствъ этой по существу перерожденной борьбы классовъ, борьбы на почвѣ существующаго, со стороны рабочихъ является организациія ихъ въ союзы для осуществленія своихъ требованій, если понадобится, при по-

ноя стачекъ. Насколько распространяетъ этотъ способъ борьбы, и какіе онъ даетъ результаты, видно изъ отчета англійскаго департамента промышленности о стачкахъ въ 1890 г. Число стачекъ достигало 1,028, въ нихъ принимала участіе рабочіе 4,382 промышленныхъ заведеній. Путемъ стачекъ было достигнуто возвышеніе заработной платы для 182,637 рабочихъ на 28,188 фунт. стерлинговъ или на 200 тысячъ металлическихъ (около 280 т. кредитныхъ) рублей въ недѣлю, что составляетъ 40 р. металлическихъ (70 р. кредитныхъ) въ годъ на человека; и достигнуто сокращеніе времени работы для 31,318 чело-вѣкъ на 3 часа въ недѣлю. Гораздо большія выгоды получили рабочіе путемъ мирныхъ переговоровъ съ хозяевами: 225,710 рабочихъ достигли возвышенія своего заработка на 100,000 фунт. ст., т.-е. на миллионъ кредитныхъ рублей ¹⁾. Такимъ образомъ союзъ для стачекъ приносятъ рабочимъ наибольшую выгоду однимъ фактомъ своего существованія. Хозяину достаточно знать о томъ, что его рабочіе могутъ прекратить работу, чтобы получить расположеніе удовлетворить по возможности ихъ требованія. А если такъ, то этотъ разорительный для обѣихъ сторонъ способъ борьбы—при помощи стачекъ—можетъ повсему уничтожиться, и законнымъ, т.-е. доступнымъ удовлетворенію, требованія рабочихъ будутъ осуществляться путемъ соглашенія сторонъ. Уже и теперь многіе фабриканты, отказывая рабочему союзу въ его требованія повысить заработную плату, ссылаются на свои малые доходы и для проверки правильности этого утвержденія открываютъ рабочимъ счетныя книги. Уже сдѣланы попытки учрежденія особыхъ камеръ изъ представителей фабрикантовъ и рабочихъ, задача которыхъ—оцѣнивать положеніе данной промышленной отрасли съ цѣлью возможнаго удовлетворенія требованій, предъявляемыхъ рабочими или хозяевами. При такомъ направленіи классовою борьбой, послѣдняя начинаетъ терять свой боевой характеръ, характеръ вражды, и отношенія между капиталистами и рабочими повсему обращаются въ договорныя отношенія союзниковъ, устанавливающихъ участіе каждой стороны въ предпріятіи на основаніи тщатель-

¹⁾ Русскія Вѣдомости, 1892 г., № 34.

ной оценки всѣхъ обстоятельствъ даннаго дѣла. Съ этой точки зрѣнія превращенія боевыхъ отношеній классовъ въ союзническія большой интересъ представляетъ бывшая въ прошломъ году стачка углеконовъ въ Англии, объявившая до 400 тысячъ рабочихъ и предпринятая настолько же въ интересахъ хозяевъ, какъ и рабочихъ.

„Дѣло началось съ того, что нѣкоторые хозяева угольныхъ копей, въ виду громаднаго накопленія запасовъ угля и упадка его рыночной цѣны, объявили, что они понижаютъ рабочую плату или рассчитываютъ часть рабочихъ. Углеконы, до которыхъ это касалось, обратились къ синдикату своего ремесла. Тамъ рѣшено было произвести всеобщую стачку углекомамъ этой организаціи (по огромному числу рабочихъ этой отрасли труда они образуютъ нѣсколько организацій, совершенно независимыхъ одна отъ другой). Особенность этой стачки въ томъ, что она происходитъ не противъ той или другой группы хозяевъ, не въ видахъ принудить ихъ не понижать заработной платы и не жертвовать своимъ барышемъ, но въ видахъ того, чтобы, при остановкѣ углекопной работы, дать возможность складамъ угля освободиться отъ излишняго его количества, поддержать рыночную цѣну угля и тѣмъ самымъ позволить хозяевамъ копей, безъ убытка для себя, поддержать на прежней высотѣ заработную плату“¹⁾. Эта стачка сохранила хозяевамъ угольныхъ копей 600 г. фунт. ст. заработной платы и дозволила имъ продать запасъ угля по возвышенной цѣнѣ. Такимъ образомъ, по существу, эта стачка является отказомъ рабочихъ на 2 недѣли отъ своей доли въ обществѣ у нихъ съ хозяевами предпріятій, отказомъ, имѣющимъ цѣль улучшение послѣдняго безъ большихъ жертвованій для нихъ патрона, но въ счетъ хозяевъ другихъ предпріятій. Правъ поэтому корреспондентъ Русскихъ Вѣдомостей въ своемъ мнѣніи, что рассматриваемый случай есть „борьба новаго рода между различными крупными отраслями индустрии, гдѣ въ каждой отрасли трудъ соединяется съ капиталомъ для борьбы съ другою такою же коалиціею труда и капитала, на зло теоріи борьбы между отдѣльными классами“.

¹⁾ Русскія Вѣдомости, 1892 г., № 62.

Такииъ образомъ, на ряду съ различными тенденціями общественной жизни Запада, среди рабочаго класса въ послѣднее время ясно обнаружилась тенденція приирительная по отношенію къ существующему строю, въ которомъ онъ обрѣлъ, наконецъ, точку опоры, коей лишень былъ раньше. Это обстоятельство вмѣстѣ съ другими новыми явленіями, непредвидѣнными Марксомъ, и о которыхъ мы говорили выше, даетъ право внести поправки въ разсужденіе названнаго автора относительно вѣроятнаго направленія экономической эволюціи въ недалекомъ будущемъ, въ силу которыхъ удовлетвореніе тѣхъ требованій относительно матеріальной обеспеченности, на какія имѣетъ право рабочій, какъ членъ единаго прогрессирующаго общества, будетъ въ значительной степени достигаться на почвѣ существующаго строя, и вопросъ объ упраздненіи послѣдняго теряетъ острый характеръ, — если классъ капиталистовъ окажется настолько чуткииъ къ требованіямъ времени или подчиненнымъ обстоятельствамъ, чтобы не отказываться категорически отъ раздѣла постоянно растущаго національнаго богатства съ рабочими, въ пропорціи все болѣе и болѣе благоприятной для послѣднихъ. Можно съ извѣстной степенью вѣроятности предположить, что, въ общемъ, дѣло будетъ складываться такииъ образомъ, что нѣкоторыя отрасли промышленности, въ интересъ общественной пользы, станутъ постепенно переходить подъ управленіе правительства или общественныхъ учреждений, подобно тому, какъ это наблюдается въ настоящее время по отношенію къ почтѣ, телеграфу и частью къ желѣзнымъ дорогамъ; что въ другихъ отрасляхъ разовьется кооперативное производство; третьи будутъ неопредѣленно долгое время оставаться въ частныхъ рукахъ, которыя сами потеряютъ теперешній характеръ деспотическихъ хозяйскихъ рукъ и въ значительной степени приблизятся къ типу рукъ приказчиныхъ, съ собственнымъ капиталомъ въ предпріятіи. Словомъ, естественно ожидать, что въ ближайшемъ будущемъ Европы будетъ продолжаться уже начавшійся процессъ постепеннаго ослабленія неравномѣрности въ распредѣленіи національнаго богатства между различными классами общества, причемъ въ различныхъ промышленныхъ отдѣлахъ одного общества, и еще болѣе въ различныхъ обществахъ, указанная цѣль

будет достигаться неодинаковыми средствами, такъ что вопросъ объ однообразной, социалистической организаціи всей промышленности представляется для Западной Европы вопросомъ такого отдаленнаго будущаго, что было бы болѣе, чѣмъ рискованно, строить теперь расчетъ его какія-либо опредѣленныя предсказанія.

Мы не имѣемъ здѣсь цѣлью разсматривать степень относительной вѣроятности того или другаго предположенія касательно будущаго строя общества, а желаемъ только сдѣлать понятной мысль о томъ, что настаивать на предсказаніи наступленія какого-либо порядка развитія явленія, какъ неизбѣжно-обязательнаго для данной страны и тѣмъ болѣе для всѣхъ цивилизованныхъ націй, — невозможно, и вмѣсто такихъ предсказаній позволительно лишь констатировать существованіе въ данное время извѣстныхъ тенденцій, съ поясненіемъ, что сила этихъ тенденцій будетъ давать соответствующее направленіе эволюціи общества лишь въ теченіе опредѣленнаго, можетъ быть даже очень непродолжительнаго, времени, такъ какъ самый процессъ эволюціи порождаетъ новыя условія, дающія начало новымъ тенденціямъ, опредѣлить характеръ которыхъ заранее рѣшительно невозможно. Для приѣра ясности новыхъ радикальнѣйшихъ измѣненій въ экономической области, укажемъ на то, что въ техническомъ искусствѣ на очереди стоятъ двѣ задачи, — приложеніе къ производству электрической силы, сокращающей въ огромныхъ размѣрахъ потребность въ концентраціи производства, и лабораторное приготовленіе бѣлковыхъ веществъ смягчающее зависимость человѣка въ дѣлѣ добыванія пищи отъ земли, — удачное разрѣшеніе которыхъ будетъ имѣть слѣдствіемъ глубокія социальныя превращенія. Но ходъ общественной жизни зависитъ не отъ одной техники; каждый слѣдующій шагъ общества, будучи результатомъ предшествующихъ обстоятельствъ, — полностью далеко намъ неизвѣстныхъ, — создаетъ въ свою очередь условія, влияющія на будущее, и мы, знающіе, да и то плохо, лишь микроскопическую долю всѣхъ влияній, опредѣляющихъ развитіе человѣчества, должны быть довольны, если можемъ съ вѣрностью указать, какія главныя тенденціи дѣйствуютъ въ данное время, въ данномъ обществѣ — не больше.

Пытался же, исходя изъ этихъ тенденцій, нарисовать картину ожидаемой дѣйствительной эволюціи общества, мы вступаемъ въ область гипотезъ, хотя и научныхъ по своему характеру, но тѣмъ не менѣе все-таки гипотезъ, съ различной степенью вѣроятности, въ зависимости отъ того, сколь большое число положеній принято нами во вниманіе, предвидѣно ли возможное измѣненіе нѣкоторыхъ изъ дѣйствующихъ тенденцій, увлечены ли новыя зарождающіяся условія эволюціи и т. д.

Къ числу такого рода гипотезъ принадлежитъ разсматриваемая нами гипотеза Маркса, научный характеръ которой подтверждается именно тѣмъ обстоятельствомъ, что, оставаясь на почвѣ разсужденій автора и лишь вводя въ него новыя данныя, мы получаемъ возможность внести въ его теорію требуемыя измѣненія, развить ее дальше. Этотъ научный характеръ, попоремъ, обусловливается тѣмъ, что изъ основъ теоріи лежатъ обобщенія фактовъ дѣйствительной жизни, доступныя провѣркѣ сакдаго; что процессъ общественной эволюціи представляется не какъ процессъ, возникающій изъ разнообразныхъ отношеній между людьми, а не какъ процессъ саморазвивающейся идеи, какъ бы играющей людьми, какъ простыя пѣсками. Таковъ внутренний характеръ и таково происхожденіе гипотезы Маркса.

Но этотъ авторъ—не только замѣчательный ученый, но и сынъ своего времени; онъ воспитанъ на философіи Гегеля и на всю жизнь сохранилъ нѣкоторыя ея вліянія. Такъ, онъ большой приверженецъ діалектической формы развитія идеи, и хотя самыя идеи добыты имъ обыкновенными методами научнаго изслѣдованія, но въ ихъ изложеніи онъ охотно прибѣгаетъ къ метафизическимъ приемамъ или употребляетъ излюбленную метафизиками фразеологію, иногда затемняя этимъ реальный характеръ идеи, вслѣдствіе чего нѣкоторые читатели склонны будутъ придавать ей слишкомъ абсолютный характеръ и забывать о ея относительномъ, такъ сказать, значеніи. Такой оборотъ имѣли извѣщенія Маркса относительно экономической исторіи Европы, вслѣдствіе чего его формулированіе конкретныхъ законовъ *этого* только развитія нѣкоторыми было принято за признаніе съ его стороны ихъ универсальнаго значенія. Такой же вѣтхій мета-

физическій характеръ придавался нѣкоторыми оборотами рѣчи и его гипотезѣ о послѣдующей судьбѣ капитализма въ Европѣ (экспроприація капиталиста „совершается дѣйствиємъ имманентныхъ — т.-е. постоянныхъ, присущихъ ему — законовъ самого капиталистическаго производства“, „отрицаніе капиталистическаго производства совершается нитъ же самимъ съ необходимостью естественнаго процесса“ и т. д.). И вотъ, часть нашихъ послѣдователей этого знаменитаго мыслителя, — ставя на второй планъ методъ его изслѣдованія и реальную основу его заключеній, которыми обуславливается частный, относительный характеръ его историческихъ построеній, и увлекаясь главнымъ образомъ формою, какую онъ придавалъ этимъ послѣднимъ, — потеряли нить для различенія общихъ, социологическихъ законовъ его ученія, применимыхъ всюду, гдѣ встрѣтятся явленія, концы эти законы касаются (въ томъ смыслѣ, въ какомъ, напр., законъ тяжести применимъ и къ летающему воздушному шару), и частныхъ, историческихъ формулъ, относящихся только къ определенной комбинаціи условій, формулъ, не могущихъ быть переносимыми съ одной почвы на другую, такъ какъ для каждой страны необходимо самостоятельное построение схемы ея эволюціи, частью на основаніи общихъ социологическихъ законовъ, формулированныхъ и Марксомъ, но сопоставленныхъ съ данными, характерными для извѣстнаго общества, частью на основаніи положеній, Марксомъ еще не изслѣдованныхъ. Такъ какъ самостоятельное построение формулы экономическаго развитія Россіи требуетъ огромнаго труда, отъ котораго можно избавиться обращеніемъ формулъ частныхъ эволюцій въ общіе законы, — для чего достаточно зафиксировать и подчеркнуть въ этихъ формулахъ по преимуществу ихъ метафизическую вѣщность, послѣ чего получается какъ бы непосредственное руководящее начало въ сложномъ лабиринтѣ дѣйствительной жизни, — то при извѣстныхъ вліяніяхъ со стороны общественной атмосферы — нравственнаго характера (располагающихъ человѣка принираться съ содержаніемъ извѣстной идеи) и интеллектуальнаго (не располагающихъ къ самостоятельной научной работѣ, склоняющихъ къ метафизикѣ и т. д.), — естественно, если въ обществѣ проявится тенденція именно къ такому трактованію предмета.

Метафизическій характер возрѣній разсматриваемаго направления нашей общественной мысли отразился и на практических его заключеніяхъ. При естественномъ, оправдываемомъ нуждой и потребностями практической жизни, возрѣніи на общественныя отношенія, послѣднія представляются намъ, какъ результатъ столкновеній отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ группъ лицъ, дѣйствующихъ подъ вліяніемъ своихъ чувствъ, потребностей, интересовъ; и степень цѣлесообразности и, такъ сказать, законности этихъ отношеній измѣряется тѣмъ, насколько они даютъ каждой личности и каждой группѣ лицъ просторъ для дѣятельности, направленной къ достиженію намѣченныхъ или цѣлей. Известная законосообразность въ развитіи этихъ отношеній есть явленіе не самостоятельное, а обусловленное свойствами основныхъ факторовъ этихъ отношеній—человѣка съ его чувствами, способностями и потребностями съ одной стороны и мішней природы—съ другой. Конечно, каждое измѣненіе общественныхъ отношеній происходитъ съ фатальной необходимостью въ томъ смыслѣ, что при данной комбинаціи производящихъ причинъ слѣдствіе можетъ быть только строго определенное. Но это обстоятельство не составляетъ спеціальнаго свойства общественныхъ отношеній, а есть общій законъ природы, и его распространеніе на человѣческую жизнь вообще и общественную сторону таковой въ частности не исключаетъ необходимости разсмотрѣнія индивидуальной и общественной жизни съ тѣхъ точекъ зрѣнія, какія представляются измѣнчивыя важное значеніе съ научной и практической стороны.

При встрѣчѣ съ известной общественной переизмѣной, важнѣйшими для человѣка вопросами являются вопросы о томъ, какъ новая форма выросла изъ предшествующаго состоянія и отразится на послѣдующемъ, и какъ она повліяетъ на благополучіе лицъ, составляющихъ общество; т.-е. каждое измѣненіе разсматривается со стороны его генетической связи съ окружающимъ и съ точки зрѣнія его цѣлесообразности. Интересъ перваго рода есть интересъ, по преимуществу, научный; интересъ втораго рода—главнымъ образомъ, практическій. Законосообразность же сама по себѣ, т.-е. именно такая, а не другая законность явленій,—не имѣетъ вѣдъ указанныхъ отно-

шей никакого значенія для человѣка, никакой обязательной силы надъ его чувствами и умомъ. Еслибы мы даже могли точнѣйшимъ образомъ изобрѣсти всѣ дѣйствующія вліянія и съ математической точностью предсказать характеръ очередного измѣненія данной формы, это имѣло бы лишь одинъ естественный, но зато и стихійный результатъ: оно воодушевляло бы лицъ, борющихся въ смыслѣ такого измѣненія, и парализовало бы вѣроустройство энергію его противниковъ. Ожидать чего-либо другого, предполагать, напр., что сторона, обреченная на поражение или даже сторона нейтральная, сочтетъ своей обязанностью дѣйствовать въ пользу измѣненія не по практическому расчету получить отъ него для себя какія-либо выгоды, а изъ какого-то почтенія къ неизбежно долженствующему совершиться, можно только исходя изъ рабскихъ свойствъ человѣка преклоняться передъ силой. Выставлять же практическимъ требованіемъ воснобленіе неизбежному, потому что оно неизбежно — во-первыхъ, безцѣльно, такъ какъ неизбежное не нуждается въ нашихъ воснобленіяхъ; во-вторыхъ, противуестественно, такъ какъ движущимъ мотивомъ человѣческой дѣятельности служатъ кропящаяся въ самомъ человѣкѣ потребности, а не забота о поддержаніи законсообразности внѣ его находящихся отношеній, къ которымъ онъ относится какъ къ средѣ и какъ къ средству, но не какъ къ цѣли, цѣнной сама по себѣ. Естественнымъ и единственно возможнымъ поведеніемъ людей, въ виду неизбежности какого-либо событія, было бы принятіе мѣръ къ возможному ослабленію его вреднаго вліянія; т.-е. познаніемъ неизбежности событія они воспользовались бы какъ и всякимъ другимъ знаніемъ: постарались бы извлечь изъ него возможно больше выгодъ для тѣхъ лицъ, коимъ это событіе касается.

Объ человѣческой точки зрѣнія, повторяемъ, общественныя формы и ихъ измѣненія важны постольку, поскольку они связаны съ интересами, съ жизнью и дѣятельностью людей. Живя и дѣйствуя, человѣкъ не думаетъ о созданіи общественныхъ формъ и, тѣмъ не менѣе, создаетъ ихъ; а когда онъ начинаетъ сознавать процессъ образованія этихъ формъ и получаетъ въ силу этого возможность сознательно вліять на ихъ измѣненіе, онъ это дѣлаетъ опять-таки не ради мертвыхъ формъ, а въ интересахъ живыхъ

людей. Итакъ, жизнь, жизнь и опять жизнь — вотъ единственная практическая человѣческая точка зрѣнія на формы общества и ихъ измѣненіе. Поэтому, когда, слѣдя за развитіемъ общественныхъ отношеній, ученый предсказываетъ такое-то направленіе ихъ измѣненія, то, съ практической точки зрѣнія, съ той точки, которая представляетъ интересъ для живыхъ людей, — это значитъ, что дѣятельность людей подвергнется пертурбаціямъ, что одна группа лицъ получитъ преимущества, другая — понесетъ ущербъ. И единственное практическое заключеніе, какое могутъ извести изъ этого предвидѣнія живые люди, это — заключеніе о необходимости преимущественной помощи слабой, а не сильной сторонѣ, о своевременности принятія такихъ мѣръ, которыя сохранили бы лицамъ, составляющимъ слабую сторону, возможность дальнѣйшаго участія въ жизненной борьбѣ. Нельзя считать бессмысленнымъ и, такъ сказать, незаконнымъ существованіе людей, которымъ неизвѣстны общественные результаты ихъ жизненной сутолоки и процессъ ихъ эволюціи. А когда наука получаетъ возможность познавать эти результаты — право людей участвовать въ жизненной сутолокѣ ради этой самой сутолоки, т. е. ради потребностей, чувствъ и страстей людскихъ — это право не исчезаетъ. А такъ какъ въ организованныхъ обществахъ права ихъ членовъ реализуются при посредствѣ общественного регулированія, то наше познаніе законсообразности извѣстнаго измѣненія не лишаетъ ни одного человѣка права на такую же помощь со стороны общества, какую онъ получилъ бы въ случаѣ, когда бы этого знанія не было; ибо это право основывается на его человѣческомъ достоинствѣ, равномъ у него съ его согражданами, а не на той предполагаемой послѣдовательности общественныхъ явленій, которая еще когда-то наступитъ и осуществится, именно, какъ результатъ реализаціи права на жизнь и дѣятельность всѣхъ лицъ, составляющихъ общество.

Затѣмъ, нужно имѣть въ виду, что общественная эволюція совершается не по прямымъ линіямъ, что „линія каждаго историческаго движенія неправильна, ибо силы, направляющія движенія, никогда не бываютъ подчинены одному опредѣленному

закону^{*)} или, выражаясь другими словами того же автора, что люди тащут исторію въ разные стороны. Результатомъ сказаннаго бываетъ то, что отношенія въ любой сферѣ жизни не представляются въ данный моментъ во всѣхъ частяхъ однородными, построенными по одному плану, а являются суммой разнородныхъ, такъ сказать, величинъ. И констатируемое наукой измѣненіе этихъ отношеній въ одномъ направленіи не предвѣщаетъ неизбежности распространенія одного плана до полного вытѣсненія остальныхъ, а указываетъ на то, что извѣстный планъ вѣроятно получитъ преобладаніе надъ другими. Такъ какъ, съ другой стороны, великія предвѣдѣнія дѣлаются лишь съ извѣстной степенью вѣроятности и при дальнѣйшемъ ходѣ дѣла обстоятельства могутъ сложиться не въ пользу предсказанія; такъ какъ, заѣвъ, сила, съ какою люди тащутъ исторію въ разные стороны, зависятъ, между прочимъ, отъ энергіи сознательныхъ борцовъ за то или другое направленіе движенія, вслѣдствіе чего всякое приращеніе энергіи въ извѣстномъ направленіи отразится и на равнодѣйствующей силѣ, то уклоненная законосообразность явленія, — иначе говоря, подмѣченное преобладающее направленіе движенія, — если оно возбудитъ энергію лицъ, тащащихъ исторію по другимъ линіямъ, — можетъ сдѣлаться причиной того, что явленіе повернется въ эту сторону.

Пригнѣвая все вышележащее къ случаю экономической эволюціи Россіи, допуская, что преобладающей тенденціей въ этой эволюціи въ данный моментъ является капиталистическая — посмотримъ къ какимъ практическимъ заключеніямъ приведетъ признание этого преобладанія.

Никто не сомнѣвается въ томъ, что процессъ капитализаціи производства нашей страны гораздо быстрее идетъ въ фабрично-заводской промышленности, нежели въ земледѣльческой. Поэтому, выводы, какіе будутъ сдѣланы на этотъ счетъ по даннымъ, относящимся къ первой, представятъ положеніе вещей въ болѣе благоприятномъ для капиталистической тенденціи свѣтъ, нежели это есть въ дѣйствительности. Обратимся же къ этимъ выводамъ.

*) Карѣвъ. *Id.*, I, с. 41.

Разсуждая à priori, мы можем сказать, что если вопросъ о формахъ организаціи промышленности зависитъ только или главнымъ образомъ отъ техническихъ условій производства, если техническая возможность возвышенія въ данный моментъ до определенной степени производительности труда представляетъ достаточное основаніе для того, чтобы ожидать, что это возвышеніе осуществится въ действительности, — въ такомъ случаѣ вопросъ о судьбѣ малого промысла въ Россіи сходитъ со сцены, такъ какъ крупное производство имѣетъ столь громадныя техническія преимущества надъ малымъ, что оно можетъ уничтожить его въ теченіе одного—двухъ десятилѣтій; а такъ какъ этими преимуществами оно обладаетъ уже въ продолженіе нѣсколькихъ десятилѣтій и во всякомъ случаѣ обладаетъ со времени освобожденія нашихъ крестьянъ, то, разсуждая логически, слѣдовало бы заключить, что малый промыселъ въ Россіи уже уничтоженъ, и вся промышленность страны представляетъ изъ себя рядъ крупныхъ предпріятій, организованныхъ по всѣмъ правиламъ современной техники.

Оставляя же область умозрѣній и обращаясь къ наблюденію действительности, мы увидимъ, что наше предположеніе о преобладаніи въ экономической эволюціи Россіи технологическихъ началъ надъ социальными терпитъ полнѣйшее фиаско, такъ какъ вѣроятно ни одна сколько нибудь значительная промышленная отрасль не находится въ исключительномъ подчиненіи техническимъ условіямъ производства. Для поясненія сказаннаго достаточно напомнить, что наиболѣе развитое у насъ производство — бумагопрядильное и ткацкое — въ техническомъ отношеніи стоитъ вдвое ниже англійскаго¹⁾; это значитъ, что, хотя состояніе технического искусства дозволяетъ названнымъ отраслямъ труда достигнуть высокой степени совершенства, но, по социальнo-культурнымъ условіямъ даннаго момента, такое возвышеніе производительности труда осуществилось, да и то не повсюду, лишь въ Англій; русская же промышленность оказалась способной подняться всего до половины лѣстницы технического совершенства, на верху которой стоитъ англійское производство.

¹⁾ Николай — см. Очерки пореформеннаго хозяйства Россіи, с. 207.

Присматриваясь же ближе къ организаціи русской промышленности, мы увидимъ, что вышеуказанное различіе въ степени технического совершенства отдѣльныхъ предиріятій известной отрасли промышленности, замѣченное при сравненіи русскихъ предиріятій съ англійскими, наблюдается и въ предѣлахъ территоріи нашей страны. Огромное различіе производительности труда въ предиріятіяхъ, принадлежащихъ разнымъ владѣльцамъ, встрѣчается во всѣхъ отрасляхъ промышленности Россіи. Ручное и машинное производства, живой, водяной и паровой двигатели нирво употребляются даже въ тѣхъ отрасляхъ промышленности, гдѣ, по современному состоянію техники, вполне возможно полное примѣненіе машиннаго труда, вмѣсто ручного и механическаго двигателя, вмѣсто живого. Наблюдая же всю совокупность промышленныхъ предиріятій, мы могли бы расположить ихъ въ рядъ, начинающійся самыми мелкими промышленными единицами и заканчивающійся гигантско-крупными и технически совершенными, причѣмъ общее число рабочихъ въ отдѣльныхъ звеньяхъ этого ряда нисколько образомъ не соответствовало бы степени технического ихъ совершенства, и во всякомъ случаѣ число лицъ, занятыхъ въ мелкихъ отрасляхъ промышленности во много разъ превышаетъ число рабочихъ, объединенныхъ крупными предиріятателями.

Сказанное приводитъ къ заключенію, что, несмотря на важное значеніе для организаціи промышленности уровня развитія технического искусства, эта организація находится въ гораздо большей зависимости отъ социально-культурныхъ условій данной страны, нежели отъ совершенства науки; а для того, чтобы наука получила возможность оказывать все то вліяніе, на какое она способна по степени своего въ данный моментъ развитія, необходимо весьма продолжительный процессъ подготовки даннаго общества, до завершения котораго социальный и въ частности экономическій бытъ страны лишь въ незначительной степени будетъ подчиняться требованіямъ науки. Изъ числа цивилизованныхъ странъ господство науки, въ ея техническихъ по крайней мѣрѣ приложеніяхъ, всего очевидно въ Ойверо-Американскихъ Штатахъ и всего слабѣе въ Россіи. А если такъ, то и процессъ подчиненія указанія науки нашей промышлен-

ности есть процессъ весьма медленный, проходящій пока первыя стадіи своего развитія и, соответственно черепашьему ходу нашего культурнаго роста вообще, долженствующій затянуться на неопредѣленное время.

Сказанное находитъ себѣ подтвержденіе въ цифрахъ, рисующихъ быстроту, съ какою происходитъ въ Россіи процессъ объединенія труда капиталомъ. Съ 1866 г. по 1889 г. число рабочихъ на фабрикахъ и заводахъ Европейской Россіи съ 830 тыс. поднялось до 1177 т., т.-е. на 347 т. человекъ или на 46⁰/₀. Предполагая, что съ тою же быстротой — 2⁰/₀ въ годъ — совершается и будетъ совершаться объединеніе труда капиталомъ и въ другихъ отрасляхъ производства (земледѣльческой и т. п.), считая, что общее число наемныхъ рабочихъ въ крупныхъ земледѣльческихъ хозяйствахъ равняется числу рабочихъ, занятыхъ на фабрикахъ и прибавляя столько же на другія отрасли промышленности и на возможную ошибку въ вычисленіяхъ, послѣ чего общая максимальная цифра рабочихъ, подчиненныхъ капиталу, опредѣлится въ 3¹/₂—4 мил. человекъ, — мы увидимъ, что ежегодное приращеніе числа объединяемыхъ капиталомъ рабочихъ не превышаетъ 70—80 тыс. человекъ. Имѣя въ виду, что все производительное населеніе Европейской Россіи нечислится въ 35 милліоновъ лицъ, и что по среднему приросту — 1,5⁰/₀ въ годъ — абсолютное приращеніе производительнаго населенія опредѣлится въ 520 тыс. человекъ, мы должны сказать, что быстрота, съ какою развивается капиталистическая промышленность въ Россіи, даетъ ей возможность поглощать лишь ¹/₂ часть того количества рабочей силы, какое ежегодно прибавляется въ странѣ путемъ естественнаго развоженія населенія и что, лишь увеличивъ быстроту своего развитія въ 7 разъ, она достигнетъ того, что станетъ поглощать весь приростъ производительнаго населенія. Но такъ какъ не представляется никакихъ основаній ожидать такого ускоренія темпа развитія крупной промышленности, а если бы это ускореніе и осуществилось, то оно дало бы возможность объединенія подъ руководствомъ капитала лишь прироста населенія, за которымъ ожидало бы своей очереди еще 30 мил. самостоятельныхъ производителей, то **мы имѣемъ всѣ основанія**

для заключенія, что для обращенія современнаго экономическаго строя Россіи въ капиталистическій (какъ этого требуетъ разсматриваемая теорія) требуется періодъ времени въ нѣсколько столѣтій, а такъ какъ теоріей предполагается, что ликвидація буржуазныхъ порядковъ на западѣ совершится сравнительно въ очень недалекомъ будущемъ, и эта ликвидація поведетъ къ началу такого же процесса въ Россіи, то можно сказать, что капитализація нашей промышленности представляется явленіемъ не-избѣжнымъ. Отсюда вытекаютъ весьма важныя указанія относительно внутренней экономической политики.

Если процессъ техническаго усовершенствованія промышленности въ нашей странѣ въ гораздо большей степени зависитъ отъ общихъ культурныхъ успѣховъ народа, нежели отъ быстроты развитія общечеловѣческой науки; если общій техническій тонъ промышленности будетъ подыматься вмѣстѣ съ культурнымъ подъемомъ страны, т.-е. медленно и постепенно; если поэтому мелкая форма производства лишь весьма постепенно будетъ замѣняться крупной, иначе говоря, если полное поглощеніе ея капиталистической формой промышленности отсрочивается на нѣсколько поколѣній, — въ такомъ случаѣ, во 1-хъ, дѣятель мелкой промышленности, которому, по конкретному закону экономической эволюціи Россіи, принадлежитъ ближайшее будущее, уже въ силу этого одного имѣетъ полное право на такое же и даже еще на большее вниманіе со стороны правительства, общества и науки, нежели какое оказывается крупной промышленности, вниманіе, имѣющее цѣлью возможное улучшеніе экономической организаціи и техническаго совершенства его промысла, и во 2-хъ, это право усугубляется тѣмъ обстоятельствомъ, что благодаря медленности ожидаемаго преобразованія мелкой промышленности въ крупную, такое преобразованіе, на ряду съ капиталистическимъ, можетъ идти и народнымъ путемъ, вслѣдствіе чего оказываемое мелкому самостоятельному производителю пособіе со стороны общества и интеллигенціи будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ облегченіемъ процесса преобразованія народнаго несовершеннаго, мелкаго производства въ народное — совершенное и крупное. Иначе говоря, слѣдуетъ ожидать, что преобразованіе одиночной формы промышленности Россіи въ общественную будетъ

совершаться одновременно и капиталистически, и народными путями.

Эти элементарныя социологическія понятія приводятся нами для того, чтобы повторить единственно реальное, сообразное съ наукой, заключеніе, что социологическія данныя, и тѣмъ болѣе скрываема и предполагаема нами историческая послѣдовательность явленій, не можетъ служить основаніемъ для построенія практической программы дѣятельности, замѣняющей необходимость основывать эту программу на чувствахъ, интересахъ и воззрѣніяхъ живыхъ людей. Иной получится результатъ, если съ ночки положительной науки вы перейдете на точку зрѣнія метафизики. Забывъ о живыхъ дѣйствующихъ людяхъ, рассматривая общественную форму какъ нѣчто самостоятельное, отпавшая ее отъ производящихъ ее личностей, совершая надъ соотвѣтствующей идеей рядъ логическихъ выкладокъ и перенося весь нощъ діалектической процессъ, совершающійся въ головѣ одного человѣка, во внѣшній міръ, какъ обязательный, такъ сказать, въ выполненію, не разлагая отвлеченную идею, мертвую форму на дѣйственные социальныя элементы — чувства и воззрѣнія людей, истекающими изъ коихъ дѣйствіями и можетъ быть только осуществлена эта форма, — метафизикъ, конечно, забудетъ о страдающемъ и наслаждающемся человѣкѣ, и станетъ рассматривать послѣдняго лишь какъ матеріалъ для реализаціи саморазвивающійся идеи.

Будемъ же надѣяться, что практическія заключенія рассматриваемаго направленія нашей общественной мысли, — въ числѣ которыхъ отсутствуютъ заботы о поддержаніи крестьянскаго хозяйства или даже находится проектъ мѣропріятій, способствующихъ его паденію, — обусловлены дефектами по преимуществу интеллектуальнаго, а не нравственнаго порядка. Интеллектуальный упадокъ общества есть явленіе временное, а нравственная связь съ вышеуказанными воззрѣніями свидѣтельствовала бы о томъ, что матеріальный интересъ интеллигенціи, какъ принадлежащей къ привилегированнымъ классамъ, беретъ у нея перевѣсъ надъ чувствами болѣе высокаго достоинства.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Соціально-культурныя силы русскаго общества.

I.

Выше (см. 2-ю главу) мы привели нѣсколько соображеній относительно условій историческаго, такъ сказать, воспитанія русскаго привилегированнаго общества для той роли руководителя національнаго развитія, какая естественнымъ образомъ выпадала ему, какъ классу, экономически обеспеченному и занимающему высшія ступени соціальной лѣстницы. Мы видѣли, что игралъ въ соціальной организаціи страны независимую роль, нашъ привилегированный классъ не имѣлъ передъ собой серьезной задачи, выполнение которой способствовало бы развитію оригинальной мысли, соціальныхъ чувствъ, которая побуждала бы его къ приобрѣтенію знаній, — вѣдѣствіе чего этотъ классъ не вынесъ изъ прошлой исторіи такого интеллектуальнаго и этического наслѣдства, на почвѣ котораго могла бы расцвѣсть богатая духовная культура и которое сдѣлало бы его способнымъ къ руководству націей въ ея соціальномъ развитіи. Такая его неподготовленность, доказываемая нашей исторіей послѣднихъ двухъ сотъ лѣтъ, признавалась всеми выдающимися русскими писателями, которые вмѣстѣ съ тѣмъ чувствовалась или даже сознавалась необходимость опереться въ предстоящемъ культурномъ развитіи на народную стихію. При этомъ въ началѣ

нашего приобщенія къ западному просвѣщенію, когда передъ русскимъ обществомъ стояла задача созданія формъ духовной культуры, мыслящіе русскіе люди чувствовали, главнымъ образомъ, недостатки общества, зависящіе отъ бѣдности его духовнаго развитія; вполнѣдствіи же, по мѣрѣ созданія самостоятельной духовной культуры и выясненія предстоящихъ къ разрѣшенію соціально-политическихъ задачъ, главное вниманіе было обращено на слабость привилегированнаго класса, какъ соціально-культурнаго агента.

Основное представленіе русской интеллигенціи первой половины 18-го вѣка, въ которомъ выражалось общественное самознаніе, можетъ быть сформулировано такъ: Россія должна войти въ число цивилизованныхъ европейскихъ государствъ, для чего ей надлежитъ усвоить результаты общечеловѣческой культуры, приобщиться къ западному просвѣщенію. Это приобщеніе естественно будетъ совершаться подъ иниціативой правительства, какъ передового элемента русскаго общества, и при помощи приглашаемыхъ съ запада учителей, которые современемъ должны создать самостоятельную русскую интеллигенцію. Хотя вновь зводимое просвѣщеніе не предполагалось приурочивать къ одному, привилегированному классу, тѣмъ не менѣе, благодаря соціальному строю того времени, этотъ классъ естественно являлся первымъ преемникомъ молодого просвѣщенія, отъ котораго должна была зависеть форма, получаемая этимъ послѣднимъ на русской почвѣ, который долженъ былъ создать первыя самостоятельныя проявленія духовной культуры. Первыя поколѣнія пореформеннаго періода не могли оставаться на вопросѣ о томъ, насколько привилегированный классъ способенъ къ выполненію своей миссіи: данныя для разрѣшенія этого вопроса могли явиться лишь впоследствии; теперь же этотъ классъ привлекался къ культурѣ естественно, какъ передовой, какъ ближайшій къ престолу. Молодая русская интеллигенція имѣла въ первое время слишкомъ много элементарной работы, до выполненія которой невозможно составить правильное понятіе о пригодности той или иной соціальной, такъ сказать, почвы для высѣженія культуры. Она занята была выполненіемъ насущной задачи усвоенія основныхъ элементовъ западнаго просвѣщенія,

пропагандой петровскихъ реформъ, борьбой съ грубѣйшими предрассудками общества, приспособленіемъ языка и литературныхъ формъ къ выраженію новыхъ идей, понятій, образовъ, нахлывшихся съ Запада, передачей другимъ этихъ самыхъ идей, образовъ, знаній, и наконецъ самостоятельной работой въ области науки, насколько это было въ ея силахъ.

Во второй половинѣ 18 вѣка положеніе нѣсколько измѣняется. Идея западнаго просвѣщенія настолько окрылила въ русской почвѣ, что не представлялось надобности въ затратѣ на простую защиту его огромнаго количества труда. Въ теченіи предшествовавшихъ десятилѣтій не только созданы были кое какія формы для проявленія духовной культуры, но и возбужденъ нѣкоторый интересъ къ самостоятельной научной работѣ. Сказаннымъ отыгрывалась возможность критической оцѣнки уже самихъ результатовъ молодой культуры, возможность появленія заботы о наполненіи имѣющейся формы болѣе солиднымъ содержаніемъ. Теперь уже могла возникнуть мысль о томъ, насколько привлеченные къ образованію слои русскаго общества могутъ быть признаны надежной опорой для культурнаго развитія страны, составляютъ ли они благоприятную почву для того, чтобы сѣмя западнаго просвѣщенія дало крѣпкіе ростки и развилось въ пышный цвѣтъ и плодъ, или представляется необходимость въ привлеченіи къ культурѣ новыхъ элементовъ. И вотъ уже въ этотъ періодъ развитія общественнаго самознанія ясно обнаруживается недовольство ограниченностью социальныхъ элементовъ, участвующихъ въ сложеніи новой культуры и сомнѣніе въ томъ, чтобы послѣдняя могла быть создана силами только этихъ элементовъ; появляется болѣе или менѣе ясно сознанная идея о необходимости привлеченія къ созданію духовной культуры новыхъ социальныхъ слоевъ, стремленіе ввести въ число элементовъ культурнаго развитія страны новую стихію.

Такъ, недостатки литературнаго языка, наскоро созданнаго для нуждъ петровской реформы и представлявшаго пеструю смѣсь словъ и оборотовъ языковъ: русскаго разговорнаго, церковно-славянскаго и иностранныхъ, привели въ концѣ концовъ къ сознательному обращенію для исправленія этихъ недостат-

ковъ къ языку народному. Неуклюжесть и явная искусственность псевдо-классическихъ формъ изящной словесности, образовавшихся при отсутствіи необходимыхъ для того литературныхъ и уметвенныхъ средствъ, какъ подражаніе иностраннымъ образцамъ, навольно вели къ противоположенію имъ живыхъ, естественныхъ и образныхъ произведеній народной поэтической фантазіи. Безразборчивое подражаніе высшихъ классовъ всему иностранному, главнымъ образомъ переняніе отрицательныхъ формъ быта, искаженіе положительныхъ и презрѣніе къ родному, къ старинѣ, къ чернѣ, вызывало ослѣпленіе старинныхъ обычаевъ, хранителемъ которыхъ считался народъ. Такимъ образомъ съ разныхъ сторонъ приходили къ мысли изученія народа, собранія его былинъ, пѣсенъ, сказокъ, даже записокъ, къ изданію ихъ, иногда наряду съ чисто литературными произведеніями.

Въ дѣятельности на этотъ вопрециъ того или другого лица являлась большая или меньшая степень сознанія важности значенія этого обращенія къ народной стихіи. Если относительно одного изъ нихъ, Чулкова, можно вѣлѣть за г. Пшенинымъ повторить, что „его большая литературная заслуга состояла въ томъ, что онъ не усомнился поставить народные пѣсни рядомъ съ твореніями „знаменитыхъ писателей“ — псевдоклассиковъ, пренебрегавшихъ ими“, только чувствуя, но не сознавая ясно ихъ значенія въ дѣлѣ развитія русской поэзіи, то предпріятіе Прача по изданію (въ 1790 г.) „Собранія русскихъ народныхъ пѣсенъ съ ихъ голосами“ есть уже „серьезная, теоретически-обдуманная работа“. Выпуская свое изданіе, Прачъ рассчитываетъ не на потребность простаго развлеченія со стороны читателя, а предполагаетъ возможность благотворнаго вліянія своего труда на русскую музыку; „можетъ быть, говорить онъ, не бесполезно будетъ сіе собраніе и для самой философіи... можетъ сіе новыиъ какимъ лучемъ просвѣтить музыкальный миръ!“

Это полуинстинктивное, полусознательное стремленіе къ народному столь молодой интеллигенціи, и притомъ въ періодъ полнаго расцвѣта крѣпостнаго права, имѣетъ тѣмъ болѣе интересъ, что „собственно историческая наука счасъ немного помогала этому движенію“, и что наши этнографы того вре-

мени „въ нѣкоторыхъ случаяхъ, напимѣръ, въ интересѣ къ чистой, непосредственной народной поэзіи, положительно опередили этнографовъ западно-европейскихъ“¹⁾).

Соединѣніе въ культурныхъ силахъ русскаго передового класса и какъ результатъ сказаннаго, — обращеніе къ народной стихіи проявилось, какъ мы видимъ, еще въ 18 вѣкѣ, а вскоре обнаружались и попытки болѣе или менѣе рациональнаго обоснованія этого соединѣнія. Процессъ этого обоснованія, по причинѣ неблагоприятныхъ условий для нашего интеллектуальнаго развитія, совершался неправильно и не систематично, не столько литературнымъ, т.-е. общественнымъ, сколько частнымъ, такъ сказать, путемъ. Плоды работы въ данномъ направленіи отдельныхъ лицъ не обращались своевременно въ общее достояніе и не составляли преемственно-передававшейся идеи, вслѣдствіе чего, во 1-хъ, даже наиболѣе мыслящіе лица не приходили въ этомъ отношеніи къ достаточно вѣрнымъ заключеніямъ; во 2-хъ, цѣлая масса лицъ продолжала стремиться къ народной стихіи полунестынешувно; въ 3-хъ, это инстинктивное стремленіе сплошь и рядомъ, становилось въ противорѣчіе съ тѣмъ, что давала въ томъ же направленіи работа сознательной мысли.

Всего сознательнѣе и опредѣленнѣе идея недовольства культурными силами нашего общества выразилась въ своей отрицательной сторонѣ. Такъ, еще въ царствованіе императрицы Екатерины II просвѣщенные русскіе люди болѣе или менѣе настойчиво обращались къ мысли о необходимости созданія у насъ, преимущественно изъ крестьянъ, третьяго сословія, которое усилило бы спросъ на различныя произведенія культуры и увеличило контингентъ ученыхъ, художниковъ и т. п. „Право собственности, говорить, напр., кн. Д. А. Голицынъ, защищая идею освобожденія крестьянъ, необходимо для образованія *tiers-état*, безъ котораго искусства и науки никогда не могутъ процвѣтать, такъ какъ нельзя же сказать, что онѣ процвѣтаютъ тамъ, гдѣ съ помощью денегъ и покровительства государя, академія или университетъ подготовятъ нѣсколько артистовъ или ученыхъ и гдѣ лучшие артисты иностранцы“²⁾). Ту же мысль

¹⁾ Пыпинъ. Исторія русской этнографіи, т. I, стр. 70—75, 204.

²⁾ Семевскій, „Крест. вопросъ въ Россіи“, I с. 31.

въ царствованіе императора Александра I повторялъ Карамзинъ, когда, возражая противъ приглашенія большого числа иностранныхъ профессоровъ, онъ говорилъ, что „у насъ нѣтъ хотниковъ для вышнихъ наукъ... наши странчіе и судьи не имѣютъ нужды въ знаніи римскихъ правъ...“, выгоды ученаго состоянія русскимъ еще неизвѣстны; и что, увеличивая число именныхъ воспитанниковъ въ гимназіяхъ, можно достигнуть того, что „презрѣвая бѣдность (раньше говорилось „мѣщанскія дѣти“) черезъ 10 — 15 л. произведетъ бы ученое состояніе“¹⁾.

Такъ какъ въ царствованіе Александра I обществу показана была возможность достиженія извѣстныхъ успѣховъ въ области политическихъ отношеній, то мыслящіе люди тѣмъ самымъ побуждались обращать свое вниманіе на вопросъ о культурныхъ силахъ русскаго общества въ ихъ приложеніи къ общественно-политическому развитію страны. И въ этомъ отношеніи—что касается объективной стороны вопроса—взгляды мыслящихъ людей, независимо отъ ихъ направленій, отличались замѣчательнымъ согласіемъ.

Извѣстна общая точка зрѣнія Карамзина на прошлое нашей страны, положенная въ основу его „Исторіи государства Россійскаго“. Эта точка зрѣнія выражена и въ представленной имъ императору Александру I „Запискѣ о древней и новой Россіи“. По мнѣнію, развитому въ этой „Запискѣ“, все величіе Россіи создае только властью, великое умаленіе послѣдней вело къ упадку могущества и благоденствія народа, и это положеніе считается авторомъ вѣрнымъ не только для прошедшаго, но и для будущаго страны, почему онъ и возражаетъ противъ выказаннаго императоромъ намѣренія дать мѣсто въ государственномъ управленіи обществу, и убѣждаетъ его остаться при прежнихъ порядкахъ.

Одинъ изъ современниковъ Карамзина, Н. И: Тургеневъ, а за нимъ и г. Пининъ находятъ, что въ основаніи взглядовъ Карамзина лежитъ явное мнѣніе о русскомъ народѣ; „вы (рус-

¹⁾ Пининъ, „Очерки общественного движенія при Александрѣ I“, с. 235.

свѣ) неспособны ни къ какому прогрессу, какъ бы говорилъ онъ; довольствуйтесь тѣмъ, чѣмъ васъ одѣлала власть; не пробуйте никакой реформы, чтобы не надѣлать глупостей“⁷⁾). Намъ же кажется, что въ разсматриваемой запискѣ выразилось не высокое мнѣніе Карамзина не столько о всемъ русскомъ народѣ сколько о привилегированномъ его слоѣ. Государственнымъ преобразованиемъ, какия можно было ожидать въ началѣ XIX в., не коснулись бы народа, а извѣстное вліяніе на ходъ общественныхъ дѣлъ получило бы дворянство. Отъ него, поэтому, а не отъ всего народа, зависѣли бы тѣ или другіе результаты реформы и, сомнѣваясь въ благодѣтельности таковыхъ, Карамзинъ тѣмъ самымъ высказывалъ сомнѣніе въ творческихъ силахъ и политическихъ способностяхъ этого именно класса, который, по его мнѣнію, образуетъ „не отдѣлъ монаршей власти“, а лишь „главное, необходимое орудіе, двигающее составъ государственный“.

Интересно, что представитель либерализма того времени, Сперанскій, составляя проектъ государственнаго преобразования Россіи, хотя въ принципѣ и вводилъ дворянство, какъ конституціонный элементъ, но не иначе, какъ перекроивъ его по образцу англійской аристократіи.

Послѣдующее время показало, что Карамзинъ былъ правъ въ своемъ отрицаніи наличности въ русскомъ привилегированномъ классѣ какихъ бы то ни было творческихъ общественныхъ силъ. Со вступленіемъ на престолъ императора Николая было официально заявлено, что идеи, проповѣдывавшіяся Карамзинымъ, составляютъ истинныя національныя начала русской земли и что государственная практика будетъ стремиться къ неуклонному проведенію ихъ въ жизнь, уничтожая всѣ отступленія отъ нихъ, какия еще могли тамъ и здѣсь сохраниться. Во внутреннихъ дѣлахъ эта официально заявленная теорія „требовала безграничнаго авторитета власти и самой полной оенки надъ всѣми сторонами государственной, народной и общественной жизни. Въ этомъ не было ничего новаго, но теперь оенка достигла, вѣроятно, самыхъ широкихъ размѣровъ, какия только

⁷⁾ Id. с. 249.

когда-нибудь у нас была. Она стремилась связать въ одномъ узлѣ всѣ нити управления, распространить надзоръ и всѣ движенія національной жизни, все подвести къ одному уровню. Слѣдствіемъ было чрезвычайное распространеніе бюрократіи, которая оставалась для центральной власти единственнымъ средствомъ управленія и контроля. За обществомъ не признавалось никакаго значенія; общественное мнѣніе лишено было всякаго вліянія; общество не могло само ничего дѣлать въ своихъ интересахъ, даже самыхъ элементарныхъ, и могло дѣлаться только въ данныхъ рамкахъ; за него дулали и дѣйствовали канцелярія, и ему оставалось повиноваться¹⁾.

Дворянство, съ своей стороны, совершенно призывало истинность официальной государственной теоріи. „Масса общества вѣрила въ эту систему и въ тѣ историческія качества, которыя приписывались ей теоріей. Вѣрили даже люди мыслящіе²⁾. Публицисты дворянства не стремились создать, съ своей стороны, теорію, въ которой этому классу отводилась бы болѣе самостоятельная роль. Такія попытки встрѣчались лишь въ видѣ исключенія и какъ личное дѣло лицъ, создавшихъ ихъ, какъ это можно сказать, напр., о теоріи Пушкина во второмъ періодѣ его дѣятельности, согласно которой „въ государственномъ строѣ необходима сильная наследственная аристократія, которая заключала бы въ себѣ ручательство государственнаго благосостоянія, прочности учреждений и заботы о народѣ“³⁾. Но зародыши такой независимой аристократіи въ Россіи, по мнѣнію Пушкина, были уничтожены Петромъ Великимъ, послѣ чего было создано сословіе, характеризуемое Пушкинымъ, какъ „преданные наемники“. Въ концѣ концовъ дѣйствительный взглядъ Пушкина на предметъ достаточно характеризуется его замѣчаніемъ, что „двѣца Минина и Ломоносова вдвоемъ перевѣсятъ, можетъ быть, всѣ наши старинныя родословныя“.

Такимъ образомъ господствующее консервативное воззрѣніе, иражавшее самосознаніе массы привилегированнаго общества

¹⁾ Пынинъ, „Характеристика литературныхъ мнѣній“, с. 100.

²⁾ Пынинъ, *id.*, с. 118.

³⁾ Пынинъ, *id.*, с. 81.

въ первую половину XIX вѣка, основано было на отрицаніи, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ современности, какого-либо положительнаго самостоятельнаго значенія за общественной стихіей и на признаніи того положенія, что вся направляющая дѣятельность была и есть въ правительствѣ. Изъ этого положенія было выведено заключеніе, что и послѣдующее развитіе русскаго общества должно совершаться тѣмъ же порядкомъ, что такой путь есть путь національный, народный, и что въ нашей странѣ неприменимы требованія и стремленія европейской жизни.

Какъ это ни покажется страннымъ, но на той же социально-исторической почвѣ стояла и система, представляющая рѣзкое отрицаніе господствующей теоріи официальной народности. Представитель этой системы, Чаадаевъ, какъ и Карамзинъ, признавалъ, что „обдѣланные, отлитые, созданные вашими государями и вашимъ климатомъ, мы только въ силу покорности стали великимъ народомъ. Посмотрите съ начала до конца ваши лѣтописи, вы найдете въ нихъ на каждой страницѣ глубокое дѣйствіе власти, постоянное вліяніе почвы и почти никогда не найдете дѣйствія общественной воли“¹⁾). Признавая это положеніе за вѣрное, мы поймемъ и консерватизмъ Карамзина, и скептицизмъ Чаадаева, и политическій консерватизмъ прогрессистовъ, подобныхъ Н. И. Тургеневу или неизвестному автору письма, писаннаго въ 1824 г. и напечатаннаго въ воспоминаніяхъ Сумцова, и многія другія явленія въ области умственной жизни нашего общества.

Если въ прошедшей исторіи нашей страны въ качествѣ активнаго и самостоятельнаго соціальнаго агента фигурируетъ только власть, которой одной Россія обязана всѣмъ, что она имѣетъ свѣтлаго и темнаго, и не видно вліянія общества; если таковое не успѣло сформироваться и въ послѣдующій моментъ, то отсюда логически слѣдуетъ, что, до образованія самостоятельной общественной силы, важныхъ преобразованій нужно было ждать отъ власти же; надежда же на самостоятельную работу общественныхъ силъ должна представляться ничѣмъ не оправданною фантазіей.

¹⁾ Пылинъ, М., с. 184.

„Самодержавная власть есть якорь спасенія для нашего отечества, говоритъ извѣстный противникъ крѣпостного права временъ Александра I и лучший изъ представителей тогдашней интеллигенціи, Н. И. Тургеневъ; отъ этой власти единственно мы можемъ надѣяться уничтоженія столь же несправедливаго, какъ и бесполезнаго рабства. Невозможно думать о политической свободѣ, тамъ, гдѣ миллионы несчастныхъ не знаютъ даже простой человѣческой свободы“¹⁾).

„Дайте эскизсамъ или киргизамъ какія хотите формы гражданскаго общества, — пишетъ неказветный авторъ въ 1824 г., возьмите грифель у Мудрости и имъ начертите для нихъ уложеніе, — что-жь, думаете-ли, что совершили великое дѣло политики и законодательства? Пѣтъ! гражданское общество должно состоять изъ гражданъ; законы должны имѣть исполнителей; а ни тѣми, ни другими не могутъ быть ни дикія, ни полудикія дѣти природы. И вотъ почему въ Россіи везачѣмъ еще думать о раздѣленіи власти, о системѣ правленія въ формахъ вѣка и духѣ народовъ просвѣщенныхъ... Кто будутъ у насъ представители, кто избираемые и избиратели? *Гдѣ среднее состояніе?* Екатерина дала намъ право избирать судей и полицейскихъ агентовъ; какъ пользуемся мы сямъ правомъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ? Кого выбираемъ? Гдѣ же возьмемъ депутатовъ въ палату? Гдѣ заслѣдственна дарованія будущихъ паровъ? Къ чему готовятся и какъ воспитываются дѣти нашихъ бояръ и богатыхъ дворянъ?“

Указавъ затѣмъ на то, что „привилегированный классъ народа не снѣбитъ приносить себѣ плоды чужеземныхъ наукъ и искусствъ, то оны не возвышается надъ самымъ послѣднимъ, отчужденіемъ ко порокомъ (сребролюбіе и члнство), что безнравственность, стремленіе къ роскоши, праздноств и предрасудки заивляютъ изъ немъ гражданскія добродѣтели; что даже умы, сілющіе блестями превосходства надъ другими, не болѣе суть, какъ полужны, по недостатку здравыхъ политическихъ истинъ, методы въ изученіи ихъ и опытности въ соображеніи“; напомнивъ о томъ, что наша литература есть только лепетавіе младенцевъ, авторъ говоритъ: „Мы еще находимся въ дѣтскомъ возрастѣ“, а дѣтямъ

¹⁾ Пшенинъ. Очерки обществ. дѣль при Алекс. I. с. 395.

нужно только воспитаніе; „и слѣдственно, необходима не власть ограниченная, а власть дѣятельнаго учителя, который съ отеческою заботливостію и съ принужденіемъ, когда нужно, обратилъ бы ихъ на путь, съ котораго они совращаться могутъ. Однимъ словомъ, намъ потребенъ другой Петръ, со всѣмъ его самодержавіемъ, а не Вильгельмъ III, не Людовикъ XVIII съ ихъ конституціями; даже не Франклинъ и не Вашингтонъ съ ихъ добродѣтелями“¹⁾).

Свѣтлицъ Чаадаевъ заявляетъ въ свою очередь: „намъ позволено надѣяться на благосостояніе еще болѣе обширное, чѣмъ то, о которомъ мечтаютъ самые пламенные служители прогресса, и чтобы достигнуть до этихъ окончательныхъ результатовъ, намъ нуженъ только одинъ верховный актъ той высшей воли, которая заключаетъ въ себѣ всѣ воли нація, которая выражаетъ всѣ ея стремленія, которая уже не разъ открывала ей новые пути, развертывала передъ ней новые горизонты и низвела въ ея разумъ просвѣщеніе“²⁾).

На той же почвѣ признанія дѣйствительной силы только за властью и отрицанія ея у общества стоятъ и Сперанскій—творецъ проекта конституціи, составленнаго по порученію Императора Александра I,—когда онъ придумываетъ различныя средства, имѣющія цѣлью еще только созданіе въ Россіи этой самостоятельной общественной силы. „Всѣ государства имѣли всегда и будутъ всегда имѣть двѣ формы правленія: внѣшнюю и внутреннюю,—пишетъ онъ.—Первая состоитъ въ грамотахъ, основныхъ законахъ, учрежденіяхъ, внѣшнимъ образомъ опредѣляющихъ взаимныя отношенія различныхъ силъ государства; вторая состоитъ въ такомъ распредѣленіи этихъ силъ, чтобы ни одна изъ нихъ не могла получить господства надъ другими. Внѣшняя форма не имѣетъ никакой важности; дѣйствительную важность имѣетъ только форма внутренняя. Со всѣми внѣшними признаками свободы, законности народъ въ дѣйствительности можетъ быть рабомъ“. Фактическія отношенія зависятъ отъ соотношенія между общественными элементами, и анализируя это со-

¹⁾ Пынинъ, *ibid.*, с. 464—6.

²⁾ Пынинъ, *Характеристики*, с. 183.

отношеніе въ Россіи, Сперанскій приходитъ къ заключенію, что единственной дѣйствительной силой въ ней является правительство и объясняетъ это явленіе тѣмъ, что верховная власть занимаетъ по отношенію къ дворянамъ такое же положеніе, какое послѣдніе сохраняютъ по отношенію къ своимъ крестьянамъ. Интересъ дворянства требуетъ, чтобы крестьяне были ему совершенно подчинены; интересъ крестьянъ требуетъ, чтобы дворяне точно также были подчинены коронѣ. Престолъ всегда представляется крестьянамъ, какъ единственный противовѣсъ власти ихъ господъ⁴ 1).

Итакъ, чистый консерваторъ Карамзинъ, либераль Сперанскій, прогрессистъ Тургеневъ, скептикъ Чаадаевъ—все эти лица, въ качествѣ просвѣщенныхъ и мыслящихъ людей, стояли на одной и той же социальнo-исторической почвѣ, одинаково признавали, что современное имъ общество не заключало такихъ элементовъ, которые могли бы служить основой для правильнаго прогрессивнаго развитія страны, не представляло исходной точки для новой социальной культуры.

II.

Разсмотрѣніе вопроса о культурныхъ силахъ общества съ социальнo-практической стороны было, какъ мы сказали, естественнымъ послѣдствіемъ либеральнаго направленія царствованія Императора Александра I, вызвавшаго ожиданія преобразованій общественно-политическаго характера. Въ царствованіе Императора Николая, когда передовое общество потеряло надежду на совершеніе какихъ-либо реформъ, и общественная мысль приняла теоретическое направленіе, вопросъ о культурныхъ силахъ русскаго общества разсматривался, главнымъ образомъ, по отношенію къ развитію литературы, или же дѣлаемы были попытки объяснить современную физиономію русскаго общества путемъ философско-историческихъ построеній. Общія результаты этихъ попытокъ согласовались съ заключеніями, сдѣланными передо-

⁴) Пыльницъ, Оч. общ. дѣл. при Александрѣ I, с. 154, 157.

ныни людьми предшествующей эпохи, и философскія построения, вѣсколько ими объясняется историческое наслѣдіе, долженствующее служить исходной точкой для послѣдующаго развитія нашего общества, представляются настолько истинными, что въ обществѣ оны не потеряли значенія и для новѣйшаго времени.

Низкое состояніе культуры привилегированнаго класса русскаго общества признавалось всеми мыслящими и образованными людьми того времени. Что же касается причинъ этого явленія, то сначала таковыя находили во внѣшнихъ условіяхъ: въ фактѣ полученія первыхъ образовательныхъ вліяній съ запада, поведеніи къ нашему духовному подчиненію чужой культурѣ.

„Россія все получала извнѣ, читаемъ мы въ одной статьѣ Велевитинова въ 1827 г.; отсюда это чувство раздражительности, которое самому таланту приносить въ даръ не удивленіе, но рабство; отсюда совершенное отсутствіе всякой свободы и инстинкта дѣятельности“¹⁾. „Открывшаяся передъ нами роскошь европейскаго просвѣщенія, — пишетъ Надеждинъ въ 1831 г., ослабила нашу неопытность; мы захотѣли немедленно наслаждаться ею, позабывъ, что она стоила Европѣ многочисленныхъ трудовъ, вѣковыхъ усилій. Чтобы приобрести законныя права на сіе наслажденіе, надлежало обратить богатство европейской образованности въ нашу собственность, приспособить ее къ русскому духу и возрастить собственными силами, изъ внутреннихъ соковъ русской жизни. Это требовало трудовъ, которые показались намъ тяжелы и скучны (мы просто пересадили чужія растенія, которыя, питаясь русской почвой, все-таки остаются чужими). Тяжело, а должно признаться, что доселѣ наша словесность была, если можно такъ выразиться, барщиной европейской; она обрабатывалась руками русскими не по русски... Благодатный весенній возрастъ словесности, запечатлѣваемый у народовъ, развивающихся изъ самихъ себя, свободою естественностью и оригинальною самообразностью, у насъ обреченъ былъ въ жертву рабскому подражанію и искусственной принужденности... Само собой разумѣется, что сіи насильственные наросты не могли укореняться глубоко въ литературной нашей почвѣ и разрастаться

¹⁾ Слабичевскій, Сочиненія, т. I, с. 351.

богатой жатвой. Напротивъ, они весьма скоро выцвѣтали, блекли и опадали¹⁾.

Указаніе на просвѣтительное вліяніе Запада, конечно, не объясняло положеніе нашей культуры. Последняя характеризовалась не только несамостоятельностью, но и низкопробностью; ни не только ограничивались перениманіемъ чужого, но и отличались тѣмъ, что перенимали его плохо, недостаточно усваивали хорошее. Съ другой стороны, отсутствіе самостоятельности въ рускомъ обществѣ не есть явленіе первичное; оно само требовало объясненія, котораго слѣдовало искать въ свойствахъ и условіяхъ жизни сааго этого общества; оно шло корни въ своемъ далекомъ прошломъ и поддерживалось какими-то условіями современнаго быта. Русская интеллигентная мысль стремилась понять и то, и другое, и если въ отношеніи къ настоящему она была довольно одностороння въ своихъ объясненіяхъ, зато историческія условія, породившія современный культурный типъ, были ею достаточно выяснены.

Западные народы, говоритъ Чаадаевъ въ своемъ „Философическомъ Письмѣ“, ввечатаннонъ въ „Телескопѣ“ въ 1836 г., имѣютъ общую фззіононію, явившуюся результатомъ ихъ общей исторіи, и затѣмъ индивидуальный характеръ, какъ слѣдствіе частной исторіи каждаго изъ нихъ. Они получили отъ предшествующаго времени извѣстное наслѣдіе, составляющее достоинствіе каждаго лица. Россія находится въ иныхъ условіяхъ. Что касается нашей связи съ Европой—„мы никогда не шли вмѣстѣ съ другими народами; мы не принадлежимъ ни къ одному изъ великихъ семействъ человѣчества, ни къ Западу, ни къ Востоку, не имѣемъ преданій ни того, ни другого. Мы существуемъ какъ бы вѣкъ времени, и всемірное образованіе человѣческаго рода не коснулось насъ. Эта дивная связь человѣческихъ идей въ теченіе вѣковъ, эта исторія человѣческаго разумннн, доведшія его въ другихъ странахъ міра до настоящаго положенія, не имѣла на насъ никакого вліянія. То, что у другихъ народовъ давно вошло въ жизнь, для насъ до сихъ поръ есть только уиетвоаніе, теорія... Мы явились въ мірѣ,

¹⁾ Пякинъ, Исторія русской этнографіи, т. I, с. 239.

какъ незаконнорожденныя дѣти, безъ наслѣдства, безъ связи съ людьми, которые намъ предшествовали, не усвоили себѣ ни одного изъ поучительныхъ уроковъ минувшаго. Каждый изъ насъ долженъ самъ связывать разорванную нить семейности, которую мы соединились бы съ цѣлымъ человѣчествомъ. Намъ должно вбивать молотомъ то, что у другихъ сдѣлалось привычкою, инстинктомъ”.

Не болѣе того получили мы и отъ своей собственной исторіи. „У всѣхъ народовъ, формулируетъ г. Пыльницъ мысль Чаадаева, бывають періоды сильной, страстной дѣятельности, періоды внѣшескаго развитія, когда создаются ихъ лучшія воспоминанія, поэзія и плодотворнѣйшія идеи. Здѣсь источникъ и основаніе дальнѣйшей ихъ исторіи. „Мы не имѣемъ ничего подобнаго, говоритъ Чаадаевъ. Въ самомъ началѣ у насъ дикое варварство, потомъ грубое суевѣріе, затѣмъ жестокое, уничижительное владычество завоевателей, слѣды котораго не изгладились и дониндѣ. Вотъ горестная исторія нашей внѣшности. Мы совсѣмъ не имѣли возраста этой бездѣльной дѣятельности, этой поэтической игры нравственныхъ силъ народа. Эпоха нашей общественной жизни, соответствующая этому возрасту, наполняется существованіемъ темнымъ, безцвѣтнымъ, безъ силы, безъ энергіи. Нѣтъ въ памяти чарующихъ воспоминаній, нѣтъ сильныхъ наставительныхъ примѣровъ въ народныхъ преданіяхъ. Оттого-то мы лишены и духовнаго наслѣдія, получаемаго каждымъ народомъ европейскимъ, какъ плодъ совѣстной работы цивилизованныхъ обществъ. „Много ли соберете вы у насъ начальныхъ идей, которыя каковы бы то ни было образцы могли руководствовать насъ въ жизни? Идеи не научнаго и литературнаго міра, а обиденной жизни, во которыя были бы всосаны каждымъ съ молокомъ матери. Это—идеи долга, закона, правды, порядка. Они развиваются изъ событій, содѣйствовавшихъ образованію общества; они — необходимыя начала міра общественнаго. Вотъ что составляетъ атмосферу Запада; это—болѣе, чѣмъ исторія, болѣе чѣмъ психологія: это—физиологія европейца. Чѣмъ вы замѣните все это?”

Вспомнивъ, что огромную часть нашего внутренняго содержанія составляетъ то, что мы путемъ воспитанія усвоиваемъ,

какъ послѣдіе прошлаго, мы согласимся съ заключеніемъ Чаадаева, что результатомъ всего сказаннаго является фактъ, что „вѣкъ нашъ не достаетъ нѣкотораго рода основательности, метода, логики. Силлогизмъ Запада намъ неизвѣстенъ. Лучшія идеи отъ недостатка связи и послѣдовательности, какъ безплодныя призраки, цѣпляются въ нашемъ мозгу. Человѣкъ терается, не находя средства придти въ соотношеніи, связаться съ тѣмъ, что ему предшествуетъ и что послѣдуетъ; онъ лишается всякой упорности, великой твердости; онъ не руководствуется чувствомъ общаго существованія, и онъ заблуждается въ мірѣ. Такія потерявшіяся существа встрѣчаются во всѣхъ странахъ, но у насъ — это общая черта“. „Мы жили, мы живемъ, какъ великій урокъ для отдаленныхъ потомковъ, которые воспользуются имъ непримѣнно, но въ настоящемъ времени, — чтобы ни говорили, — мы составляемъ пробѣлъ въ порядкѣ разумнаго. Для меня нѣтъ ничего удивительнаго этой пустоты и разобщенности нашего существованія!“¹⁾

Такъ какъ культурные результаты исторической жизни какаго либо общества, по законамъ фактическаго историческаго развитія, сосредоточиваются въ верхнемъ его слоѣ, то всѣ вышеназванныя мысли Чаадаева имѣютъ призмѣніе прежде всего именно къ этому слою. Сдѣлавъ эту оговорку, мы можемъ также сказать, что указанная Чаадаевымъ характеристическія черты духовной физиономіи нашего культурнаго общества являются результатомъ не отсталости Россіи, самой по себѣ, а отсутствія въ прошлой исторіи передоваго общества самостоятельной жизни, органически развивавшейся, хотя бы медленно, но въ духѣ какихъ нибудь положительныхъ идей и чувствъ. Такое развитіе дало бы результаты, съ приобщеніемъ страны къ западному просвѣщенію, способные служить исходной точкой для дальнѣйшаго развитія, которое потому было бы лишь продолженіемъ процесса, медленно совершавшагося и безъ таковаго приобщенія. Въмѣсто того, русскому привилегированному обществу приходится начинать съ азовъ, и притомъ чужихъ, а такъ какъ предшествующая исторія человѣчества пока еще

¹⁾ Пыпинъ, Характеристика. с. 159—162.

выработала слишкомъ несовершенные приемы приложенія общечеловѣческихъ идей прогресса, правды и справедливости къ каждому конкретному случаю, почину, для возможности систематическаго руководства или въ сложномъ процессѣ общественной жизни, необходимо существованіе какой-то основы внутри чело-вѣка, являющейся результатомъ предшествующаго развитія психическаго и общественнаго, то и неудивительно, если за отсутствіемъ такой основы, русскому интеллигенту весьма трудно разобраться въ своихъ собственныхъ идеяхъ, въ ихъ приложеніи къ окружающему; неудивительно, если онъ „теряется, не находя средства связаться съ тѣмъ, что ему предшествуетъ и что послѣдуетъ“; если онъ „лишается всякой увѣренности, всякой твердости“; если „имъ не руководствуетъ чувство *общаго существованія*, и онъ заблуждается въ мірѣ“. Если къ этой характеристикѣ интеллигента первой половины нашего вѣка прибавить тѣ черты, которыя на той же почвѣ отсутствія плодотворной традиціи развились въ послѣдующее время, — склонность излѣчиваться отъ недостатка „увѣренности“, если не „твердости“, докурьерствомъ, не мотивированнымъ принатіемъ какой-нибудь чужой логической системы, — то съ этими дополненіемъ характеристика, данная Чаадаевымъ интеллигенціи, выросшей на почвѣ отсутствія „чувства общаго существованія“, этой влосчастной „овцѣ безъ стада“, вполне приложима и къ повѣйшему времени.

Это — слабая сторона нашей безпочвенности; но въ ней есть и нѣчто положительное, которое, какъ и отрицательныя черты, было указано тѣмъ же Чаадаевымъ. „Нельзя сомнѣваться въ томъ, — говоритъ онъ въ своей „Апологій Сумасшедшаго“, написанной нѣсколько лѣтъ позже статьи, поведшей къ призванію его за сумасшедшаго, — что большая часть міра угнетена своими преданіями, своими воспоминаніями; что въ сердцахъ большей части націй есть глубокое чувство совершившейся жизни, которое господствуетъ надъ жизнью настоящей, унылое воспомина-ніе о протекшихъ дняхъ, которое навлекаетъ нынѣшніе дни“. Эта привязанность къ славному прошлому до извѣстной степени задерживаетъ движеніе впередъ. „У насъ же нѣтъ этихъ сурастныхъ интересовъ, этихъ готовыхъ илліній, этихъ утвердившихся

предразсудковъ; мы приходимъ съ дѣйственными умами навстрѣчу каждой идее^{*)}).

Эта черта нашей интеллигенціи позволяетъ надѣяться, что, когда придетъ время, она восприметъ безъ протеста народную идею, приобрететъ этия „чувство общаго существованія“ и прочную основу для своей прогрессивной дѣятельности на пользу отечества.

III.

Если публицисты 30-хъ годовъ стояли на довольно вѣрной почвѣ въ дѣлѣ объясненія историческихъ условій развитія русскаго культурнаго общества, то нельзя того же сказать относительно оцѣнки или вліянія современности, каковыя оцѣнка и не могла быть сдѣлана вполнѣ вѣрно, какъ по недостатку научныхъ данныхъ, такъ и по тѣмъ важнѣйшимъ условіямъ, въ какихъ должна была совершаться работа общественной мысли. Насколько эта работа по данному вопросу доходила до читателя — мы видимъ, что, помимо ссылки на недостаточность распространенія образованности, мыслящіе люди приписывали бѣдность культурнаго развитія страны тѣмъ стѣсненіямъ, какими были окружены работа мысли и проявленіе общественной самодѣятельности. Читатель, однако, понимаетъ, что указанные обстоятельства не могутъ быть считаемы настоящими причинами явленія: они сами составляютъ результатъ извѣстной культуры и вѣстѣ съ другими требуютъ объясненія, каковаго слѣдуетъ искать въ извѣстной организаціи сословія, и въ особенности, въ свойствахъ и социальномъ-экономическомъ положеніи того слоя, который служилъ сосредоточеніемъ культурной силы страны. Общественная мысль рассматриваемаго періода не довела анализа интересовавшаго ее явленія до того, чтобы за главныя культурныя факторы усмотрѣть основныя социологическія пружины, а потому не могла оцѣнить явленія по его достоинству, путалась въ дѣлѣ указанія путей, которыми должно идти наше дальнѣйшее культурное развитіе.

*) Шанинъ id. стр. 182—3.

Мы знаем уже, что официальная публицистика не только примиралась съ тѣмъ положеніемъ русской общественности, которое приводило въ отчаяніе мыслящихъ людей того времени, но и считала это положеніе наилучшимъ изъ всѣхъ, какія можно желать для нашей страны. По ея ученію „Россия есть совершенно особое государство и особая національность, не похожій на государства и національности Европы. На этомъ основаніи она отличается и должна отличаться отъ Европы всѣми основными чертами національнаго и государственнаго быта. Въ ней господствуетъ наилучшій порядокъ вещей, согласный съ требованіями религіи и истинной политической мудрости“¹⁾.

Прогрессивная часть общества думала иначе, и въ развитіи ея пониманія замѣчается извѣстная послѣдовательность. Такъ, въ двенадцатыхъ годахъ предполагалось, что важнѣйшій недостатокъ нашей культуры—ея подражательный характеръ—можетъ быть исправленъ, такъ сказать, простымъ усиленіемъ мысли въ связи съ нѣкоторыми воспитательными ибрами. По иніціату Веневитинаева „для сей цѣли надлежало бы нѣкоторыхъ образомъ устранить Россію отъ внѣшняго движенія другихъ народовъ, закрыть отъ взоровъ ея всѣ маловажныя происшествія въ литературномъ мірѣ и, *опираясь на твердыя начала философіи*, представить ей полную картину развитія ума человѣческаго, картину, въ которой она видѣла свое собственное предназначеніе“²⁾.

Вскорѣ, однако, разумнѣе вопроса сдѣлалось болѣе глубокимъ и основательнымъ. Представители передовой интеллигенціи поняли, что для познанія какимъ-либо народомъ его собственнаго историческаго предназначенія, для приобрѣтенія имъ культурной самостоятельности недостаточно однихъ логическихъ операцій, работы чистой научной мысли. Для этого требуется еще участіе чего-то, выработаннаго предшествующей исторіей; требуется, чтобы просвѣтительная культурная работа исходила изъ извѣстныхъ свойствъ духовнаго типа самихъ работающихъ, чтобы она очищала и развивала нѣкоторыя идеи или зачатки тако-

¹⁾ Пининъ, Характеристики, стр. 113.

²⁾ Скабичевскій иб.

ныхъ, свойственныхъ данному обществу; требуется, чтобы историческое наследіе народа служило не только объектомъ для отрицательной критики постепенно просвѣщающагося разума, но и матеріаломъ для созданія самобытной духовной и социальной культуры. Общественно-историческій анализъ того времени не проникъ настолько глубоко въ сущность социальнаго процесса, чтобы указать съ достаточной опредѣленностью на зависимость духовно-культурнаго типа общества отъ его социальнаго сложена, чтобы въ число основныхъ психическихъ свойствъ даннаго общества, неизбежно опредѣляющихъ характеръ развивающейся культуры, рядомъ съ національными, зоологическими, такъ сказать, чертами, поставить и тѣ свойства, настроеніе и способности, которыя развиваются въ передовой части общества, какъ опредѣленномъ социальномъ классѣ, имѣющемъ известную исторію, борющемся за опредѣленные сословные интересы, обладающемъ той или другой степенью экономической самостоятельности и политической силы. Эта зависимость скорѣе чувствовалась, нежели сознавалась; сознательно же рассуждала такимъ образомъ, какъ будто бы единственной внутренней основой самобытной культуры даннаго народа служатъ черты психическаго типа, свойственныя ему какъ нація; черты, обыкновенно раздѣляемыя съ массою народа его привилегированнымъ классомъ, а, насколько онѣ сохранились только въ первой, — могутъ быть открыты послѣднимъ и легко имъ усвоены, вследствие чего самобытное прогрессивное развитіе культуры въ духѣ даннаго народа можетъ быть достигнуто имѣ активнаго участія массы послѣдняго, силами его передового, привилегированнаго класса.

Такое представленіе о „народности“, обращеніе къ которой считалось необходимымъ для достиженія самобытнаго содержанія нашей культуры, естественнымъ образомъ приводило къ вопросу о томъ, въ чемъ состоитъ эта народность и какими средствами можно сдѣлать ее содержаніемъ духовной культуры? Попытки отвѣтить на эти вопросы показали, что въ развитомъ выше представленіи нашей интеллигенціи о предметѣ имѣются существенныя прорѣхи, почему общественная мысль не переставала снова и снова обращаться къ вопросу. Такъ, одинъ изъ вѣднѣе глубокомысленныхъ представителей русской интеллигенціи

30-хъ гг., Надеждинъ, высказавъ по этому предмету слѣдующее.

Указавъ на безплодіе русской литературы, какъ результатъ ея подражательнаго характера, онъ пишетъ: „Нашей поэзіи не дожидаться обновленія, пока русскій духъ не обратится внутрь себя, не отыщеть въ самомъ себѣ источника новой самобытной жизни... Въ русской словесности близокъ долженъ быть поворотъ искусственнаго рабства и принужденія къ естественности и народности“¹⁾... „Подъ народностью я разумѣю совокупность всѣхъ свойствъ, наружныхъ и внутреннихъ, умственныхъ и нравственныхъ, изъ которыхъ складывается фязіономія русскаго человѣка, отличающая его отъ всѣхъ прочихъ людей. Какъ ирѣзня отѣнки, наложенныя на него столь различными вліяніями столь различныхъ цивилизацій, русскій человѣкъ во всѣхъ случаяхъ, на всѣхъ ступеняхъ просвѣщенія и гражданственности имѣеть свой отличительный характеръ, если только не прикидывается умышленно обезьяной. Русскій умъ имѣеть свой особый сгавъ, русская воля отличается особенной, ей только свойственной упругостью и гибкостью... Пусть русскій умъ питается европейскою жизнью, чтобы быть истинно русскимъ; пусть литература его, освѣжаясь воздухомъ европейскаго просвѣщенія, остается тѣмъ, чѣмъ должна быть всякая живая, самобытная литература—самовыраженіемъ народнымъ“²⁾.

Какъ же приступить къ великому дѣлу поворота отъ подражательности къ самобытности?

„Европейскія литературы возвращаютъ теперь свою народность, обращаясь къ своей старинѣ, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Надеждинъ. У насъ это возможно ли? Таково ли наше прошлое, чтобы восстановленіемъ его можно было познать нашу будущность?“ Попытка отвѣтить на³⁾ этотъ вопросъ привела Надеждина къ заключенію, что указанный способъ обращенія литературы на путь народности для насъ закрытъ: мы еще почти не жили полной исторической жизнью, почтену иной русскій исполнить еще не успѣлъ „выработать себѣ опредѣленную фи-

¹⁾ Пыпинъ. Исторія русск. этнографія, т. I, стр. 240—1.

²⁾ Id. стр. 261—2.

эпохемію и проявиться въ цѣломъ мірѣ оригинальныхъ характеровъ и дѣйствій“.

Но если мы лишены возможности познать свою народность обращеніемъ къ исторіи, то, спрашивается, какими другими путями совершится поворотъ „отъ искусственнаго рабства къ естественности и народности“? На этотъ вопросъ мы не найдемъ у Надеждина опредѣленнаго отвѣта. Правда, онъ высказываетъ, что „у насъ не прежде должно ожидать литературы живой, самобытной, какъ въ то время, когда мысли нашей дастся свѣжій, укряпляющій воздухъ; когда умъ, изощренный упражненіемъ, обогащенный наукой, выработаетъ и пуститъ въ ходъ достаточное количество идей свѣтлыхъ, животворныхъ“¹⁾; но этотъ отвѣтъ слишкомъ общъ, и если рѣшеніе вопроса ставится въ зависимость отъ распространенія образованія, за которымъ должно еще послѣдовать освобожденіе народной мысли отъ связывающихъ ее путъ, въ такомъ случаѣ не было надобности вопросъ о достиженіи нами культурной самостоятельности трактовать, какъ предметъ *ближайшей* заботы литературы. Какъ бы однако ни было, а окончательный результатъ усилій Надеждина опредѣлить содержаніе идеи русской народности, которая бы служила средствомъ выведенія русской литературы на путь самостоятельнаго развитія, вполнѣ отрицательный. „Я не берусь представить полное изображеніе русскаго человѣка въ его своеобразной чистотѣ, пишетъ Надеждинъ подъ конецъ своей литературно-публицистической дѣятельности,—потому что въ самомъ дѣлѣ черты его такъ не ясны, такъ неразвиты, такъ залѣплены выписными мушками“²⁾.

Это воздержаніе было совершенно умѣстно, такъ какъ, пытаясь дать изображеніе русскаго человѣка, Надеждинъ началъ съ прославленія русскаго „идеальнаго“ кулака и русскихъ „штей“ и готовъ былъ закончить обращеніемъ къ известной формулѣ официальной народности.

Итакъ, Надеждинъ является представителемъ того момента въ исторіи возрѣвѣй русской интеллигенція на идею „народ-

¹⁾ Ид., стр. 246—7.

²⁾ Ид., стр. 263.

ности^а, какъ основу культурнаго развитія страны, когда ипичными основами самобытнаго характера культуры признавались только психическія черты, свойственныя народу, какъ известному физиологическому типу, вслѣдствіе чего естественнымъ представителемъ его самобытнаго развитія считалась родственная ему по крови интеллигенція привилегированнаго класса. Эти физиологическія черты національнаго психическаго типа, соціологически выражались въ процессы историческаго развитія, почему въ продуктахъ и формахъ прошлаго и слѣдуетъ искать того самобытнаго духовнаго наслѣдства, изъ котораго должна исходить сознательная работа прогрессивной мысли. За отсутствіемъ историческаго прошлаго, къ познанію своей народности слѣдуетъ идти путемъ обогащенія ума наукой, путемъ изученія себя самого и всего, съ чѣмъ мы такъ или иначе связаны, и тогда, при извѣстныхъ благопріятныхъ для того внѣшнихъ условіяхъ, выработается рядъ самостоятельныхъ идей, которыми и опредѣлится содержаніе самобытной культуры.

Въ этомъ воззрѣніи игнорируется соціально-политическая обстановка развитія въ прошломъ и настоящемъ, не какъ внѣшняя среда, а какъ условіе, дающее происхожденіе тому или другому психическому содержанію лицъ одной и той же страны, но находящихся на различныхъ ступеняхъ сословной лѣстницы, — содержанію, опредѣляющему степень самостоятельности и характеръ достигнутой различными классами культуры. Въ силу указанного обстоятельства, историческій анализъ приводилъ авторовъ лишь къ отрицательнымъ заключеніямъ; они не приобрѣтали этикъ путемъ какихъ-либо положительныхъ указаній относительно того развитія, какого можно было бы ожидать отъ русскаго привилегированнаго общества въ ближайшемъ будущемъ. Въ этомъ отношеніи публицистовъ 30-хъ гг. можно считать стоящими дальше отъ истины, сравнительно съ мыслящими людьми царствованія Императора Александра I, которые изъ прошлаго нашей страны вынесли опредѣленные положительные заключенія относительно пружинъ соціальнаго развитія въ ближайшемъ будущемъ.

Объясняется это явленіе тѣмъ, что въ предшествовавшую эпоху общественная мысль останавливалась по преимуществу на

соціально-политической сторонѣ развитія, въ каковой области было очевидно, что безсилье известнаго класса, какъ активнаго агента движенія, проявившееся въ прошломъ, — въ виду неизмѣнившихся соціальныхъ отношеній, — будетъ такимъ же бессильемъ и въ ближайшемъ будущемъ. Въ концѣ же 20-хъ и въ 30-хъ гг. вопросъ о судьбахъ русскаго культурнаго развитія и принципѣ поставленъ былъ болѣе широко, но въ практическомъ примѣненіи трактовался по преимуществу въ отношеніи развитія литературы; а матеріалъ этого рода не обнаруживалъ достаточно ясно связь, существующую между соціальнымъ положеніемъ известнаго класса и содержаніемъ и степенью самостоятельности вырабатываемой имъ культуры, — связь, уразумѣніе которой ведетъ къ возбужденію вопроса не только о національныхъ, но и о классовыхъ основахъ культурнаго развитія.

Таковы результаты теоретической разработки вопроса о самостоятельности и народности въ культурномъ развитіи страны. Если бы Надеждинъ продолжалъ свою публицистическую дѣятельность, онъ, вѣроятно, высказалъ бы взгляды, по которымъ національной основы для развитія самобытной культуры слѣдуетъ искать по преимуществу въ простомъ народѣ; но крайней мѣрѣ свою послѣдующую дѣятельность онъ посвятилъ, главнымъ образомъ, дѣлу научнаго изученія русскаго народа, составившему одну изъ главныхъ задачъ иномъ образованнаго географическаго общества, дѣятельнѣйшимъ членомъ котораго былъ Надеждинъ.

Одновременно съ работой передовыхъ членовъ, къ вопросу о народности образованное общество обращалось и въ лицѣ нѣкоихъ видныхъ своихъ представителей, приходившихъ къ тому или иному отношенію къ предмету не столько путемъ логическихъ разсужденій, сколько вѣрнымъ историческимъ инстинктомъ.

„Въ 20-хъ годахъ слово „народность“ все чаще повторяется въ литературѣ, — говоритъ г. Пынинъ. — Это слово называлъ кн. Одоевскій въ половинѣ 20-хъ г.; о народности говорилъ Максимовичъ въ духѣ романтическаго увлеченія народной поэзіей; Надеждинъ искалъ въ ней средства противъ увлеченія чужеземнымъ и желалъ объяснить ее исторически; къ народности начинаютъ стремиться поэты и беллетристы; предприимчи-

машутся этнографическія работы съ опредѣленнымъ планомъ изслѣдованія народности¹⁾. Малообразованные люди, какъ, напр., Сахаровъ, нѣсколько позже Терещенко или плохо подготовленные для этого дѣла лица, какъ Даль, Сивигревъ, собираютъ и издаютъ массу любопытнаго этнографическаго матеріала. Изслѣдователями руководило не простое дилетантское стремленіе къ собранію сказокъ, пѣсень и т. п., а полунстинктивное сознаніе важности предмета для познанія основныхъ чертъ русской народности. Стремленіе изучать народъ, отыскивать русскую народность въ языкѣ, обычаяхъ массы и т. п., — говорить г. Пиничъ, — было въ воздухѣ. Будущіе дѣятели идеи „прежде чѣмъ сознательно воспринимать ее, влекутся къ ней инстинктивно: и по французски образованный Пушкинъ, и по-нѣмецки воспитанный Даль, и полуобразованный Сахаровъ, и постаринному учившійся Сивигревъ“²⁾. Съ теченіемъ времени полунстинктивныя стремленія складываются въ болѣе или менѣе обоснованную теорію или, по крайней мѣрѣ, въ болѣе или менѣе ясно-формулированную идею, которая и служитъ руководителемъ въ работѣ. И вотъ, „въ то время, когда только что начало бродить въ умахъ стремленіе къ „народности“, — котораго еще не умѣли здраво приложить ни въ литературѣ, ни въ жизненныхъ отношеніяхъ, ни установить научно — Сахаровъ странно и угловато, но ревностно и упрямо указывалъ источники чистой народности въ народномъ бытѣ, старинѣ, поэзіи и преданіяхъ, настаивалъ на ихъ изученіи и издавалъ цѣлый рядъ народно-поэтическихъ произведеній“³⁾. Также и Даль „еще юношей ставилъ себѣ задачей разыскивать подлинную русскую народность въ языкѣ и обычаяхъ“⁴⁾. И несмотря на то, что многія изъ такихъ лицъ были люди малообразованные, — „точка зрѣнія, напр., Сахарова была первобытная, очень странная, грубая, патлуното-сантиментальная“, — ихъ труды имѣли большую цѣнность и производили сильное впечатлѣніе на общество. О богатствѣ матеріаломъ „Толковаго словаря живого великорусскаго языка“ Дала, напр., г.

¹⁾ Пиничъ, *id.*, с. 390, 410.

²⁾ *Id.*, с. 276, 343.

³⁾ *Id.*, с. 281—2.

⁴⁾ *Id.*, с. 343.

Пининъ говоритъ, что трудовъ подобнаго рода немного найдется и въ богатыхъ иностранныхъ литературахъ. „Появленіе историческихъ и этнографическихъ матеріаловъ Сахарова, говорить тотъ-же изслѣдователь, было дѣльнымъ событіемъ, давалъ новыя свѣдѣнія объ искомой „народности“, расширяя горизонты наблюденій, возбуждая новые вопросы и новыя точки зрѣнія“. „Никто до тѣхъ поръ не могъ произвести на русское общество такого вліянія въ пользу уваженія къ русской народности, какъ этотъ молодой любитель“, говоритъ о Сахаровѣ его современникъ Срезневскій.

Указанія лица пропагандировали идею народа, какъ основу самобытнаго развитія страны, практически: изучая народъ и показывая обществу содержаніе его духовной жизни; попытка-же теоретическаго обоснованія этой идеи сдѣлана была славянофилами.

IV.

{ Славянофильство, повидимому, отжило свой вѣкъ и можетъ уже принадлежать исторіи. } Въ наиболѣе чистомъ его теченіи, оно впрочемъ уже давно разсматривается, какъ явленіе прошлаго; но, несмотря на то, что наша литература посвящала славянофильству много вниманія, нельзя сказать, чтобы это явленіе русской повѣйшей исторіи было вполне выяснено. Сказанное видно уже изъ того, что исторіи литературы расходятся въ мнѣніяхъ по вопросу о самомъ происхожденіи разсматриваемаго направленія нашей общественной мысли, и слышь да рядомъ одно и то же лицо высказываетъ по этому предмету два взаимно противоположныя мнѣнія.

Факторами, участвовавшими въ образованіи славянофильства, г. Пининъ считаетъ нѣмецкую философію, романтическія вліянія, патріотическую любовь къ своему народу и общественно-политическую атмосферу въ Россіи 30—40-хъ гг.

Мыслящіе люди того времени, вышшіе въ своей душѣ потребность идеала, неудовлетворялись окружающею ихъ дѣйствительностью. „Прямая практическая дѣятельность, въ смыслѣ пробудившихся общественныхъ стремленій была невозможна — и

уственный трудъ лучшихъ людей новаго поколѣнія пошелъ на исканіе общихъ принциповъ, на созданіе отвлеченнаго идеала. Движеніе пошло по двумъ направленіямъ. Оба не удовлетворялись настоящимъ, но одно отнеслось къ нему прямо отрицательнымъ образомъ, и, видя его недостатки, — безсознательности и безсиліе общества, невѣжество народа, — ожидало спасенія отъ большаго распространенія образованности, отъ усвоенія европейскаго знанія. Другое направленіе тоже искало лучшаго, но отъ настоящаго бросилось въ прошедшему“.

Спрашивается, отчего же произошло такое разномысліе въ отношеніи путей будущаго развитія страны? Почему славянофилы, воспитанные подъ тѣми же вліяніями, что и западники, „владѣющіе по словамъ г. Пыпина, средствами той новѣйшей образованности, на которую западаютъ во имя народной старини“, славянофилы, которые „были образованные люди 20—30-хъ гг., начинали съ того движенія, которое дѣйствовало въ 20-хъ гг., затѣмъ довоспитались на нѣмецкой философій, изъ которой они взяли способъ разсужденія и по ней составили теоретическія положенія своей системы и въ этомъ отношеніи не отличавшіеся отъ своихъ противниковъ“; почему славянофилы, патриотическая любовь коихъ къ народу тоже не была ихъ исключительнымъ достоинствомъ, а одушевляла ихъ также, какъ и „лучшихъ людей литературы“, — почему они отrekliсь отъ Запада и со всяческими натужками притягивали къ своимъ просвѣтительнымъ идеаламъ невѣжественную и грубую московскую Русь?

Вспомнимъ, что характеристическими особенностями славянофильства были: 1) известная система религіозныхъ и социальнo-политическихъ воззрѣній; 2) убѣжденіе, что древнерусскій бытъ служилъ выраженіемъ началъ, лежащихъ въ основѣ этихъ воззрѣній въ томъ идеализированномъ видѣ, въ какомъ фигурируютъ эти начала въ ученіи славянофиловъ; 3) мнѣніе, что современные имъ недостатки общественнаго быта обязаны своимъ происхожденіемъ реформѣ Петра, поставившей Россію на путь слѣдованія мѣтѣ совершенной и уже обреченной на гибель цивилизаціи западной Европы; 4) мнѣніе, что спасеніе Россіи заключается въ возвращеніи къ ея исконнымъ началамъ

развитія, еще сохранившимся въ быту и воззрѣніяхъ простаго народа.

Чтобы найти генетическую связь между указанными отдѣльными положеніями славянофильства, слѣдуетъ прежде всего имѣть въ виду, что составленное славянофилами представленіе о древнерусскомъ бытѣ не было результатомъ научныхъ историческихъ изслѣдованій, а, напротивъ того, построено вопреки тому, что было извѣстно о древней Руси. По словамъ г. Венгерова, напр., Б. Аксаковъ, главный обоснователь исторической части ученія славянофиловъ, „приступалъ къ историческимъ работамъ исключительно затѣй, чтобы обставить фактами тѣ апріорные выводы, которые онъ дѣлалъ подъ диктовку общаго своего міросозерцанія“¹⁾. „Цѣлое построеніе К. Аксакова, говоритъ г. Пипинъ, вышло не выдерживающимъ критики даже его апологеты, напр., Костомаровъ; теорія не подтверждалась даже основными господствующими фактами русской исторіи. Аксаковъ не хотѣлъ ихъ знать, отклонялъ ихъ, потому что они нѣшали стройности его идеалистическаго зданія“²⁾. Словомъ, славянофилы вырабатывали свои историческія воззрѣнія, игнорируя дѣйствительную исторію, исходя не изъ общепризнанныхъ историческихъ фактовъ, а изъ нѣкоторыхъ идеальныхъ представленій, въ угоду которымъ они конструировали прошлое. Иначе говоря, прошедшее не было реальной основой міросозерцанія славянофиловъ; оно служило искусственнымъ орудіемъ, при помощи котораго славянофилы воздвигали свои социальнo-этическія построенія. Связь славянофильства съ преданіями стараго быта была искусственная или, выражаясь словами г. Пыпина, *теоретически—надуманная*.

Такой же теоретической надуманностью отличаются и религіозныя воззрѣнія славянофиловъ. Для нихъ „православіе есть атрибутъ русской народности, говоритъ г. Соловьевъ; оно есть истинная религія въ концѣ концовъ лишь потому, что его исповѣдуетъ русскій народъ“³⁾. Это мнѣніе находитъ себѣ подтвержденіе какъ въ самомъ сознаніи славянофиловъ, что необ-

¹⁾ Критико-библиографическій словарь русск. писателей. I, с. 285.

²⁾ Исторія русской этнографіи. Т. II, с. 213.

³⁾ Национальный вопросъ въ Россіи, в. 1, с. 36.

ходимо „слиться съ жизнью русской земли, не пренебрегая даже мелочами бычяя и, такъ сказать, обряднымъ единствомъ, какъ средствомъ къ достиженію единства истиннаго и еще болѣе, какъ виднымъ его образомъ“ (Хомяковъ), такъ и въ характерномъ фактѣ мотивировка Кирѣевскимъ его обращенія въ православіе ¹⁾).

Итакъ, содержаніе системы положительнаго міросозерцанія славянофиловъ не явилось результатомъ органическаго развитія какихъ-либо основныхъ идей, истинность которыхъ была въ всякихъ сомнѣній, а было построено преднамѣренно, въ интересѣ какого-то основного мотива, характеризующаго это направленіе нашей общественной мысли. Формальный пріемъ обоснованія идей славянофиловъ, — обращеніе къ древне-русскому быту, — слѣдуетъ считать такимъ же теоретически надуманнымъ шагомъ, въ интересахъ какой-то основной идеи. } Что это за основной мотивъ и въ чемъ заключается основная идея славянофильства — можно видѣть уже изъ того, что, по признанію его противниковъ, „идеаломъ славянофиловъ былъ народъ, и здѣсь была сила этой школы“. Для лучшаго же разъясненія вопроса слѣдуетъ обратиться къ двумъ основнымъ положеніямъ славянофильскаго міросозерцанія: первое заключается въ мысли о подражательномъ характерѣ культуры и культурномъ безсильіи нашего привилегированнаго общества; второе состоитъ въ утвержденіи, что для выхода на правильный путь прогрессивнаго развитія необходимо обратиться къ началамъ жизни и міросозерцанія простого народа. Итъя это въ виду, намъ сдѣлается яснымъ происхожденіе и значеніе славянофильства, какъ выраженія известнаго момента въ развитіи русской общественной мысли.

Мы видѣли, что интеллигентные люди 20—30-хъ годовъ относились отрицательно къ культурнымъ силамъ современнаго имъ общества, причемъ, соответственно господствующему настроенію, въ 20-хъ годахъ это отрицаніе выразилось въ отношеніи социально-политической стороны быта, а въ 30-хъ годахъ оно касалось почти исключительно сферы явленій духовной культуры.

¹⁾ См. тамъ же.

Такимъ образомъ, одною изъ своихъ посылокъ славянофилы при-
 хикали къ предшествующимъ публицистамъ. — Мы знаемъ, далѣе,
 что для поднятiя духовной культуры теоретики-публицисты 30-хъ
 годовъ считали необходимымъ обращенiе къ народной стихiи,
 элементами которой въ сферѣ литературнаго творчества являются
 извѣстныя психологическiя особенности національнаго типа, по-
 чему это обращенiе могло бы быть, согласно этой теорiи, достигну-
 то, съ одной стороны, твердымъ рѣшенiемъ привилегированной
 интеллигенции слѣдовать влеченiю своего національнаго „я“, съ
 другой — изученiемъ національнаго духа въ его проявленiяхъ во
 вѣхъ. Славянофилы, — въ соответствии съ общественно-политиче-
 скимъ настроенiемъ своего времени перенесли вопросъ опять на
 социально-этическую почву, на почву отношенiй, необходимо охва-
 тывающихъ всю массу населенiя во вѣхъ сторонахъ его жизни,
 причемъ значительная часть этихъ отношенiй осуществляется при-
 нудительнымъ путемъ — въ дѣлѣ указанiя способовъ достиженiя
 лучшаго не могли довольствоваться ссылкой на неопредѣленное
 по содержанiю понятiе народнаго духа, такъ какъ сфера раз-
 сматриваемыхъ отношенiй уже воплотивалась извѣстнымъ обра-
 зомъ, т.-е. въ духѣ опредѣленныхъ идей, при посредствѣ опре-
 дѣленныхъ формъ, причемъ и тѣ, и другiя въ значительной
 степени вырабатывались сознательнымъ участiемъ въ процессѣ
 правящихъ классовъ. Развитие самосознанiя общества въ сферѣ
 этихъ отношенiй должно заключаться, во-1-хъ, въ указанiи и
 борьбѣ за новыя формы быта, идущiя на смѣну старымъ, на-
 сколько эти формы подлежатъ осуществленiю принудительнымъ
 путемъ; во-2-хъ, въ оцѣнкѣ движущихъ національное развитiе
 силъ, какъ постояннаго источника новыхъ идей и формъ жизни.
 Въ первомъ отношенiи славянофилы и западники стояли за однѣ
 и тѣ же мѣры, составившия содержанiе преобразованiй въ цар-
 ствованiе Императора Александра II. Что же касается второго,
 то, продолжая вмѣстѣ съ своими современниками признавать,
 что истинно-прогрессивное развитiе общества должно быть вмѣстѣ
 съ тѣмъ и національнымъ, и, оставаясь на почвѣ критическаго
 отношенiя къ культурнымъ силамъ привилегированнаго класса, —
 отношенiя, завѣщаннаго предшествующимъ періодомъ, — славяно-
 филы неизбѣжно должны были указать на другой изъ нашихъ

классовъ, какъ на истинный источникъ прогрессивнаго развитія страны въ духѣ и общечеловѣческой правды, и національной злобытности. Такъ, Константинъ Аксаковъ слѣдующимъ образомъ объясняетъ „страшную апатію, господствующую въ образованномъ русскомъ обществѣ“. „Такою апатіей и блѣдностью, такимъ жалкимъ эгоизмомъ кажутся русскіе люди за презрѣніе къ народной жизни, за оторванность отъ русской земли, за аристократическую гордость просвѣщенія, за исключительность присвоеннаго права называть себя настоящимъ и отодвигать въ прошедшее всю остальную Русь. Сибирское невѣжество противопоставляютъ они всей древней, всей остальной и прежней, и нынѣшней Руси, — гордость учениковъ, ставящихъ себя въ свою очередь въ учителя. Мы похожи на растенія, обзавившія отъ почвы свои корни; мы сохнемъ и вянемъ. Но насъ спасетъ глубокая сущность русскаго народа — тотъ самъ виновать, кто не обратился къ ней“¹⁾.

Но указывая на необходимость широкаго участія въ нашемъ прогрессивномъ развитіи стихій простаго народа, славянофилы должны бы были обратить главное вниманіе на вопросъ о томъ, какими средствами достигнуть того, чтобы носитель этой стихіи сдѣлался активнымъ агентомъ исторіи, — имѣя въ виду, что въ противоположъ случаѣ, при разобщенности культурнаго общества съ массою народа, привилегированная интеллигенція не можетъ брать на себя задачу выраженія идей и формъ, зарождающихся въ народѣ и составляющихъ зерно грядущаго будущаго, не можетъ поэтому быть руководителемъ самобытнаго прогрессивнаго развитія народа. При этихъ условіяхъ она можетъ формулировать идеи и формы, уже ясно выразившіяся въ сознаніи массы, можетъ противопоставить имъ идеи и формы, выработанныя чужой жизнью, можетъ, наконецъ, измыслить свои собственные образцы или предложить рѣшеніе вопроса, вытекающее изъ эволюціи идей и отношеній самого культурнаго общества; но, за исключеніемъ случаевъ безусловно назрѣвшихъ и самихъ о себѣ вопіющихъ потребностей, — въ лучшемъ, это дастъ только матеріалъ, который долженъ быть еще переработанъ народнымъ со-

¹⁾ Пыпинъ. Характеристика, с. 329.

знаніемъ; въ худшемъ же—указанное отношеніе къ предмету поведеть лишь къ задрѣвленію *status quo* или къ водворенію порядковъ, выгодныхъ для привилегированнаго класса и задерживающихъ правильное развитіе народа.

Славянофилы были слишкомъ мало политичны для того, чтобы въ-время остановиться въ развитіи своей народнической идеи, и обладали недостаточными силами для внесенія нужныхъ съ ихъ основной точки зрѣнія поправокъ въ сумму циркулирующихъ въ русскомъ обществѣ представленій объ общемъ ходѣ прогресса. Да и самыя социальне-философскія представленія того времени отличались слишкомъ большимъ индивидуализмомъ, слѣдствіемъ котораго была увѣренность, что отдѣльный уиъ всегда въ состояніи формулировать основныя задачи грядущаго развитія общества. Не будучи, поэтому, способными остановиться на полноту, рѣшаясь указать не только общее направленіе національнаго развитія Россіи, но и путя, которыми оно должно слѣдовать, идеи, которыя оно должно осуществлять; пытаясь отыскать эти идеи въ представленіяхъ народа, съ которыми, по собственному сознанію славянофиловъ, они были разобщены,—славянофилы могли найти въ этихъ представленіяхъ лишь то, что рѣзко бьетъ въ глаза, что вылилось въ опредѣленные формы, что уже призвано официально. При очевидной недостаточности этого матеріала для построенія цѣльной, рационально-обоснованной социальне-этической системы, имъ оставалось обратиться еще къ исторіи и затѣмъ — пользуясь и общимъ незнаніемъ миро-созерцанія народа, и неразработанностью его исторіи—изъ немногихъ вѣрныхъ фактическихъ данныхъ создавать идеалистическія построенія, конструирующія такую связь между воззрѣніями народа и социальне-политическимъ бытомъ страны въ древности, какая отсутствовала въ настоящей жизни, и которая одна могла бы до извѣстной степени оправдать систему социальныхъ воззрѣній славянофиловъ. А для объясненія рѣзкаго различія въ этомъ отношеніи прошедшаго и настоящаго они воспользовались циркулирующей въ обществѣ теоріей о переломѣ въ нашей исторіи, совершившемъ Петромъ Великимъ.

Такимъ образомъ, славянофильство представляется намъ, какъ первая попытка въ русской литературѣ перенести вопросъ о

содержаніи и задачахъ нашей культуры съ національной на классовую почву. Такое перенесеніе было очереднымъ логическимъ шагомъ въ процессѣ теоретическаго разсмотрѣнія вопроса о культурныхъ силахъ русскаго общества, какъ мы видѣли, всегда занимавшаго вниманіе мыслителей русскіихъ людей. Но этотъ логически-очередной шагъ заключается лишь въ указаніи на народную массу, какъ на истинное основаніе богатой самобытной культуры, и слѣдующія ступени въ развитіи идеи должны бы состоять изъ разработкѣ вопроса о тѣхъ ибѣрахъ со стороны интеллигенціи, какія способны привести къ тому, чтобы народъ получилъ возможность активно участвовать въ историческомъ процессѣ. Такъ какъ этому активному участию должно предшествовать еще освобожденіе народа отъ ирѣлостной зависимости и образованіе привилегированной интеллигенціи, которая современемъ могла бы служить посредникомъ между наукой и массой народа, т.-е. должны предшествовать такіа измѣненія въ нашемъ быту, которыя были доступны силамъ культурнаго общества и даже ставились имъ, какъ ближайшія практическіа задачи, то, очевидно, что такъ-называемые западники, ратовавшіе за эти реальныа задачи, больше содѣйствовали приближенію желательнаго момента, осуществленія самобытной національной культуры, нежели славянофилы съ своими попытками указать положительное содержаніе той культуры, какую, при извѣстныхъ условіяхъ, осуществилъ бы русскій народъ. Эти попытки доказываютъ только, что, ссылаясь на народъ, какъ на настоящую основу самобытной культуры, славянофилы не въ силахъ были вывести изъ этого положенія необходимыа практическіа слѣдствія, и вмѣсто того, чтобы направить свои силы на предварительную работу, имѣющую цѣлью приближеніе момента выступленія на арену исторіа массы простого народа, — что было въ предѣлахъ компетенціи славянофиловъ, какъ членовъ культурнаго общества, — они занялись построеніями, выходящими изъ границъ ихъ предвидѣнія и составляющими задачу будущаго, а не настоящаго.

V.

Въ слѣдующій періодъ нашей исторіи вопросъ о культурныхъ силахъ русскаго общества мало занималъ литературу. Наступила эпоха преобразованій въ сферѣ общественныхъ и бытовыхъ отношеній, и всѣ силы интеллигенціи пошли на это дѣло. Наша привилегированная интеллигенція переживала самый свѣтлый періодъ своего существованія, какого она не видѣла раньше и какого, увы! больше не увидитъ. Она была призвана къ выполнению величайшихъ реформъ нашего времени, тѣмъ болѣе плодотворныхъ, что онѣ давно назрѣли въ жизни и что при ихъ осуществленіи Россія могла пользоваться богатимъ опытомъ болѣе развитыхъ странъ. При этомъ передовая интеллигенція сдѣлала все отъ нея зависящее для того, чтобы реформы были проведены по возможности въ интересахъ народа. Этого она могла достигать, потому что интересы лица, интересы человека стояли у нея на первомъ планѣ; этимъ началомъ и широкими принципами правды, справедливости руководствовалась она при оцѣнкѣ различныхъ явленій жизни и мысли, не допуская заимѣнъ этихъ принциповъ благовидными формулами, въ родѣ подъема „культуры“, „производительности труда“, „святости искусства“ и т. п., формулами, съ виду имѣющими общечеловѣческой характеръ, но реальное содержаніе которыхъ въ дѣйствительности опредѣляется интересами господствующаго класса.

Свершая реформы въ интересахъ массы, принимая дѣятельное участіе въ общественной жизни, интеллигенція тѣмъ самымъ устраняла одно изъ основаній для жалобъ на безсиліе культурнаго общества и сомнѣній въ его творческихъ способностяхъ. Это, однако, не значить, что передовая интеллигенція періода реформъ держалась на этотъ счетъ взглядовъ, совершенно противоположныхъ взглядамъ ея предшественниковъ. Это значить лишь то, что мыслящіе люди заняты были, главнымъ образомъ, разработкой нахлынувшихъ въ русскую жизнь текущихъ вопросовъ быта и міросозерцанія и не имѣли ни надобности, ни возможности отвлекаться отъ этой насущной работы къ практически въ данный моментъ безплодной критикѣ социальнo-культурныхъ

основъ движеній. Но что она понимала слабость этихъ основъ въ привилегированномъ обществѣ и преимушество въ этомъ отношеніи народной массы, — о томъ свидѣтельствуютъ случаи, когда, по разнымъ поводамъ, интеллигенція сталкивалась съ этими вопросами, какъ это, напр., видно по Добролюбову.

Не много было писателей, болѣе страстно предавшихся дѣлу преобразования, говоритъ о Добролюбовѣ г. Пыпинъ. Въ этомъ вопросѣ у него не было колебаній: всякимъ недоумѣніямъ о томъ, какъ можетъ сложиться въ будущемъ судьба народа, слишкомъ подавленнаго старой исторіей, не приготовленнаго къ гражданской жизни, невѣжественнаго и т. д., онъ противопоставлялъ глубокую увѣренность, что въ народѣ найдется достаточный запасъ ума и нравственной силы, чтобы съ достоинствомъ занять свое новое положеніе... Его упрекали, даже безповоротно обвиняли за рѣзкость мнѣній и приговоровъ, неуваженіе къ авторитетамъ; но теперь, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ, всякому безпристрастному человѣку не трудно видѣть, что источникомъ его желчной страстности было именно и только то, что въ *общество и литературу онъ видѣлъ мало силъ и волеи, которыя отвѣчали бы положенію*^{*)}. Вѣра въ народъ и свободное критическое изученіе его — былъ выводъ Добролюбова. Онъ замѣчательнъ исторически тѣмъ, что отмѣчаетъ дѣйствительный переломъ, который долженъ былъ начаться и въ самомъ дѣлѣ начался, какъ въ художественномъ изображеніи народа, такъ и вообще въ отношеніи къ нему литературы. Новый взглядъ развился потому въ цѣлое литературное явленіе. Въ этихъ мысляхъ, которыя особенно рельефно были высказаны Добролюбовымъ, заключались все лучшія стороны позднѣйшаго народничества, какъ горячаго желанія узнать народъ и служить его дѣлу^{*)} 1).

Поэтому, когда послѣ непродолжительнаго періода реформаціоннаго оживленія наступило затишье и отступленіе назадъ, и литература такъ усердно занялась опять критикою силъ и способностей нашего культурнаго общества, — она только продолжала развитіе идеи, полученной по наслѣдству отъ предшесствующаго времени.

^{*)} Исторія русской этнографіи, т. II, с. 363, 369.

Такая критика въ области мысли, въ полномъ согласіи съ явленіями жизни, продолжается непрерывно вплоть до самаго послѣдняго момента, и жизнелюбие подобнаго отношенія литературы къ предмету доказывается тѣмъ, что люди различныхъ направленій, въ общенъ, приходятъ къ одинаковымъ заключеніямъ. Мы приведемъ здѣсь нарочно жгѣнія на этотъ счетъ лицъ, заявившихъ себя противниками народничества и взявшихъ подъ свою защиту культурную интеллигенцію, которую будто бы отрицаетъ народничество.

„Периодъ общественнаго увлеченія, наполнившій первые годы прошлаго царствованія, — пишетъ г. Пининъ, — былъ весьма непродолжителенъ. Уже тогда можно было замѣчать, сколько въ немъ непрочнаго и шаткаго... Однимъ изъ характерныхъ особенностей въ дѣятельности Добролюбова было именно его чуткое отношеніе къ подобнымъ произведеніямъ общественности, гдѣ его негодующее остроуміе направлялось противъ фальши, лицемерія и недодуманности, которыхъ въ самомъ началѣ было не мало въ либеральныхъ заявленіяхъ и которыхъ не обѣщали ихъ прочности“. Согласно сказанному, г. Пининъ считаетъ, что направленіе нашей общественной жизни, принятое ею въ 60-хъ годахъ, измѣнилось впоследствии не столько подъ вліяніемъ какихъ либо внѣшнихъ условій, сколько главнымъ образомъ потому, что „въ общей массѣ нашего гражданскаго развитія былъ еще слишкомъ не великъ запасъ просвѣщенныхъ силъ, которыя могли дать прочную основу требованіямъ реформы. Донынѣ, почти черезъ тридцать лѣтъ послѣ реформы, она еще не примирила своихъ враговъ“. Напоминаемъ читателю, что сказанное относится къ реформѣ, преобразовавшей тѣ порядки, о которыхъ г. Пининъ говоритъ: „въмѣ в самой власти было тогда (послѣ Крымской войны) ясно, что прежній порядокъ вещей несостоятеленъ, что государству, обществу и народу нуженъ иной путь для того, чтобы ихъ силы стали дѣйствительными, а не предполагаемыми — даже для борьбы со внѣшнимъ врагомъ“. И вотъ, тридцати лѣтъ практики новыхъ порядковъ было для нашего культурнаго общества недостаточно, чтобы примирить всѣхъ съ необходимой реформой; черезъ тридцать лѣтъ мы встречаемся съ понымаками возвращенія старыхъ порядковъ.

„Наша литература не поддерживается влиянием общества, — продолжает развивать свою мысль авторъ, — другими словами литература — въ своихъ лучшихъ силахъ и трудахъ — является выраженіемъ *столь незначительной доли общества*, именно болѣе просвѣщенной, что она находится вполнѣ во власти обстоятельствъ. Они могутъ оживиться, когда обстоятельства сложатся благополучно; могутъ, даже при сохраняющейся наличности своихъ обыкновенныхъ силъ, зачахнуть и увясть, если время стоитъ неблагоприятное¹⁾. Въ противоположность положенію, въ какомъ находится прогрессивная печать, положенію, при которомъ „полезныя, вполнѣ безвредныя и безобидныя мысли не могли высказаться, — явно ошибочныя и пристрастныя, отвергаемыя всѣмъ ходомъ русской исторіи, наукой и опытомъ, чуждыя и чуждыя, напротивъ, пользовались въ печати совершенной свободой“²⁾.

Сравнивая наше время съ сороковыми годами, г. Пыпинъ говоритъ, что еще далеко не выполнены задачи, „которыя это прошедшее ставило нашему общественному развитію и литературѣ... Въ *умахъ и нравахъ общества* и въ самихъ учрежденіяхъ не существуетъ то понятіе, безъ котораго немислимы серьезныя успѣхи въ образованіи — понятіе о свободѣ научнаго изслѣдованія³⁾, вслѣдствіе чего „существованіе нашей науки до сихъ поръ случайно и непрочно“. Вопросъ образованія все еще „находится въ самихъ неблагоприятныхъ условіяхъ“⁴⁾. Вопросъ о томъ, нужны-ли народу школы или нѣтъ „и по сію минуту находится въ томъ спорномъ положеніи, въ какое онъ попалъ при самомъ своемъ возникновеніи, въ концѣ 50-хъ гг. Положеніе совершенно своеобразное и которому довольно трудно найти параллель въ жизни западно-европейской... Бросается въ глаза, что положеніе нашей народной школы является крайне неопредѣленнымъ, неустойчивымъ, случайнымъ и вслѣдствіе того неорганизованнымъ“.

Разбирая явнѣе г. А. Пругавина, что интеллигенція обязана дать народу образованіе, г. Пыпинъ спрашиваетъ: имѣетъ ли интеллигенція возможность исполнить эту обязанность? Изъ

¹⁾ Ист. русск. этногр., т. II, с. 376—9.

²⁾ Характеристики, с. 517.

дальнѣйшаго оказывается, что г. Пининъ сомнѣвается въ самомъ существованіи интеллигенціи, какъ самостоятельнаго элемента въ нашемъ обществѣ.

„Что могъ авторъ разумѣть подъ названіемъ интеллигенціи?—спрашиваетъ онъ. Это слово обозначаетъ просто образованныхъ людей, т.-е. обширную массу частныхъ лицъ, разсѣянныхъ по всѣмъ угламъ имперіи, ничѣмъ не связанныхъ, не представляющихъ даже никакой возможности организаціи, лицъ единичныхъ и тѣмъ самымъ безсильныхъ и безправныхъ для какого-либо предпріятія, въ томъ громадномъ размѣрѣ, какой предполагается обязанностью служить образованію цѣлаго народа. Очевидно, для этихъ лицъ остается только возможность питать благія пожеланія или, самое большее, содѣйствовать народному образованію какими-нибудь личными трудами, денежнымъ пожертвованіемъ“, которые еще „могутъ и не дойти до своего назначенія“. Неизвѣстны даже запросы народа къ образованію, нужно еще найти средства привести ихъ въ ясность. Такимъ образомъ „здѣсь, какъ и во всѣхъ иныхъ вопросахъ нашей общественной и народной жизни, та интеллигенція, какую подразумеваетъ г. Пругавинъ, почти совсѣмъ безсильна, а интеллигенція вообще, какая есть на дѣлѣ, представляетъ вѣчто весьма неопредѣленное и безхарактерное“. Въ настоящемъ положеніи вещей, — продолжаетъ г. Пининъ, — авторъ поступилъ бы вѣрнѣе, еслибы „обязанности“ направилъ не къ интеллигенціи, которая есть классъ весьма неопредѣленный, совершенно неорганизованный и, наконецъ, не имѣющій ни права, ни возможности распоряжаться народной школой и грамотностью, а къ тѣмъ вѣдомствамъ, которыя имѣютъ власть надъ народной школой или имѣютъ извѣстное право участія въ ея устройствѣ. Это — министерство народного просвѣщенія, духовное, военное и нѣкоторыя вѣдомства, наконецъ, городское и земское представительство“¹⁾.

Еще рѣзче высказывается на этотъ счетъ другой противникъ народничества, г. Влад. Соловьевъ. По его мнѣнію, русская наука, философія, искусство находится уже въ періодѣ упадка: „мы не видимъ никакихъ положительныхъ задатковъ или хотя бы сколько-

¹⁾ „Вѣстн. Екр.“, 1891, I, „Народная грамотность“.

набудь определенных вѣроятностей (въ данной дѣйствительности, при данныхъ условіяхъ) для великаго и независимаго будущаго Россіи въ области мысли и знанія¹⁾. По мнѣнію официальныхъ организацій — церковной и государственной — говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ — въ Россіи нѣтъ „прочнаго союза свободныхъ индивидуальныхъ силъ, солидарно и сознательно дѣйствующихъ для улучшенія народной жизни, для національнаго прогресса; — такой организаціи или, лучше сказать, свободной координаціи дѣятельныхъ силъ у насъ не существуетъ, а слѣдовательно нѣтъ и общества въ настоящемъ, положительномъ смыслѣ слова. Подъ именемъ общества существуетъ хаотичная, безформенная масса съ непрочною и случайною группировкою частей, съ отдѣльными случайно возникающими и безслѣдно исчезающими центрами, съ разрозненною и безплодною дѣятельностью²⁾. „Хотя бы верховное правительство и было воодушевлено самою высокою и святою идеею, оно не нашло бы для ея осуществленія пригодныхъ орудій въ русскомъ обществѣ. Самоотверженные исполнители, герои рядовые всегда найдутся въ нашемъ народѣ для всякаго дѣла; но гдѣ въ нашемъ обществѣ правящій классъ, способный и привыкшій къ солидарному дѣйствію?³⁾).

Такое же приблизительно мнѣніе заявляется и редакціей протязиваго народничеству либеральнаго органа, каковое заявленіе должно считаться тѣмъ болѣе цѣннымъ, что имъ выражается призваніе отсутствія соціальной основы для нашего либерализма (въ узкомъ смыслѣ слова), какъ практическаго направленія общественной мысли⁴⁾. По мнѣнію этой редакціи, — заявившей,

¹⁾ Национальный вопросъ, в. 1, с. 136.

²⁾ „Сѣверный Вѣстникъ“, 1892 г., № 7.

³⁾ Конечно, не что иное, какъ сознаніе отсутствія этой основы вызвало нижеслѣдующее категорическое заявленіе другого либеральнаго органа относительно вопросовъ, которые многие считали главными пунктами практической программы нашего либерализма: „Намъ казалось, что простѣя, хотя самыя усердныя и продолжительныя усмотранія на тему „народа“ не приведутъ ни къ чему, если не будетъ расширена область предметовъ, доступныхъ свободному критическому изслѣдованію, и вторыхъ, если не будетъ расширена область общественной инициативы, которая могла бы сближать общество съ народомъ въ непосредственномъ

что между ею и В. С. Соловьевичъ „лѣтъ въ области русскихъ общественныхъ вопросовъ никакого разномыслия, такъ какъ по отношенію къ народничеству мы (редакція) всегда высказывались въ томъ же смыслѣ, въ какомъ пишетъ и талантливый авторъ“ — русское общество „только на нашихъ глазахъ превращается изъ публики въ общество“¹⁾).

Въ полномъ согласіи съ публицистикой, въ дѣлѣ нынѣшняго культурныхъ силъ русскаго общества, дѣйствовала и изящная литература. Сказанное видно уже изъ того положенія, какое въ этой литературѣ занимаетъ сатира. На протяженіи ста лѣтъ мы имѣли четырехъ первоклассныхъ сатириковъ: Фонъ-Визина, Грибоѣдова, Гоголя и Салтыкова. Но и остальная наша беллетристика въ сущности есть та же сатира: изъ нея мы прежде всего познаете ту же культурную скудость русскаго привилегированнаго общества, которая составляетъ прямой объектъ воспроизведенія для сатирика. Поэтому-то наша беллетристика очень богата типами отрицательнаго характера; образцовъ же для излюбленнаго ею положительнаго типа служить человѣкъ, нѣсколько возвысившійся надъ общій уровень развитія общества и поэтому уже не чувствующій подъ собою почвы, сознающій себя въ этомъ обществѣ „лишнимъ“.

И такъ, согласно характеристикѣ нашего общества, сдѣланной современными публицистами, оно представляетъ собой весьма неважнаго руководителя культурнымъ развитіемъ народа. Благодаря его безсилію, русская наука до сихъ поръ лишена элементарнаго условія для правильнаго развитія, русская интеллигенція едва можетъ сдѣлать что-либо самостоятельно даже для распространенія простой грамотности. Общество не выработало

реальной дѣлѣ. Ни то, ни другое не находится въ распоряженіи лицъ, которыхъ въ настоящую минуту занимаетъ этотъ вопросъ: измѣненіе условій литературы и измѣненіе условій общественной инициативы составляютъ вопросъ цѣлой нашей общественной и государственной жизни; добрия пожеланія небольшого круга просвѣщенныхъ людей, въ сожалѣнію, недостаточны для того, чтобы достигнуть этого измѣненія. Мы не сомнѣваемся, что съ теченіемъ времени эти условія (формы общественной жизни) улучшатся; но когда и какими путями это произойдетъ, — этого, конечно, не скажетъ никто* („В. Е.“, 1893 г., № 2, с. 766).

¹⁾ „Русск. Мысль“, 1893 г., № 7.

никакихъ формъ для того, чтобы дать исходъ стремленіямъ, естественно возникающимъ среди его членовъ, по хбрѣ распространенія культуры. Мы видѣли, какъ стоитъ дѣло въ отношеніи проснушагося въ обществѣ стремленія къ распространенію народнаго образованія. Не въ лучшемъ положеніи оказался бы человѣкъ, стремящійся къ пополненію чтеніемъ собственнаго образованія: онъ съ большими затрудненіями получилъ бы указанія, какъ приняться за трудъ сколько-нибудь цѣлесообразно. А въ это самое время лица, понимающія необходимость такихъ указаній и чувствующія себя способными давать ихъ, лишены возможности сдѣлать что-либо на этомъ поприщѣ. Такія же затрудненія встрѣчаются „профанами“ при всякомъ проснушемся въ нихъ стремленіи культурнаго характера, стремленіи заняться интересующей ихъ наукой (гдѣ у насъ въ провинціи библіотеки, музеи, кабинеты?), филантропіей и т. п. Если же кто-нибудь вздумаетъ отдать все свои знанія непосредственно народу, быть полезнымъ ему во всехъ случаяхъ его повседневной жизни, для чего онъ попытается стать ближе къ нему, рѣшится отказаться отъ преимуществъ привилегированнаго положенія, удовольствуется болѣе чѣмъ скромной матеріальной обстановкой крестьянина — онъ не только возбудитъ подозрѣнія и насмѣшки со стороны иѣснаго культурнаго общества, но и столичными интеллигентами, замѣтившими на разстояніи только незнающее или „опрошеніе“ (эти интеллигенты, конечно, гораздо болѣе культуropоклонники, чѣмъ толстовцы, напр., народопоклонники), будетъ прославленъ, какъ идолопоклонникъ и, безъ дальнѣйшаго разсужденія, зачисленъ въ разрядъ лицъ, которыя „отказываются отвѣчать на дѣйствительныя потребности народа и отнимаютъ у него ту пользу, которую могли бы принести, содѣйствуя общему прогрессу страны въ качествѣ людей культурныхъ—ученыхъ, учителей, тахшировъ, лекарей и даже хотя бы честныхъ чиновниковъ, промышленниковъ и торговцевъ“.

Однихъ указанныхъ свойствъ русскаго общества достаточно для того, чтобы сказать, что это общество своими собственными силами не способно выполнять сколько-нибудь серьезную задачу общенароднаго характера, почему и представляется настоятельная необходимость стремиться къ тому, чтобы это общество не

оставалось единственнымъ источникомъ культурныхъ средствъ страны; стремиться къ тому, чтобы живая вода знанія могла оказывать оплодотворяющее вліяніе на ниву народной жизни, независимо отъ того, стертъ ли привилегированный классъ, сдѣлается ли онъ „изъ публики превратиться въ общество“ или будетъ пребывать въ видѣ „хаотической безформенной массы съ непрочной и случайной группировкой частей“. Если такое стремленіе не останется въ области однихъ благихъ пожеланій, если оно способно вылиться въ цѣлесообразныя формы личной и групповой дѣятельности и оказать замѣтное вліяніе на окружающую жизнь—въ такомъ случаѣ можно надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ нашъ народъ выступитъ на путь сознательнаго прогрессивнаго развитія, подобно тому, какъ выступили на этотъ путь другіе европейскіе народы. Въ противномъ же случаѣ ходъ нашего общественнаго развитія будетъ зависетьъ отъ историческихъ случайностей; стихійный процессъ этого развитія мало будетъ регулироваться сознательно-цѣлесообразнымъ направляющимъ вліяніемъ интеллекта, и во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ въ будущемъ, какъ и въ прошедшемъ, намъ останется обращать взоры къ власти, обременять ее заботами не только о томъ, что прямо входитъ въ кругъ ея вѣдѣній, но и о томъ, что всего естественнѣе могло бы быть выполнено обществомъ.

Этотъ выводъ не есть одио, оторванное отъ жизни, умствование. Вопросъ о просвѣщеніи народа есть старый вопросъ русской интеллигенціи, „широкая постановка котораго уже въ 60-хъ гг. считалась необходимою помощью для освобожденнаго народа,—она должна была на будущее время дать народу возможность, какъ понять правильно свое новое гражданское положеніе, такъ и вѣрнѣе осмотрѣться въ новыхъ условіяхъ хозяйства“¹⁾). Нѣтъ поэтому ничего удивительнаго въ томъ, если въ послѣдующее время вопросъ о расширеніи просвѣтительнаго вліянія интеллигенціи поднимался снова и снова, и если явилось направленіе общественной мысли, считающее этотъ вопросъ важнѣйшимъ изъ вопросовъ современной жизни.

¹⁾ А. В.—изъ „В. Евр.“ 1892 г., 10, с. 708.

Навстрѣчу этому движенію среди культурнаго общества идутъ процессы, совершающіеся въ глубинѣ народной жизни.

Всѣ реформы предшествующаго царствованія, а также и рядъ событій послѣдующаго времени, расшатываютъ міросозерцаніе массы населенія, образовавшееся въ крѣпостную эпоху, возбуждаютъ въ немъ новые процессы мысли и стремленіе къ знанію, къ полученію пособія науки. Такимъ образомъ, всякій шагъ со стороны просвѣтительной мысли по направленію къ массѣ является удовлетвореніемъ одновременно и требованіямъ логическаго процесса мысли, и запроса со стороны жизни. Въ силу сказаннаго, ни одинъ такой шагъ не пропадетъ даромъ, всякое усиліе оставитъ свой слѣдъ. Такая задача нисколько не иѣшаетъ выполненію другихъ очередныхъ задачъ жизни и вполне соответствуетъ условіямъ переживаемаго культурныхъ общественнаго момента, когда масса лицъ, не находя приложенія своихъ силъ на поприщѣ общественной дѣятельности, томится въ бездѣйствіи и бесплодно теряется, какъ культурная сила.

Итакъ, реальныя основанія для расчета на то, что задача текущаго момента—связать знаніе съ народной жизнью и освободить такимъ образомъ послѣднюю отъ полнаго подчиненія и дѣль культурнаго развитія привилегированному обществу—мы находимъ, во 1-хъ, въ томъ, что верхніе классы общества, будучи культурно-бесильными въ качествѣ класса, и отчасти по этой именно причинѣ, даютъ большое количество *лицъ*, готовыхъ посвятить свою дѣятельность благу народа, т.-е. готовыхъ взяться за то дѣло, которое представится имъ настоятельно необходимымъ—будетъ ли это дѣло заключаться въ проведеніи реформъ, предпринятыхъ властью, во внесеніи свѣта знанія въ темное существованіе массы и т. п.; во 2-хъ, въ томъ, что въ массѣ русскаго народа обнаруживается также стремленіе измѣнить формы своего быта и хозяйства сообразно требованіямъ времени, причемъ въ этомъ стремленіи народъ не только не чуждается рациональнаго пособія науки, но ищетъ такого пособія и уже пользуется тѣми обрывками знанія, которые случайно до него доходятъ. На этихъ-то двухъ положеніяхъ и основывается надежда, что культурное безсиліе нашего привилегированнаго класса не сдѣлается фатальнымъ для

судьбы Россіи; что русскій народъ и при культурной дезорганизаціи верхнихъ слоевъ общества найдетъ себѣ путь къ прогрессивному развитію.

VI.

Такииъ образомъ, мыслящіе русскіе люди послѣдняго столѣтія, отъ Карамзина до г. Пыпина и Вл. Соловьева вѣличительно, поддерживаемые нашими лучшими беллетристами, признавали слабость социальна-культурныхъ силъ нашего привилегированнаго общества и пытались указать нѣкоторыя причины этого безсилія. Этотъ фактъ (слабость) имѣетъ весьма важныя послѣдствія какъ для нашего общественнаго развитія, такъ и для направленія работы мысли русской интеллигенціи. Социально-культурное безсиліе привилегированнаго класса служитъ причиною того, что чуткія или мыслящія лица изъ среды русской интеллигенціи не находили возможности основываться въ своихъ построеніяхъ теоретическаго или практическаго характера на идеяхъ и формахъ, органически выработавшихся этимъ классомъ, и обнаруживали стремленіе искать опорную точку для своихъ построеній внѣ его. При этомъ часть интеллигенціи обращала свои взоры на идеи и формы, выработанныя Западомъ; другая искала опоры въ народѣ. Такъ объясняется, по нашему мнѣнію, то особенное, такъ сказать, народо-стремительное настроеніе значительной части русской интеллигенціи, отличающее ее отъ интеллигенціи западно-европейской, которое мы характеризовали выше словами двухъ извѣстныхъ историковъ нашей литературы. „Народныя стремленія въ нашей литературѣ, скажемъ опять словами г. А. В.—на, заключали въ себѣ не только потребность научнаго изслѣдованія народнаго преданія (гдѣ мы были учениками европейской науки), не только потребность найти для литературы болѣе реальное содержаніе и болѣе живую естественную форму (гдѣ опять наша литература находила опору въ европейскомъ движеніи), но и нѣчто другое: глубокой социальный вопросъ и національную вѣру“.

Мы уже упоминали о томъ, что г. А. В.—нѣ считаетъ та-

кое направлѣніе мысли русской интеллигенціи результатомъ вліянія нашего общественно-политическаго строя, пренебрегающаго тою, чтобы мысли о народѣ и народномъ получили должное выясненіе. Вѣрнаго въ этомъ мнѣніи то, что тяготѣніе русской интеллигенціи къ народу и сосуществующіе общественные порядки являются результатомъ одной и той же причины — соціального безсилія русскаго общества. При противоположныхъ условіяхъ, — еслибы русскій привилегированный классъ проявилъ способность отвѣчать на возникающія потребности соответствующими измѣненіями общественнаго характера, — активные элементы интеллигенціи чувствовали бы подъ собою твердую почву для проявленія своей интеллектуальной и практической энергіи, и ихъ тяготѣніе къ Западу и къ народу было бы выражено слабѣе. Такимъ образомъ, и условія нашей общественности, и тяга къ народу являются (въ значительной степени) результатомъ одной и той же причины, связаны другъ съ другомъ отношеніемъ соподчиненности третьему фактору. Эту связь г. А. В.—пъ обратилъ въ причину, признавъ одно изъ сосуществующихъ явленій за производящее, другое — за его слѣдствіе.

[Итакъ, по нашему мнѣнію, народолюбительная тенденція нашей интеллигенціи, между прочимъ, есть естественный результатъ соціально-культурныхъ свойствъ русскаго общества, какимъ его сдѣлала исторія, есть стихійное стремленіе въ такой же мѣрѣ, какъ и сознательное.] Но, обративъ лишь къ народу, человекъ только доказываетъ извѣстную свою чуткость въ отношеніи воспріятія вліяній, оказываемыхъ средою, но не гарантируетъ достоинства извлеченнаго отсюда содержанія. Дабы обращеніе къ народу и народному, направляемое соціально-бытовыми условіями нашего интеллектуальнаго развитія, дало результаты, способные служить прочнымъ основаніемъ для прогрессивнаго развитія страны, необходимо, кромѣ прочаго, чтобы мотивы этого обращенія были освящены сознаніемъ, чтобы народное было поставлено въ надлежащее отношеніе къ общечеловѣческому, словомъ, чтобы это обращеніе совершалось при свѣтѣ знанія. Соблюденіе этого условія въ должной мѣрѣ можетъ быть достигнуто только постепенно, а такъ какъ тяга къ народу,

какъ явленіе стихійное, обнаружилась давно, причѣмъ подвергались ей лица, сходныя между собою лишь въ отношеніи чуткости къ извѣстнымъ отрицательнымъ вліяніямъ среды, — то и неудивительно, если, не будучи подготовленными къ роли, налагаемой на нихъ соціально-бытовыми условіями нашего общественнаго развитія, многія изъ этихъ лицъ оказывались неспособными понять ни причинъ явленія, толкающаго ихъ въ извѣстномъ направленіи, ни пути, которому нужно при этомъ слѣдовать, каковое обстоятельство — въ совокупности съ неблагопріятной для воспріятія впечатлѣній изъ народной жизни обстановкой — было причиной полнаго субъективизма добытаго на этомъ пути идейнаго содержанія. Консерваторъ приходилъ къ заключеніямъ одного рода, славянофилъ — къ заключеніямъ другого, прогрессистъ — къ третьяго рода и т. д. Словомъ, каждый полонецъ сохранялъ свой образецъ, міросозерцаніе одного могло радикально отличаться отъ содержанія понятій другого.

По своимъ мотивамъ стихійнаго характера, рассматриваемая тенденція въ нашемъ обществѣ есть тенденція народническая, и только въ этомъ смыслѣ — общественно-психологическаго происхожденія мотивовъ, обращающихъ духовное око интеллигента къ народу — можно объединить всѣхъ лицъ данной категоріи подъ флагомъ народничества.

Народостремительному теченію среди нашей интеллигенціи, явившемуся естественнымъ результатомъ соціально-бытовой обстановки нашего прогрессивнаго развитія, шло на-встрѣчу такое же теченіе чисто-идейнаго происхожденія.

Благодаря порабощенію народа итогъ крѣпостнаго права, противорѣчившаго элементарнымъ положеніемъ соціальной этики и по причинѣ отсутствія у насъ привилегированнаго класса, облачавшаго просвѣдательныя идеи на Западѣ въ форму соотвѣствующихъ его интересамъ, — русская интеллигенція могла принимать общечеловѣческія идеи правды и справедливости въ ихъ болѣе чистомъ теченіи, толковать ихъ въ духѣ интересовъ народа. Такимъ образомъ, по мѣрѣ лучшаго уясненія русской интеллигенціей воспринимаемыхъ съ Запада общечеловѣческихъ идей и ознакомленія съ широкой областью европейской науки, стихійное влеченіе къ народу и народному постепенно освѣща-

лось свѣтомъ идеи и званія) Этотъ процессъ обращенія стихійнаго тяготѣнiя въ совершенно сознательное и построенiе соотвѣтствующей ему логически обоснованной системы мiросозерцанiя, по причинѣ неблагопрiятной вообще обстановки для такой работы, совершался медленно, продолжается еще на нашихъ глазахъ и при этомъ наполовину путемъ внѣ литературнымъ, а слѣдовательно, путемъ недостаточно систематическимъ и не вполне доступнымъ ни для проверки, ни для наблюденiя.

Съ теченiемъ времени описываемое народопримирительное теченiе не только усилилось (или, быть можетъ, только объединилось), но и вступило въ новый фазисъ практической его реализацiи и векорѣ приняло наименованiе народничества. Объединяясь на почвѣ основныхъ идеальныхъ представленiй, ближайшихъ задачъ, подлежащихъ осуществленiю и, въ общемъ, практическихъ приѣмовъ послѣдняго, различныя фракцiи этого теченiя, по высказаннымъ выше и другимъ причинамъ, далеко неодинаково мотивировали систему своего мiросозерцанiя, не стремились къ возможно полному обоснованiю послѣдняго и почти не дѣлали попытокъ излагать эти системы въ общедоступной литературѣ. Процессъ систематическаго обоснованiя удобнѣе могъ бы совершаться въ послѣдующее время, еслибы не наступившее въ это время упадокъ душевной энергiи, апатiя и разочарованiе. Указанная атмосфера была причиной того явленiя, что прежде ясно поставленная задача затемнилась, рѣзкая сознательность народопримирительной идеи ослабѣла; но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ условiя, стихiйно вызывающiя это теченiе, оставались дѣйствовать по прежнему или даже усилились, матеріальное содержанiе разсматриваемаго направленiя общественной мысли болѣе или менѣе сохранилось, стремленiе къ фактическому сближенiю съ народомъ опредѣлялось, какъ очередная задача и сдѣлалось въ большей или меньшей степени потребностью, то и неудивительно, если это давнишнее народопримирительное теченiе, — раньше развивавшееся въ отношенiи установленiя основныхъ его принциповъ и вытекавшихъ изъ нихъ общественныхъ формъ быта, а затѣмъ ставшее на почву фактическаго сближенiя съ народомъ, — продолжало стремиться къ осуществленiю этого послѣдняго, не обладая уже тою ясностью

и определенностью возвращаю на постановку вопроса объ этомъ сближеніи, какаго характеризовала предшествующую эпоху, оцущью отыскивая форму единенія съ народомъ.

При этомъ намъ сдѣлались извѣстны по преимуществу два главныхъ типа интеллигента-народника. Представителя одного изъ нихъ, повинувшаго стихійному влеченію къ массѣ, имѣвшему въ ихъ глазахъ и логическое оправданіе, слѣдовало, не мудрствуя лукаво, этому влеченію, ставили своей задачей дать ему реальное осуществленіе, проливая при этомъ самыя разнообразныя степени сознательнаго отношенія къ дѣлу. Лица другой категоріи подчинялись рефлектирующей мысли, стремились подвергать анализу и свои собственныя влеченія, и среду, вызывающую послѣднія, и среду, ихъ привлекающую; значительная часть лицъ этой категоріи не успѣвала достигнуть, при помощи этого анализа, примиренія противорѣчій, являющихся результатомъ труднаго, нужно сознаться, положенія, когда человѣкъ чувствуетъ и можетъ быть даже преувеличиваетъ необходимость личнаго разрыва со строемъ, его родившимъ и воспитавшимъ, потребность единенія съ своимъ, ему чуждымъ и невѣжественнымъ, пытается осуществить это единеніе, встрѣчаетъ на пути непредвидѣнныя препятствія, съ которыми не хочет примириться и которыхъ не можетъ обойти, вѣчно колеблется между Сциллой и Харибдой, не умѣя ни ограничить свои идеальныя требованія, ни преобороть встрѣчающіяся затрудненія! Наибольше талантливыми бытописателями этихъ двухъ типовъ явились Златовратскій и Гл. Успенскій. Златовратскій бралъ своихъ героев по преимуществу изъ лицъ первой категоріи, Гл. Успенскій—изъ разряда второй.

Итакъ, мы имѣемъ дѣло съ тѣмъ моментомъ въ процессѣ развитія извѣстнаго направленія нашей общественной мысли, когда это направленіе, опредѣлившись въ основныхъ теоретическихъ и практическихъ принципахъ, занято отыскиваніемъ пути реализаціи послѣднихъ.

При этомъ, по причинѣ интеллектуальнаго упадка общества за послѣднія 10—15 лѣтъ, не только произошло затѣмненіе основныхъ идей средняго представителя разсматриваемаго теченія, низведшее послѣднее на низшую ступень сознательности,

но и понизилась умственная энергия литературной интеллигенции вообще, вследствие чего попытки практического осуществленія идеи сближенія съ народомъ, не только не получали должной поддержки и руководства со стороны прогрессивной печати, но скорѣе встрѣчались ею недоброжелательно. Такъ, на призывъ г. Пругавина къ интеллигенции придти на помощь народному образованію, г. Пыпинъ отвѣтилъ, какъ мы видѣли, совѣтомъ обратиться къ подлежащему начальству. Въ попыткахъ культурныхъ людей стать ближе къ народу, причемъ, даже при отсутствіи сознательнаго намѣренія внести въ массу свѣтъ знаній, отъ такого соедѣства могутъ произойти только культурно-выгодные результаты (при болѣе или менѣе широкомъ распространеніи такого неофициальнаго общенія интеллигенции и народа, врядъ ли могли бы произойти, напр., безпорядки вследствие принятія санитарныхъ мѣръ предупрежденія распространенія холеры) — г. В. Соловьевъ увидалъ одно стремленіе къ опрощенію и при этомъ, вмѣсто того, чтобы попытаться вложить въ это полустыхийное стремленіе къ народу сознательныя цѣли развитія массы, онъ его осмѣялъ и, взявши культурнаго вліянія на *народъ*, предложилъ ограничиться служеніемъ „общему прогрессу *страны*“, и въ этомъ отношеніи довольствоваться преторенными дорожками лекаря, учителя, чиновника, даже торговца (не, не нахара или ремесленника), т.-е. въ сущности по-совѣтовалъ бросить заиральныя идеи, довольствоваться тѣми формами общественной дѣятельности, какія выработаны прошлымъ, жить такъ, какъ жили ваши дѣды и отцы.

Весьма ограничено было пособіе присяжныхъ публицистовъ и въ дѣлѣ теоретическаго обоснованія системы возрѣвѣй разсчитываемаго направленія нашей общественной мысли, развивавшагося, какъ и многія другія наши направленія, наполовину путемъ виблиторатурничъ. Современныя писатели вообще гораздо больше интересуются тѣмъ, что думаютъ отживающіе отцы, а не развивающіеся дѣти. Вследствие этого они тщательно слѣдятъ за всякою потугой реакціонной мысли и не отвѣчаютъ на запросы со стороны формирующей интеллигенции, не оказываютъ пособія молодой мысли разработкой вопросовъ, имѣющихъ важное принципиальное значеніе, чѣмъ отчасти и объясняется

господствующій у насъ разбродъ общественаго ивѣсія. При такомъ отношеніи литературы къ запросамъ со стороны формирующейя интеллигенціи, ивѣтъ ничего удивительнаго, если вновь складывающіяся жизненныя теченія принимаютъ не совсѣмъ рациональныя формы и въ практическомъ примѣненіи, и въ теоретическомъ ихъ обоснованіи; если молодежь легко поддается проповѣди малосновательныхъ, но представляющихъ извѣстную цѣльность построенія и отвѣчающихъ ивѣкоторнымъ ея запросамъ, системъ воззрѣній.

Пожелаемъ же, чтобы это разъединеніе литературы и жизни исчезло; а для этого нужно, чтобы дѣатели литературы присматривались къ жизни и въ особенности чутко относились къ требованіямъ, предъявляемымъ еще лишь формирующеюся мыслью, намятуя, что воспособленіе росту молодой поросли составляетъ гораздо болѣе важную и плодотворную задачу, чѣмъ малопроизводительныя попытки исправленія кривыхъ вѣтвей и стволовъ.





2007088069